

~~4И-09~~
Т-37
1126158

Метради

ПЕРЕВОДЧИКА

ВЫПУСК

23

**Тетради
переводчика**

Научно-теоретический
сборник

Выпуск 23

*Под редакцией
кандидата филологических наук
профессора С.Ф. Гончаренко*

1126158

ББК 81
Т 37

Редакционная коллегия:

М.П. Брандес, С.А. Бурляй (отв. секретарь), Ю.В. Ванников, С.Ф. Гончаренко (отв. редактор), В.М. Завьялова, Ю.В. Кирсанов, В.Н. Комиссаров, А.В. Михеев, М.Я. Цвиллинг, Г.В. Чернов, А.Д. Швейцер

Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник.

Т 37 Вып. 23/Под ред. С.Ф. Гончаренко. — М.: — Высш. шк. 1989 — 176 с.

ISBN 5-06-000440-6

В выпуске рассматриваются теоретические проблемы адекватности перевода, его семантико-прагматический аспект, трудности передачи национально-культурной специфики эмоций, вопросы перевода научно-технических текстов и подготовки переводчика-синхрониста, а также проблемы поэтического перевода, перевода английского сонета XVI века на русский язык и «Евгения Онегина» на испанский.

4602000000(4309000000) — 385

Т

001(01) — 89

КБ-48-58-88

ББК 81

4

ISBN 5-06-000440-6

© Издательство «Высшая школа», 1989

1. ВВЕДЕНИЕ

В.Н. Комиссаров
(Москва)

СОВЕТСКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ НА НОВОМ ЭТАПЕ

За последние десятилетия в Советском Союзе проделана большая работа по развитию теории перевода и совершенствованию переводческой практики. По различным вопросам теории и практики перевода опубликован целый ряд фундаментальных трудов, получивших широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом. Особенно значительные успехи достигнуты в этот период в разработке основ лингвистической теории перевода. Всесторонне изучались проблемы эквивалентности, стилистические и прагматические аспекты перевода, различные способы моделирования переводческого процесса, вопросы нормы перевода и способы оценки качества переводов. Подробно описывались переводческие соответствия для разных комбинаций языков, анализировались компоненты содержательной структуры текста, выступающие в качестве доминантных элементов передаваемого смысла. Лингвистическая теория перевода сформировалась как важный раздел современного языкознания, получила статус официальной лингвистической специальности. Данные переводческого анализа широко используются в работах по сопоставительному и типологическому языкознанию, в других областях общего и частного языкознания. Значительное развитие получили исследования в области научно-технического, художественного и синхронного перевода.

Существенный вклад в достижения советского переводоведения вносят работники высшей школы. Большинство работ по лингвистической теории перевода выполнено преподавателями высших учебных заведений. Теоретическая разработка переводческой проблематики создала научную основу подготовки будущих переводчиков. На переводческих факультетах и факультетах иностранных языков читаются курсы теории и практики перевода, для которых составлены учебные программы, подготовлены учебники и

учебные пособия. Создана научно-обоснованная, проверенная многолетней практикой система подготовки переводчиков. Начата подготовка специалистов высшей квалификации в области теории перевода через аспирантуру. Вузы страны подготовили тысячи высококвалифицированных переводчиков.

Сегодня перед советским переводоведением встают новые масштабные задачи, связанные с реформой высшей школы, с проходящей в стране перестройкой всего народного хозяйства. Новый этап развития советского общества требует дальнейшего совершенствования всего переводческого дела, улучшения качества подготовки переводчиков, повышения квалификации всех переводческих кадров на прочной научно-теоретической основе, короче говоря, всестороннего переводческого обеспечения перестройки. А для этого необходима дальнейшая разработка переводческой проблематики, укрепление связи теории перевода с переводческой практикой с учетом новых условий.

Изменения, происходящие в советском обществе, увеличивают потребность народного хозяйства страны в высококвалифицированных кадрах переводчиков. Организация прямых связей советских предприятий с зарубежными фирмами, создание смешанных предприятий повлечет за собой появление на многих предприятиях отделов по внешним связям с соответствующим штатом переводчиков. Ставка на ускоренный научно-технический прогресс, борьба за выход советской продукции на мировой рынок связана с резким увеличением объема научно-технической и коммерческой информации, поступающей из-за рубежа, и необходимостью перевода на многие языки информации о советских товарах и услугах. Даже если в идеале (от которого мы еще очень далеки) каждый инженер будет владеть каким-либо иностранным языком, он все равно будет нуждаться в переводах, чтобы получить доступ к информации на других языках. Большую потребность в переводах и переводчиках вызовет дальнейшее расширение международных контактов, обмена в области культуры, спорта, туризма, проведение различных международных форумов, встреч и переговоров, совместных политических и общественных акций, не говоря уже о представительстве нашей страны в многочисленных международных организациях, правительственных и неправительственных.

На новом этапе повысятся требования к качественной стороне работы переводчика. Неточные, неквалифицированные переводы могут привести к политическим и дипломатическим недоразумениям, вызвать технические ошибки, а, возможно, и аварии, затруднить распространение в мире советских идей и советских товаров.

Повышенные требования к организации переводческой деятельности ставят новые задачи и перед работниками высшей школы, занимающимися обучением будущих переводчиков. Переводческая подготовка становится важной частью гуманитарного и не только гуманитарного образования. Определенный объем знаний в области теории и практики перевода должны получать не только филологи и учителя иностранных языков, но и юристы, экономисты, врачи, научные сотрудники, инженеры и другие специалисты, имеющие дело с литературой на иностранных языках. Важно также, чтобы руководители внешнеторговых, информационных и других служб и учреждений, пользующиеся услугами устных и письменных переводчиков, были знакомы со спецификой переводческой деятельности, умели правильно организовать работу переводчиков, предъявлять к ней необходимые требования и создавать надлежащие условия.

Обучение переводчиков в вузах должно вестись более целенаправленно с учетом потребностей народного хозяйства. Наряду с получением общей фундаментальной подготовки, студенты должны готовиться к работе по более специальному профилю: в качестве переводчика научно-технической литературы, переводчика-синхрониста, гида-переводчика и т.д. Для этого необходимо расширять и углублять преподавание переводческих дисциплин, совершенствовать существующие курсы и создавать новые. Учитывая требования реформы высшей школы, следует разработать новые формы и методы обучения, правильно организовать самостоятельную работу студентов по овладению переводческими знаниями, умениями и навыками, внедрить элементы компьютеризации в обучение.

Успешная подготовка переводческих кадров предполагает высокую квалификацию обучающихся. До сих пор специально преподавателей перевода не готовит ни одно учебное заведение. Необходимо создать условия для такой подготовки, провести аттестацию преподавателей вузов, обучающихся переводчиков, привлечь к работе в вузах опытных профессиональных переводчиков.

Стране нужна продуманная система повышения квалификации переводчиков. При существующем положении высококвалифицированный переводчик ни в моральном, ни в материальном отношении не имеет преимуществ по сравнению с переводчиком низкой квалификации. Следовало бы провести аттестацию всех лиц, занимающихся переводами, присвоить им разные квалификационные разряды, разработать номенклатуру переводческих должностей с соответствующей градацией штатных окладов.

Существует необходимость и в утверждении общесоюзного положения о статусе профессионального переводчика в СССР, где определялись бы его права и обязанности, условия работы, количественные и временные нормативы, размеры ставок и гонораров и т.п. применительно к разным видам переводов и разным квалификационным разрядам. Разработка такого положения отвечала бы требованиям международной Хартии переводчиков, принятой на сессии ЮНЕСКО в Найроби еще в 1976 году.

В духе времени было бы и создание Союза переводчиков СССР, который объединил бы всю многотысячную армию советских переводчиков. Такой союз мог бы сыграть важную роль в решении упомянутых выше и многих других вопросов профессионального характера. Между прочим, подобные союзы существуют в большинстве стран, в том числе и социалистических. Они устанавливают профессиональные контакты с объединениями переводчиков в других странах, входят в состав международных объединений переводчиков, в первую очередь в Международную федерацию переводчиков (ФИТ). Сейчас связь с ФИТ поддерживает лишь Совет по художественному переводу при Союзе писателей СССР, что не отвечает масштабам и характеру переводческой деятельности в нашей стране.

Союз переводчиков мог бы наладить выпуск специального журнала для освещения вопросов теории и практики перевода. Переводческие журналы издаются во многих странах, и отсутствие такого специального периодического издания в СССР — великой переводческой державе — не может быть оправдано. Редко выходящие сборники типа «Тетради переводчика», киевского «Теория и практика перевода» или давно не появляющегося «Мастерство перевода» не могут заменить столь необходимый ежемесячник, удовлетворить потребности в научной и профессиональной информации.

Решение всех этих задач потребует больших усилий со стороны широкой общественности, всех тех, кому дороги славные традиции советской переводческой школы, кто сознает государственную и социальную значимость переводческой деятельности.

Не менее сложные задачи стоят перед советским переводоведением и в отношении дальнейшего развития теории перевода. Здесь еще существуют «лакуны» в исследовательской практике, немало проблем еще ждут своего решения.

Одной из таких лакун является создание полноценной историографии перевода. Мы еще не располагаем фундаментальными работами или учебными курсами, которые бы освещали историческую роль и эволюцию переводческой деятельности в различных

странах и регионах, особенно в Азии, Африке, Латинской Америке. Не получила освещения роль перевода и переводчиков в становлении языков и литератур, в развитии национальных культур. Слабо изучена деятельность выдающихся переводчиков разных времен и народов.

Несколько лучше обстоит дело с изучением истории переводов в России, но здесь еще много предстоит сделать. Еще не написана подробная история становления и развития советской школы перевода. Учитывая особенности переводческой ситуации в нашей многонациональной стране, предстоит описать и обобщить опыт работы переводчика в национальных республиках, охарактеризовать роль русского языка как языка-посредника в практике переводов с языков и на языки народов СССР, дать научную оценку использования подстрочников, авторизованных переводов и многого другого.

Известно, что современный этап переводческой деятельности не имеет себе равных в истории перевода. Масштабы и значимость переводов в современном мире еще не получили достаточного отражения в нашей литературе. Не полностью освещено и воздействие научно-технической революции на характер переводимых материалов и сам процесс перевода, вклад переводчиков в ускорение научно-технического прогресса в мире. История создания национальных и международных переводческих центров и организаций, их деятельность и статус еще ждут своего летописца. Очень полезны были бы исторические обзоры периодических изданий, на протяжении многих лет публикующих статьи о переводах и переводчиках.

Назрел вопрос об изучении исторической эволюции переводческих концепций, теоретических воззрений выдающихся переводоведов прошлого и настоящего, становления и развития теории перевода, и прежде всего лингвистической теории перевода. Большой интерес представляет сопоставление теоретических основ различных переводческих школ и направлений, существующих сегодня в мире, выяснение их методологических установок и результатов реализации этих установок в переводческой практике и подготовке переводчиков в учебных центрах.

Центральное место в развитии теории перевода занимает анализ ее методологических основ. Перевод — это многогранное явление, связанное с многими аспектами языка и мышления. Сама возможность перевода обусловлена логико-гносеологическими факторами, принципиальной познаваемостью мира, единства человеческого мышления, наличием языковых универсалий. Анализ дол-

жен раскрыть реализацию в процессе перевода общих и специфических черт языков и создаваемых ими «картин мира», своеобразное взаимодействие объективного и субъективного в переводе. Во всестороннем изучении и описании нуждаются социологический, семантический, коммуникативно-лингвистический, психолингвистический и культурно-этнический аспекты перевода. Представляются весьма плодотворными попытки рассматривать перевод как аналог речемыслительного процесса, позволяющий обнаружить ненаблюдаемые этапы формирования мысли в речи.

В современном языкознании уже немало сделано для разработки принципов и методов лингвистического анализа перевода, его языковых и речевых аспектов, соотношения закономерного и случайного в переводе. Однако многие стороны межъязыковой коммуникации изучены еще не достаточно. Здесь прежде всего можно упомянуть коммуникативно-ситуативные аспекты перевода, связанные с его ориентацией на конкретных участников межъязыковой коммуникации, достижением определенного коммуникативного эффекта, учетом различных ситуативных и прагматических факторов.

Сложные задачи возникают в связи с перспективами компьютеризации переводческой деятельности. Во всем мире происходит бурное развитие систем МАТ (machine-aided translation), предусматривающих широкое использование ЭВМ в качестве помощника переводчика. Разрабатываются принципы составления и использования терминологических «банков данных» и автоматических словарей, методики работы переводчика с текстовыми процессорами и персональными компьютерами. Предстоит изучить различные формы взаимодействия переводчика с ЭВМ и выработать практические рекомендации. Весьма перспективным представляется использование компьютеров в обучении будущих переводчиков. Несомненно будут продолжаться исследования и в области машинного перевода.

Большое теоретическое и практическое значение имеет изучение процесса перевода в узком смысле этого слова, т.е. действий переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода. В современном переводоведении разработан ряд моделей перевода, описывающих разные стороны переводческого процесса. Вместе с тем само понятие «модель перевода» нуждается в уточнении. Нередко моделями перевода именуются теоретические положения общего характера, которые ничего не моделируют, не объясняют, каким образом происходит переход от оригинала к переводу. Модели перевода, представляющие процесс перевода в самом общем ви-

де, должны быть дополнены более детальным описанием отдельных этапов этого процесса, а также типовых операций преобразования, которые используются переводчиками.

Сделаны лишь первые шаги по созданию переводческой типологии текстов. Характер переводческого процесса во многом определяется функционально-коммуникативными, жанрово-стилистическими и прагматическими особенностями переводимых текстов. Не вызывает сомнения целесообразность классификации текстов и по типу переводческих задач. Однако принципы такой классификации остаются неразработанными. Разделение переводов на виды и подвиды на основе типологии текстов оригинала должно быть достаточно детальным, но и не слишком дробным, чтобы быть практически применимым.

Перевод занимает особое место среди других видов языкового посредничества. Вместе с тем на практике переводчику нередко приходится использовать в своей работе различные формы адаптации и переработки передаваемой информации, заниматься реферированием и аннотированием иноязычных текстов. Эти виды работы также нуждаются в научном описании, на основе которого можно было бы создать полноценные учебные курсы по разным языкам.

Перевод — это взаимодействие не только двух языков, но и двух народов, двух разных культур, укладов жизни, традиций. Культурно-исторические особенности языковых коллективов определяют интерпретацию передаваемой информации. Они должны учитываться переводчиком, влиять на выбор варианта перевода. Изучение культурно-этнических аспектов перевода — одна из важнейших задач переводоведения.

Большое практическое значение имеет разработка критериев оценки качества перевода. Объективная критическая оценка перевода может осуществляться лишь на основе определенных нормативных требований, дающих возможность установить характер отклонений (оправданных или неоправданных, вынужденных или произвольных) от нормы перевода. Определение нормы перевода для каждого вида перевода требует учета целого ряда смысловых, жанрово-стилистических, прагматических, социально-конвенциональных и других факторов. Однако без достаточно четких критериев оценки качества переводов не будет условий для проведения столь общественно-необходимой аттестации переводчиков, о которой говорилось выше.

В этой связи предстоит внести ясность и в оценку языка переводов, в первую очередь, переводов на русский язык. Нередко язык

переводов рассматривается исключительно в критическом плане: отмечаются случаи интерференции, нарушения нормы, «порчи» языка переводчиками. Несомненно, перевод — это вид литературного труда, и переводчики обязаны стоять на страже чистоты родного языка. Вместе с тем переводные тексты, связанные с описанием элементов иноязычной культуры не могут не иметь некоторых особенностей в отборе языковых единиц и частотности их употребления, в использовании заимствований, калек, экзотизмов, новых форм и значений. Положительная роль переводчиков в развитии и обогащении языка еще не получила научного освещения.

Одно из центральных мест в теоретическом переводоведении всегда занимали семантические аспекты перевода, проблема степени эквивалентности текстов перевода и оригинала. Дальнейшее развитие исследований в этой области предполагает уточнение процедуры анализа структуры содержания текста, определение относительной коммуникативной значимости отдельных компонентов этой структуры, выявление доминантных элементов смысла. Изучение особенностей смысловой структуры текста и высказывания в различных языках раскрывает причины многочисленных семантических преобразований в процессе перевода, обнаруживает специфику интерпретации смысла оригинала переводчиком. Предстоит исследовать специфику эквивалентных отношений в письменном и устном переводе, детерминированность этих отношений сферой и ситуацией общения.

На повестке дня стоит создание полноценной теории научно-технического перевода, этого важнейшего средства обмена и распространения научно-технической информации в эпоху НТР. В связи с терминологическим и тематическим многообразием научно-технических переводов возникает проблема определения характера и объема специальных знаний, необходимых переводчику, возможности его специализации в одной или нескольких областях. Составной частью изучения специфики научно-технического перевода является сопоставительный анализ языка науки в различных комбинациях языков, выявление сходства и различия в структуре и языковом оформлении научного изложения в разных языках.

Трудные проблемы предстоит решить в связи с дальнейшей разработкой теории художественного перевода, где сложным образом переплетаются литературные и лингвистические аспекты. Такая теория должна раскрыть характер переводческого творчества мастеров художественного слова в прозе и поэзии, выявить специфику переводов произведений различных литературных жанров, переводов с близкородственных языков и с языков с иными лите-

ратурно-стилевыми традициями, переводов исторических и отделенных по времени произведений. Не изучены еще многие вопросы, связанные с достижением в художественном переводе оптимального сочетания смысловой точности и воспроизведения образной системы оригинала, творческой манеры его автора. Нуждается в теоретическом осмыслении соотношение художественного и филологического перевода литературных произведений.

Несомненно будут продолжены исследования в области устного перевода как синхронного, так и последовательного. Синхронный перевод — вид коммуникативно-речевой деятельности, осуществляемой в экстремальных условиях, — обнажает скрытые процессы извлечения и воспроизведения смысла, роль доминантных и вероятностных факторов. Это справедливо и в отношении выполняемого переводчиком смыслового анализа сообщения, удержания его результатов в памяти и фиксирования их с помощью условной системы записи при последовательном переводе. Изучение специфики устного перевода затрагивает фундаментальные вопросы соотношения языка, речи и мысли.

Интересные проблемы возникают в связи с использованием различных видов перевода в системе средств массовой коммуникации. Несомненной спецификой обладает дублирование и перевод кинофильмов. Есть особенности и в переводе материалов для радио и телепередач. Здесь важно раскрыть воздействие на процесс и результат перевода конкретных условий его представления зрителю или слушателю и прагматических установок передачи. Использование перевода для решения непереводческих прагматических задач — явление достаточно распространенное, хотя большинство теоретиков перевода не обращает на него внимания.

Ценные практические результаты сулят исследования психолингвистических аспектов перевода. Рассмотрение перевода как особого вида речевой деятельности ставит перед собой задачу выявить речемыслительные процессы, действия и операции, осуществляемые в мозгу переводчика, способы формирования программы переводческой деятельности и развертывания этой программы в текст перевода. При этом обнаруживаются как общие черты переводческой деятельности и «однойязычной» речевой деятельности, так и ее специфика, обусловленная тем, что она проходит в рамках межъязыковой коммуникации. Психолингвистический анализ перевода должен показать, как лучше готовить переводчика к его профессиональной деятельности, как развивать у него умение мыслить «по-переводчески». Условием успешных исследований в этой области является разработка методов психолингвистического ана-

лиза перевода, видов и задач психолого-переводческих экспериментов. Слабо изучены до сих пор методика использования переводчиков в качестве информантов, возможности и границы применения метода интроспекции при исследовании процесса перевода.

Особый объект исследования представляет переводческий билингвизм. Независимо от того, обладает ли переводчик полным двуязычием или у него один язык — родной, а другой — чужой, иностранный, его билингвизм носит особый характер, поскольку он ориентирован на коммуникативное приравнивание разноязычных высказываний. По-видимому, неодинаковые виды билингвизма нужны для письменного и устного переводчика, для перевода на родной и на иностранный язык. Наблюдаются и случаи многоязычия, когда переводчик работает с несколькими комбинациями языков. О всех этих разновидностях билингвизма, об их относительной ценности, способах их формирования, их связях и взаимодействиях в памяти и речевых действиях переводчика нам известно еще очень немного.

Мало изучен перевод и как эвристический процесс. Какие типы решений приходится принимать переводчику, как происходит выбор решения в процессе перевода, какими путями идет переводчик при подборе вариантов перевода? Руководствуется ли переводчик какой-либо общей стратегией перевода, каковы возможные варианты таких стратегий и какие факторы влияют на выбор переводчиком одного из них? Следует ли переводчик каким-то стереотипным решениям или создает каждый раз новые? Какие знания, упражнения или соображения облегчают ему принятие правильного решения? Все эти вопросы нуждаются в обоснованных, экспериментально подтвержденных ответах.

Важную роль в процессе перевода несомненно играет и личность переводчика. В задачу переводоведения входит изучение существенных личностных особенностей, характеризующих хорошего переводчика, специфических требований, которые предъявляет профессия к его памяти, восприимчивости, реакции и другим интеллектуальным, эмоциональным и волевым качествам. Психологическая характеристика переводчика должна лежать в основе профессиональной ориентации будущих переводчиков и определять возможность тестирования при поступлении в соответствующие учебные заведения. Не менее важно сформулировать условия, обеспечивающие нужный психологический настрой и оптимальное осуществление переводческой деятельности. На этой основе возможна выработка соответствующих нормативов.

Будет продолжаться и разработка частных теорий перевода для

различных пар языков. Сопоставительно-переводческий анализ двух языков дополняет данные контрастивной лингвистики, позволяя сравнивать не только аналогичные единицы языковых систем, но также речевые высказывания и целые тексты. Тем самым языки сопоставляются не только в статике, но и в динамике, в процессе коммуникации. Сопоставление переводов и оригиналов становится эффективным методом лингвистического исследования.

Такое сопоставление дает возможность выделить лексические группировки и синтаксические структуры языка оригинала, которые имеют более или менее прямые соответствия в языке перевода и часто переводятся с помощью простой подстановки, и другие структуры, перевод которых требует существенных формальных и семантических изменений и которые поэтому могут характеризоваться как «трудности перевода». Мы располагаем описанием различных типов соответствий лишь для немногих пар языков, и в этой области предстоит большая работа. Особый интерес представляет изучение соотношения семантических категорий двух языков, расхождений в смысловой структуре лексико-грамматических полей, синонимических групп, грамматических значений. В процессе перевода находят отражение и различия фразеологических систем двух языков, своеобразный характер образных стереотипов и окказиональных образований.

Большое значение для теории и практики перевода имеет исследование явления безэквивалентности, различных видов лексических и семантических лагун и связанных с этим явлением проблем социо-культурных и национально-специфических реалий. Во многом дискуссионными остаются еще многие вопросы передачи в переводе «советизмов», идеологически окрашенной лексики, пределы использования заимствований и «варваризмов». Недостаточно изучены и проблемы, связанные с безэквивалентностью нестандартных форм.

Изложенная выше проблематика дает некоторое представление о масштабности и разнообразии теоретических исследований перевода, но она далеко не исчерпывает перечня задач, стоящих сегодня перед советским переводоведением. Для решения этих задач потребуются согласованные усилия всех наших переводоведов, особенно ученых и преподавателей высшей школы, работающих в этой области. Важно, чтобы эта работа была должным образом организована и скоординирована. Такую координацию могла бы осуществить комиссия по теории перевода при Государственном комитете по народному образованию.

В интенсификации научных исследований в области теории и

практики перевода должны сыграть свою роль и «Тетради переводчика», в которых традиционно сотрудничают ведущие советские переводоведы. Следует продумать вопрос об увеличении тиража сборника, его периодичности, разнообразии его тематики, расширении авторского состава.

Само содержание настоящего (23-го) сборника свидетельствует о многообразии переводческих проблем, затронутых в его материалах.

Для дальнейшего совершенствования публикаций в «Тетрадах переводчика» очень важно, чтобы у редколлегии существовала «обратная связь» с читателями. Поэтому хотелось бы обратиться с просьбой ко всем, кого интересуют проблемы теории и практики перевода, присылать свои отклики и замечания.

II. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Д.И. Ермолович
(Москва)

В ПОИСКАХ КРИТЕРИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ¹ (о концепции Питера Ньюмарка)

Теория перевода в Великобритании, по свидетельству П. Ньюмарка, лишь недавно переросла в самостоятельную, оформившуюся дисциплину «из ряда довольно общих рассуждений и очерков о достоинствах точного и свободного перевода» (с. IX). Тем больший интерес вызывает такая солидная, специально посвященная переводу публикация, как книга Питера Ньюмарка, выросшая из его практического опыта как переводчика и преподавателя перевода.

Эту работу трудно назвать монографией: скорее это собрание очерков, заметок, а подчас и предельно кратких наблюдений, написанных в разное время и по разным поводам. Автор сам указывает на ограниченность задачи, которую он ставит публикацией этих заметок. Надо, впрочем, отметить несомненную ценность многих практических рекомендаций П. Ньюмарка: в поле его зрения специальные термины, этимология, пунктуация, средства эмоциональной оценки, соответствие высказывания истине, отношение к хорошо и плохо написанным оригиналам, синонимия, различные типы лексических значений и многое другое, в чем должны отдавать себе отчет практические переводчики и обучающиеся переводу. Каждый опытный переводчик, способный осмыслить свою деятельность, подписался бы под подавляющим большинством этих соображений, даже несмотря на их недостаточную научную строгость и подчас излишне категоричный характер.

Однако главное, что интересует нас в этой книге, — это ее обще-

¹ *Newmark Peter. Approaches to Translation. Oxford: Pergamon Press, 1981.* Ссылки на страницы в статье даны по этому изданию. Статья была подготовлена к печати в 1984 г. Перевод всех цитат из этой работы мой. — Д.Е.

теоретические принципы и выводы, тот этап научного исследования перевода в Англии, который она отражает. Поэтому внимание в данном обзоре будет сосредоточено на том, что сам автор считает своим вкладом в теорию перевода, — его концепции коммуникативного и семантического перевода.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению этой концепции, важно выяснить, как Ньюмарк вообще трактует понятие «перевод» и в чем он видит предмет теории перевода. «Перевод, — пишет он, — это деятельность (craft), состоящая в попытке заменить письменное сообщение (message) и/или высказывание (statement) на одном языке тем же самым сообщением и/или высказыванием на другом языке. Во всех случаях такая попытка связана с некоторой потерей значения вследствие ряда факторов» (с. 7, выделено мною — Д.Е.). Дихотомия «сообщение/высказывание» в этом определении не случайна, она призвана подвести основу под деление методов перевода на «коммуникативный» и «семантический», предлагаемое автором далее. Однако признать такое определение удовлетворительным совершенно невозможно. Неясно, во-первых, значение связки «и/или»: признает ли автор равноправными попытки замен «сообщения и высказывания» на «сообщение и высказывание», «сообщения» на «сообщение», «высказывания» на «высказывание», не говоря уже о перекрестных вариантах?

Во-вторых, возможна ли замена «тем же самым» сообщением и/или высказыванием, если это неизбежно связано с потерей значения?

Имеются у П. Ньюмарка и противоречия в понимании задач теории перевода. Отмечая, что «центральной задачей теории перевода является определение соответствующего метода перевода» (с. 141 — довольно узкое понимание, на наш взгляд), он несколько пессимистически констатирует, что «теория перевода способна показать обучающемуся, что все это (содержательные и формальные аспекты оригинального текста. — Д.Е.) должно или может быть связано с переводом (обычно он отдает себе отчет в гораздо меньшем), и предложить ему принципы и указания (некоторые из них... противоречивы), по рассмотрении которых он делает свой выбор и принимает решения» (с. 36). Иными словами, теория перевода, в понимании Ньюмарка, предлагает переводчику некоторый набор типических соответствий (в виде, допустим, рекомендаций к переводу социально-исторических терминов), оговаривает их использование рядом пожеланий и на этом считает свою миссию законченной, оставляя дальнейшее на усмотрение переводчика. Но в таком случае теория перевода превращается в приложение к словарю, в

лучшем случае в пособие по техническим приемам перевода, но уж никак не вооружает переводчика каким-либо методом.

П. Ньюмарк, впрочем, поднимается над столь узкой трактовкой теории, предлагая концепцию коммуникативного и семантического перевода, которая заслуживает внимания.

Эти термины определяются следующим образом: «Коммуникативный перевод стремится произвести на читателя воздействие, как можно более близкое к тому, какое испытывают читатели оригинала. Семантический перевод стремится передать настолько близко, насколько позволяют семантические и синтаксические структуры второго языка, точное контекстуальное значение оригинала» (с. 39).

Как явствует из дальнейшего описания характеристик коммуникативного и семантического перевода, коммуникативный перевод имеет тенденцию к большей гладкости, ясности, традиционности изложения (с точки зрения ПЯ). Он подчеркивает «заряд» (force) в большей степени, чем содержание сообщения. Семантический перевод, по П. Ньюмарку, оставляет текст в лоне культуры ИЯ, он сложнее, детальнее и сосредоточен скорее на мыслительном процессе, чем на интенции отправителя. Такой перевод стремится точнее передать «аромат» подлинника: «слова “священные” — и не потому, что они важнее содержания, а потому, что форма и содержание — единое целое» (с. 47).

Приведем пример, схематически иллюстрирующий принципы «коммуникативного» и «семантического» перевода. Сравните варианты перевода вывески на немецком языке:

Bissiger Hund! (букв. 'кусачая собака')	Beware of the dog! (букв. 'Берегись собаки!')	— коммуникативный перевод
	Dog that bites (букв. 'собака, которая кусается')	— семантический перевод

(Пример иллюстративен, он не утверждает равноправия обоих вариантов. По-русски «коммуникативным» был бы перевод: “Во дворе злая собака”).

Уже из сказанного видно, что предложенное П. Ньюмарком разграничение «коммуникативного» и «семантического» перевода лежит в том же русле, что и два типа переводческой эквивалентности,

предложенные Ю. Найдой — «динамическая» и «формальная»¹. П. Ньюмарк, однако, отмежевывается от этой теории, подвергая критике принцип «эквивалентного эффекта», на котором основывается «динамическая» эквивалентность Ю. Найды. «Эквивалентный эффект» П. Ньюмарк, как и другие критики данной концепции, считает во многих случаях недостижимой целью (особенно при резких различиях в социокультурном окружении читателей оригинала и читателей перевода), а ее осуществление — трудно поддающимся проверке. Между тем, если мы вернемся к определению «коммуникативного» перевода в работе П. Ньюмарка, приведенному выше, то увидим, что и оно берет за основу максимальную близость воздействия на читателей перевода и оригинала.

Разница в концепциях Ю. Найды и П. Ньюмарка состоит, как представляется, в неодинаковой постановке акцентов. Если симпатии Ю. Найды явно на стороне «динамической» эквивалентности, то П. Ньюмарк стремится восстановить в правах ориентированный на средства выражения подлинника «семантический» перевод и прибегает при этом к довольно нестандартной аргументации (хотя она — скажем сразу — и не выдерживает критики).

Согласно П. Ньюмарку, существуют тексты, которые автор создает только для себя, а вовсе не для читателей (и сюда якобы относятся некоторые произведения художественной литературы и поэзии). Воздействие на читателя его при этом не интересует. Соответственно, в переводе таких произведений принцип «эквивалентного эффекта» теряет смысл. Реакция читателя поэтому не должна особенно занимать переводчика, который должен уделить все внимание «верности автору». Самое большее, что он может сделать для читателя, — это дать ему «подслушать» авторскую речь.

Под это мнение П. Ньюмарк подводит неожиданную теоретическую посылку. «Я считаю, — пишет он, — что главная сфера языковой деятельности, приложения языка и его цель для взрослого человека — это мышление, а не речь, письмо, коммуникация или (само) выражение» (с. 57). И далее: «Если согласиться с предположением, что мышление предшествует речи и письму и что, тем самым, главная цель языка не в коммуникации..., придется отвергнуть предположение, что письменная речь есть всего лишь несовершенный субститут устной» (с. 58).

В попытке представить письменную речь как едва ли не прямое отражение мышления П. Ньюмарк ссылается на концепцию

¹ См.: *Найда Юджин А. К науке переводить. Принципы соответствий.* // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. С. 114-137.

внутренней речи, разработанную советским психологом Л.С. Выготским, как самостоятельной функции, представляющей собой в известной мере мышление в «чистых» значениях. П. Ньюмарк усматривает прямую связь между внутренней речью и некоторыми видами письменной речи и видит в этом основу для своей концепции «семантического» перевода.

Нет нужды, думается, вступать в полемику с П. Ньюмарком относительно коммуникативной природы языка. Даже если допустить наличие текстов, ни для кого не предназначенных, перевод по самой природе своей есть вид коммуникации, он не может не иметь в виду получателя. (Можно и в самом деле представить, что перевод осуществляется в условиях подслушивания или подглядывания: но тогда он тем более ориентирован на получателя перевода, учитывает только его (не автора же!) интересы, потому что со стороны переводчика было бы абсурдно переводить для себя — ему и так все должно быть понятно).

По-видимому, несостоятельны ссылки П. Ньюмарка на концепцию Л.С. Выготского. Репрезентацией мысли является именно внешняя (устная и письменная), а вовсе не внутренняя речь: «Внешняя речь есть процесс превращения мысли в слова, ее материализация и объективация. Внутренняя — обратный по направлению процесс, идущий извне вовнутрь, процесс испарения речи в мысль»¹. Одновременно «внутренняя речь есть речь для себя. Внешняя речь есть речь для других»².

В суждениях П. Ньюмарка о «семантическом» и «коммуникативном» переводе можно усмотреть и другие неувязки. Из определения этих методов (см. выше) видно, что они характеризуются по разным, так сказать, параметрам (воздействие на читателей, с одной стороны, и контекстуальное значение оригинала, с другой). Естественно возникает вопрос: нельзя ли совместить эти требования? В какой-то мере это возможно, отвечает автор. «Нет отдельного (по *опе*) коммуникативного либо отдельного семантического метода перевода текста — они в значительной мере перекрещиваются. Перевод может быть более или менее семантическим либо более или менее коммуникативным; даже отдельный отрезок предложения может быть переведен в большей степени коммуникативно, чем семантически» (с. 40). Вопрос, таким образом, выводится в плоскость уровня эквивалентности перевода, который может колебаться от одного отрезка текста к другому.

¹ *Выготский Л.С. Мышление и речь. — Собр. соч. — М., 1982. Т. 2. С. 316.*

² Там же.

С другой стороны, П. Ньюмарк резервирует тот или иной метод за определенными жанрами. «Большая часть нехудожественной литературы, журналистики, информационных статей и книг, учебников, докладов, научно-технической литературы, официальной корреспонденции, пропагандистских материалов, рекламы, публичных уведомлений, стандартизированной литературы и популярной беллетристики — эти сходящие с конвейера тексты, которые сегодня нуждаются в переводе, но которые не переводились и в большинстве своем не существовали еще лет сто назад, — представляют собой типичный материал, требующий коммуникативного перевода. С другой стороны, оригинальность выражения, при которой конкретный язык говорящего или пишущего не менее важен, чем содержание (будь то философский, религиозный, политический, научный, технический или художественный текст), требует семантического перевода» (с. 44). Здесь ставится вопрос о методе перевода как изначальной позиции переводчика в отношении того или иного типа текста.

Однако и в этой связи возникают вопросы. Как быть, скажем, с текстами международных договоров и юридических документов, где нет и речи об индивидуальном авторском стиле, но где перевод, можно сказать, вплотную следует оригиналу, ничего не упрощает и не разъясняет, т.е. никак не может быть «коммуникативным», насиливая подчас даже нормы ПЯ?

Задавшись этим вопросом, хочется еще раз уточнить сущность того и другого методов в понимании автора. Но тут снова бросаются в глаза противоречивые заявления. Например: «В коммуникативном, как и семантическом, переводе — при условии, что достигнут эквивалентный эффект, — дословный перевод является не только лучшим, но и единственным законным методом перевода» (с. 39), но парадокс заключается в том, что, переводя с немецкого *Bissiger Hund* дословно как «кусачая собака», мы тоже достигаем эквивалентного эффекта (увидев такую табличку, никто во двор не войдет), а между тем, как признает и сам П. Ньюмарк, такой перевод должен быть забракован.

В другом месте автор размыкает и свое понятие «семантического» перевода. Так, *une tempête dans un verre d'eau* (франц.) или *ein Sturm im Wasserglass* (нем.) («буря в стакане воды») можно перевести, если переводчику покажется слишком затертым обычный эквивалент *storm in a tea-cup*, как *a mountain out of a molehill* (букв. «гора из кротовьего холмика»), и это будет «семантический» перевод(?)¹.

¹ Альтернативным «коммуникативным» переводом будет, по П. Ньюмарку, *a lot of fuss about nothing* («много шума из ничего»).

Впрочем, если отвлечься от некоторых не очень удачных примеров и теоретических посылок П. Ньюмарка, пафос его концепции очевиден. Необходим, с его точки зрения, очень взвешенный подход к установлению мостов взаимопонимания между автором и читателем. Не всегда в угоду легкости восприятия читателем должны решаться такие вопросы, как использование в переводе более привычного, идиоматического, стандартизованного языка, лишаящего читателя возможности приобщиться к самому ходу мысли автора и сообщающего ему лишь ее готовый результат.

Нельзя не согласиться с П. Ньюмарком в том, что теория перевода должна сформулировать и определенные требования к читателю. «Все ли должно быть подано им (читателям — Д.Е.) на блюде? Должны ли они приложить какие-то усилия? Ожидается ли от них, что они посмотрят какое-нибудь слово в словаре или энциклопедии?» (с. 51). У нас полемика по поводу «подтягивания» читателя к оригиналу имела место в 70-х гг. в связи с оживившимся интересом к переводческому методу В.Я. Брюсова¹. Еще раньше, в 50-х гг. критиковались формалистические попытки «сохранения» авторского стиля в переводах на русский язык Ч. Диккенса². Главный вывод, который можно сделать из этой полемики, — то, что образ выражения (и соответственно образ мысли) автора подчинен целостной концепции его произведения и, следовательно, выразительные средства оригинала должны найти соответствие не в отдельных языковых формулах, а в системе языковых средств перевода, которая может отличаться от подлинника в частности. Но в рамках этой позиции мы пока еще не уточнили, в какой степени и читателя нужно подтягивать к подлиннику. Пока же, добиваясь, чтобы перевод отражал максимум эксплицитной, имплицитной и ассоциативной информации, заложенной в оригинал, исследователи перевода явно или неявно исходят из того, что читателю, выражаясь словами Б.Л. Пастернака, все «должно быть разжевано и в рот положено»³.

Работа П. Ньюмарка вызывает размышления еще об одной проблеме: аутентичности перевода (в широком смысле). Ведь перевод, так сказать, юридически приравнивается к подлиннику: он

¹ См. *Гаспаров М.* Брюсов и буквализм. // *Мастерство перевода*, — М., 1971. Вып. 8. С. 88-128; *Творческие споры. Возвращение к буквализму?* // *Мастерство перевода*. — М., 1973. Вып. 9. С. 253-275.

² См. *Кашкин И.* Ложный принцип и неприемлемые результаты. // *Для читателя-современника*. — М., 1977. С. 371-403.

³ Цит. по: *Мастерство перевода*. 1969. — М., 1970. Вып. 6. С. 346.

выдается за произведение того же автора. Коммуниканты «обращаются с переводом так, как будто он и есть оригинал (печатают его под именем автора оригинала, цитируют, оценивают, критикуют оригинал по переводу и т.п.)»¹. Но ведь известно, какие при этом возникают казусы: цитату из какого-либо произведения оказывается невозможным воспроизвести по опубликованному переводу, так как в ней, оказывается, отсутствует тот оттенок мысли, ради которого она приводится; критик, ориентируясь на перевод, приписывает автору какие-то слова, которые невозможно выделить в оригинале, и т.п. Ясно, что, по мысли П. Ньюмарка, «семантический» перевод призван свести к минимуму число таких казусов, но вряд ли ему это под силу в отсутствие общепринятых критериев аутентичности перевода, его статуса по отношению к оригиналу, — вопрос, еще недостаточно исследованный.

Наконец, еще одна проблема, к которой подводит (не называя ее) работа П. Ньюмарка, — это вопрос о степени идиоматичности перевода по отношению к подлиннику и, в частности, о том, какие причины и закономерности лежат в основе большей, чем в подлиннике, идиоматичности перевода. Этот вопрос мне приходилось затрагивать², но в условиях литературно-издательской деятельности на Западе он имеет свою специфику. В полном согласии с принципом «эквивалентного эффекта» переводчики в сфере так называемой массовой литературы взяли на вооружение приемы рекламы и стали рассматривать читателя как литературного потребителя, повернувшись к автору спиной. Обратной реакцией на эту практику и является, на наш взгляд, концепция «семантического» перевода.

Концепция «коммуникативного» и «семантического» перевода, несмотря на нестрогость, а порой и шаткость ее посылок, не представляется бесперспективной. Думается, подход в этом русле может быть плодотворным, если рассматривать оба метода как целостные переводческие установки, принципы ориентации, которые переводчик избирает в зависимости от характера произведения и — обязательно — характера его аудитории. Разумеется, эта концепция нуждается в дальнейшей разработке, особенно в плане критериев того и другого методов и принципов их выбора.

¹ Комиссаров В.Н. Перевод и языковое посредничество. // Тетради переводчика. — М., 1984. Вып. 21. С. 21.

² Ермолович Д.И. Типичность ситуации и перевод на уровне сообщения. // Тетради переводчика. — М., 1977. Вып. 14. С. 11-21.

Серьезную ценность представляют собой и наблюдения П. Ньюмарка из области практики перевода. Из них можно извлечь хороший материал для обучения начинающих переводчиков.

М.М. Зинде, С.А. Фридрих
(Орехово-Зуево)

КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДА И СТИЛИСТИКА ТЕКСТА

При определении качества художественного перевода складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, переводоведение еще не выработало глубоких и объективных методов оценки перевода, а зачастую просто отрицает саму ее возможность. С другой стороны, в редакторской практике, где каждый редактор-биллинг оценивает перевод на основе своих субъективных критериев, степень качества перевода — явление вполне моделируемое. Подтверждение тому — эксперимент, поставленный в семинаре переводчиков, работающем под руководством М.Ф. Лорие при Союзе писателей. Чтобы выработать общие принципы перевода прозы английского писателя Э. Уилсона, один небольшой рассказ его был переведен одновременно пятью переводчиками. И несмотря на то, что перепады в качестве переводов оказались незначительными, и каждый из оценивающих эти переводы пользовался своими субъективными критериями оценки, лучший перевод был выявлен практически единодушно.

Этот эксперимент наводит на мысль, что для создания определенной системы оценок качества перевода требуются, видимо, следующие составляющие: 1) какой-то эталон (хотя бы на данный конкретный текст), при сопоставлении с которым можно оценивать перевод; 2) «типология ошибок» и шкала отметок, чтобы ставить определенный балл в зависимости от степени отклонений перевода от эталона (а поскольку при переводе меняется не только язык, но и адресат, и вообще культура, что вызывает неизбежные трансформации, в дополнение к этому пункту нужна система «допусков», отграничивающая объективно-обусловленные отклонения от субъективных ошибок переводчика); 3) «параметры» — некие конкретные уровни и элементы данного текста, с помощью которых можно было бы производить анализ и на основе которых можно было бы сравнивать перевод с оригиналом (здесь имеется в виду методика расчленения художественного текста, знание способов, которыми воплощаются авторские замыслы).

По сути разговор идет о создании для данного перевода практического и детального определения адекватности — основного понятия всей переводческой науки, как бы это понятие ни называли: эквивалентность, равнозначность, идентичность и т.д. Ведь фактически любое определение адекватности — это и есть набор требований, предъявляемых к переводу, способ отграничения перевода от «неперевода» и, следовательно, система оценки его качества.

Рассмотрим пункты оценочной программы подробнее.

1. В практике эталон каждого конкретного перевода, хотя и не всегда в осознанном виде, существует (когда герой фильма Г. Данелия «Осенний марафон» редактирует перевод, любому и всем ясно, где хороший перевод, а где плохой). Складывается этот эталон: а) из оригинала, как идеала (основные его достоинства редактору видны и без скрупулезного анализа); б) из общего «фона» прошедших через руки редактора плохих и талантливых переводов; и, наконец, в) из объединяющего оба первых пункта набора конкретных требований к переводу, выработанных на данное время в среде профессионалов и сформулированных в работах сторонников литературоведческого подхода в переводоведении (К. Чуковский, И. Кашкин, Н. Галь, С. Флорин и др). Требования эти бывают зачастую несколько расплывчаты (вроде «вдохновенной точности» К. Чуковского), но генеральную линию в работе, общую методологию подхода к современному переводу они, без сомнения, дают. В конечном итоге упорядочить и детализировать требования к переводу и выявить эталон на каждый конкретный текст не представляется делом предельно трудным.

2. В настоящее время перевод судят в основном по ошибкам и их количеству. Но выявляемые ошибки чаще всего затрагивают лишь поверхностный слой текста, а их исправление обычно ведет к радикальному улучшению перевода. Создать «типологию» таких неизменно учитываемых сейчас типичных ошибок тоже не представляется работой особенно сложной. Что касается «допусков», то входящие сюда и неизбежно требующие трансформации: а) специфические требования той культуры, на язык которой делается перевод; б) необходимые потери; в) издержки переводческой интерпретации оригинала, «концепции» переводчика; г) национальная окраска, безэквивалентная лексика и исторический колорит, — все они уже достаточно разработаны. Менее других разработана, пожалуй, лишь проблема концепции переводчика, т.е. индивидуального прочтения и индивидуального понимания переводчиком оригинала. Но эта проблема, как и разработка новой, более глубокой «типо-

логии ошибок» будет зависеть от того или иного решения по третьему — самому главному и самому трудному пункту программы, названному здесь «параметрами».

3. Анализировать тексты оригинала и перевода, а затем производить сравнительную оценку, например, по лексике и синтаксису (как, собственно, сейчас и делают) — это слишком низкий уровень анализа для художественного произведения: по таким параметрам может оказаться приемлемым и вполне серый перевод. Оценивать же, к примеру, «смех смехом» К. Чуковский) можно с объективностью только тогда, когда будут формализованы законы смеховой стихии. Видимо, для того чтобы сопоставлять текст с текстом и давать ему объективную сравнительную оценку, надо знать организацию текста, как целостной конструкции, надо научиться понимать и вычленять — формально, объективно! — способы, которыми реализуется авторский замысел. Тогда — или через систему оппозиций в писательской «модели мира» (верх-низ, свет-тьма и т.п.) или через какую-то иную систему — откроется истинная, инвариантная структура данного текста. Эта структура и ляжет в основу сопоставительного анализа оригинала и перевода, она задаст новые векторы для создания типологии ошибок, она же, очевидно, поможет объективнее учитывать и достоинства перевода (именно выделение и обсуждение удачных мест перевода, судя по практике семинаров и работе с редакторами, вызывает наибольшее количество противоречивых мнений и споров). Создание в помощь переводчику более объективной стилистики даст возможность, сопоставляя стилистические костяки перевода и оригинала, сделать не только расхождения текстов, но и их совпадения. Совпадения помогут оценивать перевод с положительной стороны, расхождения же, не отменяя, видимо, уже существующего набора ошибок, дадут увидеть их в новом ракурсе, новой связи и причинности. Помимо всего прочего, поскольку предполагаемый глубинный анализ текста пронизет и свяжет воедино все его уровни, отпадет надобность скрупулезно подсчитывать потерянную информацию. Выявится значительно четче и авторский замысел, что сузит допустимые пределы индивидуальной переводческой интерпретации и обеспечит большую «равнозначность воздействия» перевода и оригинала.

Создание подобной «переводческой стилистики», соединяющей литературоведческий и лингвистический подходы и способной описать организацию текста в терминах «способа мышления» автора, требует огромного количества изысканий. Поэтому прежде всего имеет смысл проверить, насколько вообще стилист может помочь переводчику в его практической деятельности.

Предлагаемый ниже отрывок из повести У. Голдинга «Чрезвычайный посол» был переведен на русский язык, затем оба текста — оригинал и перевод были отданы на правку двум опытным редакторам, а английский текст был проанализирован лингвистом, занимающимся проблемами стилистики текста.

The curtains between the loggia and the rest of the villa were no defence against the eunuch's voice. His discourse on passion was understandably but divinely impersonal. It twisted and soared, it punched the third part of a tone suggestive of a whole man's agony, it broke into a controlled wobble, dived, panted neatly in syncopation for breath. The young man who stood against one of the pillars of the loggia continued to roll his head from side to side. There were furrows in his forehead as deep as youth could make them and his eyelids were not screwed up but lowered as if they were a weary and unendurable weight. Beyond and below him the garden was overwhelmed with sunset. A glow, impersonal as the eunuch voice, lay over him, but even so it was possible to see that he was exquisite to look at, tall, red-headed and gentle. His lips fluttered and a sigh come through them.

The old man who sat so restfully by the other pillar of the loggia looked up from his work.

“Mamillius”.

Mamillius shrugged inside his toga but did not open his eyes. The old man watched him for a while. The expression on his face was difficult to read, for the sunlight was reflected from the stone pavement and lit him upside down so that the nose was blunted and an artificial benevolence lay about the mouth. There might have been a worried smile under it. He raised his voice a little.

“Let him sing again”.

Поскольку один из редакторов делал правку прямо на полях перевода, его комментарии воспроизводятся здесь в первоизданном виде. Там, где он для сравнения вписывал английский вариант, стоит «см. текст». (Например, это не галерея: см. текст.)

Занавеси, отделявшие крытую галерею от внутренних помещений, свободно пропускали голос евнуха. Он пел о любви (см. текст) с вполне понятным, но божественным пристрастием. Песня переливалась, парила, круто взвивалась, имитируя страдания полноценного человека (см. текст: страдает сам евнух), затем, рассыпавшись в искусных трелях, падала и легко замирала при входе. У одной из колонн галереи (в тексте определенный артикль) стоял юноша в тоге (этого в тексте нет) и, не переставая, качал из стороны в сторону головой (этого нет). Его лоб бороздили глубокие — насколько

ко это вообще (а как еще?) доступно молодости — морщины, а веки были опущены, словно он устал от их непереносимой тяжести. Внизу за его спиной (почему?) лежал пронизанный закатом парк. Сияние (так ли?), столь же бесстрастное, как и голос евнуха, обволакивало юношу, но было видно, что он высокий, рыжеволосый и изящный. Сквозь его затрепетавшие (как это?) губы вырвался вздох.

Старик, который покойно сидел (см. текст) у соседней колонны (другая колонна), поднял взгляд от папируса.

— Мамиллий!

Юноша дернул плечом (здесь «тога»: зачем было перемещать?), но глаз не открыл. Старик с минуту наблюдал за ним. Выражение его лица было нелегко разобрать: солнечные лучи, отражаясь от мозаичного пола, освещали его снизу, поэтому нос казался приплюснутым (чье лицо?), а рот чересчур добродушным (см. текст). Возможно, на его губах была обеспокоенная улыбка (под ним: т.е. скрывалась).

— Пусть продолжает петь! (нет! — см. текст) — сказал он, слегка повысив голос.

У второго редактора замеченные недостатки сложились в определенную систему: «Может быть, самое важное в этой повести Голдинга — ее слог: жесткий, экономный, изящный, спокойно-издевательский, иногда пышно-бурлескный. Если его не передать, т.е. не найти способа его передать, тут одна добросовестность не поможет — потеряется гротескно-комический эффект повести, она попросту обесмыслится, превратившись в некий расплывающийся опус, не в меру изукрашенный стилизованными изысками и «исторической» бутафорией.

Примерно это в данном случае и произошло: бойкий, иногда даже исполненный живости перевод то и дело хочется назвать удачным; однако удач здесь на самом деле почти нет — есть только их видимость. Все осложняющее перевод попросту опускается, переиначивается, облегчается: так, с самого начала, голдинговская *discourse on passion* становится *песней о любви* («пел о любви», что прямо искажает смысл) и дополняется «божественным бесстрашием», что несправедливо по отношению к олимпийцам, ибо бесстрашие, как таковое, им не было свойственно. «Сияние... бесстрастное, как голос евнуха» — оно хоть и не слишком понятно, но может иметь место, однако речь-то идет о том, что в отблеске заходящего солнца, таком же ничейном, нейтральном, равнодушном (*impersonal*), как голос кастрата, теряются индивидуальные человеческие черты. В переводе читаем «сияние ... обволакивало юно-

шу» — и дальше недоумеваем, в чем дело, почему «его не было видно...»? Было, правда, видно, что «он ... изящный» — ну, это уж дань неряшливости слога перевода.

Опять-таки не возникает связывающего смысла в строках «нос казался приплюснутым, а рот чересчур (?) добродушным»: здесь за счет бойкости утеряно буквально все — и то, что резкий очерк носа смягчен, и то, что выражение рта стало мягче и доброжелательней. Более того, в данном переводе даже неясно, о ком идет речь — об императоре или его внуке. И такого рода небрежностей, граничащих с невниманием к богатству стилистических оттенков оригинала, а иной раз и просто к смыслу текста, в переводе чрезвычайно много, он ими проникнут.

Такая бойковатая сдвинутость перевода, устраняющая исходный смысл, обходящаяся без иного, неизбежно сопровождает текст: «песня взмыла вверх» (вместо the voice rose — «голос смолк, словно его оборвали» и т.д. ... это не частные случаи, не промахи, а совершенно очевидный переводческий принцип, который может быть назван словарным: принцип примерного смыслового соответствия. В итоге перевод, на мой взгляд, в целом стилистически неадекватен подлиннику и уводит от понимания повести Голдинга как своеобразного и неповторимого явления, как произведения одного из мастеров современной прозы».

Обратимся теперь к разбору оригинала, проделанного лингвостилистом: «По своей основной функции отрывок представляет собой экспозицию повести. Содержит описание места, времени и портретные зарисовки героев. Однако описательная статика экспозиции нарушается динамикой уже начавшегося действия, отражающей конфликт между юношей и стариком. Фактор совмещения статики и динамики оказывает влияние на характер подачи семантической информации, моделируемой скрытым или явным противопоставлением героев. Это прежде всего проявляется в характере «сценического» представления действующих лиц: каждая реплика персонажей вводится авторской ремаркой, содержащей описание жестов, мимики, характера проявления эмоций и т.п. Такого рода сценический эффект подачи материала составляет конструктивную специфику всей повести, что непосредственным образом усиливает театрализованность, условность происходящего.

На фоне единообразно разворачивающейся конструктивной основы текста используются также и другие, интегрирующие текст средства, рассредоточенные по различным абзацам, как например, иносказательный показ течения времени, наступление сумерек, переданный изменением цветовой гаммы, метонимией, когда на-

чальное the eunuch's voice претерпевает к концу абзаца трансформацию в the eunuch voice и затем переплетается с иносказательным показом времени и т.п. Эти общие макро-стилистические аспекты интеграции большого массива поддерживаются микро-стилистикой каждого абзаца в отдельности: так, в первом абзаце, распадающемся в содержательном плане на две части: а) описание песнопения евнуха и б) изображение Мамиллия, обе они организуются различным характером использования разнообразных стилистических приемов.

Линейный характер текста определяет необходимость следования этим описаниям в указанном порядке. Однако факт предшествования (а) вовсе не означает, что (б) необходимо следует из него или после него. Это два одновременно происходящих события. Подчеркивание одновременности двух событий оказывается стилистически полифункциональным в тексте: с одной стороны, создается иллюзия уже начавшегося к моменту прибытия автора на место действия (этот эффект создается семантикой первого предложения и глаголом *continued* во второй части), с другой стороны, благодаря этому, автору удается построить своеобразный пространственный эффект: первая пространственная точка «занавеси», вторая — одна из колонн. Глубина пространства определяется фразой *Beyond and below him the garden was overwhelmed with sunset*.

В части (а) динамизм песни усилен сочетанием различных стилистических средств на небольшом пространстве текста: морфологических (употребление активных глаголов), синтаксических (использование параллельных конструкций), семантических (навязывание противопоставленности эпитетам *understandably* и *divinely*, подхватываемое скрытым противопоставлением двух совмещенных метафор: *it twisted and soared ... , it broke into a (controlled) wobble, dived, panted (neatly)...*, где взятые в скобки определения соотносимы по смыслу с сочетанием *understandably impersonal*, а остальная часть — с *divinely impersonal*.

Часть (б) в свою очередь распадается на два содержательных отрезка, расчлняемых «фразой глубины», из которых первый построен двумя шутивно-ироническими образными сравнениями: 1) *furrows ... as deep as youth could make them*, т.е. никаких морщин там не было, он их тщился изобразить. 2) *his eyelids were ... lowered as if they were a weary and unendurable weight*. Последнее сравнение усилено синонимическими эпитетами (подчеркивается тяжесть век, которой не было) и аллитерацией звука [w] в словах *lowered ... weary ... weight*.

Во втором абзаце завершается построение пространства — ... the other pillar of the loggia.

Третий абзац распадается на два композиционных отрезка: а) реакция Мамиллия на вопрос старика и б) изображение (вернее, начало изображения) старика. Наибольший интерес представляет для нас (б). Здесь описание старика «вставлено» в своего рода синтаксическую «рамку»: первое и последнее предложения синтаксически запараллелены и динамичны по семантике. Описание же абсолютно статично. Статика описания как бы поддерживает паузу, определяемую фразой: — “The old man watched him for a while”.

Сравнивая три вида проделанной над текстом работы, можно увидеть, что всех их объединяет определенная система оценки текста, заданная, вне сомнения, установками У. Голдинга. Благодаря определенной системе восприятия оба редактора часто указывают на одни и те же слабые места перевода, хотя, естественно, у них имеются и расхождения. Расхождения, по-видимому, обусловлены и тем, что тексты анализируются разными людьми, и разными задачами, которыми они руководствовались при редактировании. Так, в задачу редактора, сделавшего пометки на полях, входило только исправление погрешностей текста, мешавших, с его точки зрения, воспроизведению на другом языке авторского замысла. Иная задача стояла перед вторым редактором. Ему было необходимо доказать «бойковатую сдвинутость» перевода и поэтому все отклонения, им зафиксированные, призваны были не столько исправить перевод, сколько проиллюстрировать эту мысль.

Главный вывод, который напрашивается при сравнении этих двух подходов к переводу — это пословность их анализа. Вся критика перевода сводится к указанию на неудачные лексические эквиваленты, критика же текста как органического целого, полностью отсутствует. В этой связи большинство замечаний редакторов можно, в принципе, оспаривать, за исключением, разумеется, найденных ими явных ошибок, как в примере с отклонениями.

Иную картину мы наблюдаем, когда обращаемся к стилистическому анализу. Прежде всего, он предельно объективен, заставляет внимательно приглядеться к конструкции оригинала, рассматривает текст во всей его неповторимой цельности и вместе с тем определяет его составные параметры. В целом он помогает переводчику сделать выводы, необходимые для исправления перевода.

К отрицательным моментам следует отнести невозможность учета в таком анализе конкретной переводческой специфики и прежде всего специфики перевода лексики оригинала, что не позволяет в полной мере «анатомировать» авторский замысел.

В качестве примера положительной стороны стилистического анализа приведем конкретные рекомендации по начальному, са-

тому важному в стилистическом и содержательном отношении, абзацу, которые могли бы быть учтены переводчиком. В переводе разрушена цельность таких композиционных линий развития, как: а) пространственный эффект — не соблюден принцип одинакового начала фраз и построения глубины; б) не увидено различие между *eupuch's voice* и *eupuch voice*; в) не прослежена тематическая цельность, задаваемая сочетанием *understandably but divinely impersonal*; г) не передан шутливо-иронический дух сравнений в описании Мамиллия; д) не учтен эффект иллюзии уже начавшегося действия.

Изложенное позволяет сделать общий вывод, что стилистический анализ текста можно рассматривать как построение определенного конструктивного инварианта, своего рода опорных балок, еще не сцементированных раствором слов. Но этим роль стилистического анализа и должна исчерпываться, ибо в силу своей формальности, односторонности и заданной нормативности он не в состоянии решать многие переводческие проблемы. Иными словами, подобный стилистический анализ является пока лишь началом разработки тех «параметров», с помощью которых можно было бы проводить сравнительный анализ оригинала и перевода, чтобы затем объективнее оценивать качество переводного текста. Его, конечно надо еще развивать, углублять, приравливать к сугубо переводческой специфике, но в целом он представляется нам чрезвычайно перспективным.

А.Д. Швейцер
(Москва)

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА

Термины «эквивалентность» и «адекватность» издавна употребляются в переводческой литературе. Иной раз в них вкладывается разное содержание, а иногда они рассматриваются как синонимы. Так, в интересной статье Р. Левицкого «О принципе функциональной адекватности перевода» «эквивалентность» и «адекватность» выступают как взаимозаменяемые термины¹. В то же время у других авторов эти термины дифференцируются, но при этом на различной основе.

С точки зрения В.Н. Комиссарова, «адекватный перевод» имеет более широкий смысл, чем «эквивалентный перевод» и, по существу, означает «хороший» перевод, обеспечивающий «необходимую

¹ *Левицкий Р. О принципе функциональной адекватности перевода. — Сопоставительно языковедение. 1984. IX. 3. С. 75.*

полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях». В то же время под эквивалентностью подразумевается «смысловая общность приравняемых друг к другу единиц языка или речи»¹.

По-иному решают проблему соотношения эквивалентности и адекватности К. Райсс и Г. Вермеер. Термин «эквивалентность» охватывает, в их понимании, отношения как между отдельными знаками, так и между целыми текстами. С другой стороны, адекватностью называется соответствие выбора языковых знаков на языке перевода тому измерению исходного текста, которое избирается в качестве основного ориентира. Адекватность — это такое соотношение исходного и конечного текстов, при котором последовательно учитывается цель перевода².

Думается, что в этих определениях, несомненно, содержится рациональное зерно. Так, в определении В.Н. Комиссарова существенным представляется указание на конкретные условия коммуникации как важный элемент понятия адекватности. Совпадая с предлагаемым В.Н. Комиссаровым пониманием эквивалентности как соотношения между единицами (знаками), определение К. Райсс и Г. Вермеера вносит в него необходимое, на наш взгляд, уточнение, указывая на то, что эквивалентные отношения охватывают корреляции не только между отдельными знаками, но и между текстами.

Вместе с тем вопрос о соотношении понятий «эквивалентность» и «адекватность» заслуживает более обстоятельного рассмотрения. Прежде всего, следует уточнить, что именно имеется в виду под соотношением единиц (знаков) в связи с понятием эквивалентности. Следует принять во внимание, что соотношения между единицами разных языков, устанавливаемые с учетом их парадигматических связей в контексте соответствующих языковых систем, являются предметом рассмотрения не теории перевода, а контрастивной лингвистики. Для теории перевода специфично то, что в ней анализируются корреляции не между виртуальными знаками — элементами языковых систем, а между актуальными знаками — сегментами речевых произведений (текстов). Показательны в этом отношении данные эксперимента, проведенного в свое время Я.И. Рецкером, предложившим испытуемому текст со следующей фразой:

“The fresh air revived most of the men, and the thought of beer at the nearest pub stimulated sluggish pulses.”

¹ Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. — М., 1980. С. 152.

² См. Reiss K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. — Tübingen.. 1981. S. 124-148.

93% испытуемых перевели *thought of beer* не как *мысль о пиве*, а как *мысль о кружке пива*¹. Разумеется, соответствие между *beer* и *кружка пива* — это не соответствие между данными единицами в системе языка, а соответствие между сегментами текста, целиком и полностью обусловленное речевым контекстом и ситуацией.

Опытный переводчик хорошо знает, что выбор зафиксированного в словаре языкового эквивалента возможен лишь потенциально. Реализация этой потенциальной возможности определяется контекстуальным окружением и нормами построения текста. Нередко словарный эквивалент «срабатывает» лишь как индикатор дальнейшего поиска нужного соответствия. Ср. приводимый Н. Галь пример: мать мечтает, чтобы сын «унаследовал все качества отца...». В этом переводе с французского словарный эквивалент *qualité* *качество* требует замены контекстуально более приемлемым *достоинство*².

Говоря об отношениях эквивалентности, следует не забывать важнейшее для теории перевода положение о примате эквивалентности текста над эквивалентностью его сегментов. Эта закономерность выступает наиболее рельефно тогда, когда коммуникативная установка отправителя выдвигает на первый план не референциальную функцию текста, а другую — скажем, металингвистическую (установка на код) или экспрессивную³. Ср. следующий пример из указанной выше работы Е. Райсс и Г. Вермеера:

It life worth living? It depends upon the liver.

La vie, vaut-elle la peine? C'est une question de foi(e).

При переводе английского каламбура на французский язык не соблюдается эквивалентность на уровне словесных знаков: в английском тексте обыгрывается омонимичность — *liver* «печень» и «живущий», а во французском *foi* «вера» и *foie* «печень».

Понятие эквивалентности связано с понятием инварианта. Наиболее общим инвариантным признаком, охватывающим все виды эквивалентности, является соответствие коммуникативной интенции первичного отправителя конечному коммуникативному эффекту перевода. Именно в этом случае речь идет о коммуникативной эквивалентности. В тех случаях, когда отношение коммуникативной эквивалентности распространяется как на семантический, так и на прагматический уровни, а также на все существен-

¹ Рехцер Я.И. Теория перевода и переводческая практика.—М., 1974. С. 65-70.

² Галь Н. Слово живое и мертвое.—М., 1975. С. 25.

³ Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. —М., 1973. С. 66-68.

ные для данного коммуникативного акта функциональные характеристики текстов, мы говорим о полной эквивалентности. При достижении эквивалентности лишь на некоторых уровнях (например, на прагматическом, но не на семантическом) или в отношении лишь некоторых функций оригинала (например, при переводе стихов прозой, когда передается референциальная функция текста, но остается непереданной его художественно-эстетическая функция) речь может идти лишь о частичной эквивалентности.

В любом случае эквивалентность — это соотношение между первичным и вторичным текстами или их сегментами. При этом полная эквивалентность является идеализированным конструктом, далеко не всегда достижимым (хотя в принципе возможным) в реальной переводческой практике. Случаи полной эквивалентности наблюдаются, как правило, в относительно несложных коммуникативных условиях, в текстах со сравнительно узким диапазоном функциональных характеристик. Чем сложнее и противоречивее требования, предъявляемые к переводу, чем шире функциональный спектр текста, тем меньше вероятность создания текста, представляющего собой зеркальное отражение оригинала.

В оппозиции терминов «эквивалентность»/ «адекватность» находит свое воплощение двойственная природа перевода. Как известно, перевод — это и процесс, и результат. До сих пор мы говорили о результативной стороне этого явления, ибо эквивалентность — это отношение результатов двух коммуникативных актов — первичного (создания исходного текста) и вторичного (создания текста на языке перевода). Термин «адекватность» применим к переводу в его процессуальном аспекте (сходных позиций придерживаются К. Райсс и Г. Вермеер).

Если эквивалентность ориентирована на соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации текста определенным параметрам, задаваемым оригиналом, то адекватность связана с условиями межъязыковой коммуникации, с ее детерминантами и «фильтрами» (селекторами, определяющими выбор конкретного варианта), с выбором стратегии перевода, отвечающей данной коммуникативной ситуации. Иными словами, если эквивалентность отвечает на вопрос, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям.

Между понятиями «эквивалентность» и «адекватность» есть еще одно принципиальное различие. Эквивалентность всегда в известной мере нацелена на идеальный эталон. Она подразумевает исчерпывающую передачу содержания оригинала на всех семиоти-

ческих уровнях и в полном объеме его функций (полная эквивалентность), или, по крайней мере — применительно к тому или иному семиотическому уровню или той или иной функции (частичная эквивалентность). Требование эквивалентности носит, иными словами, максимальный характер либо по отношению к тексту в целом, либо по отношению к его отдельным аспектам. Адекватность же представляет собой категорию с иным онтологическим статусом. Ее требования носят оптимальный характер. Она нацелена на лучшее из того, что возможно в данных условиях. В самом деле, известно, что перевод нередко требует жертв и что решения переводчика часто носят компромиссный характер. Более того, в процессе вторичной коммуникации нередко модифицируется и сама цель коммуникативного акта, что неизбежно влечет за собой известные отступления от эквивалентности текстов.

Отсюда следует, что перевод может быть адекватным даже тогда, когда он не отвечает (или отвечает лишь частично) критериям эквивалентности. Более того, неэквивалентность отдельных фрагментов текста вполне совместима с адекватностью перевода текста в целом. Так в популярном американском мюзикле “My Fair Lady” профессор Хиггинс заставляет Элизу распевать песенку “The rain in Spain falls mainly on the plain”, чтобы научить ее правильно произносить дифтонг [ei], который в ее диалектном произношении (Cockney) звучит как [ai]. В русском варианте мюзикла Элиза произносит скороговорку «Карл у Клары украл кораллы». Эти фрагменты явно неэквивалентны друг другу. Для английского реципиента песенка Элизы — фонетическое упражнение, преследующее цель отучить Элизу от диалекта лондонских низов. Все эти социальные и региональные ассоциации теряются в переводе.

Русский реципиент воспринимает цель упражнения как попытку научить Элизу четко артикулировать труднопроизносимые звукосочетания. Так в переводе устраняется важный социально-оценочный компонент текста.

Можно ли принятое переводчиком решение признать адекватным? На наш взгляд, критерием адекватности является то, что любое отступление от эквивалентности должно быть продиктовано объективной необходимостью, а не произволом переводчика. В противном случае речь может идти лишь о вольном переводе, не отвечающем требованиям адекватности.

В рассмотренном выше случае мы сталкиваемся с проблемой переводимости. Известно, что диалектизмы относятся к тем элементам текста, которые находятся за гранью переводимого. В приведенном примере переводческое решение мотивировано невоз-

возможностью использования русской диалектной речи в переводе. Фонетические признаки русских диалектов (типа оканья, цоканья и т.п.) в устах Элизы произвели бы нелепое впечатление. Поэтому решение переводчика адекватно. Иными словами, — это, по-видимому, лучшее, что можно сделать при данных обстоятельствах. Доказательством неадекватности подобного решения может быть наличие другого, обеспечивающего большую степень эквивалентности исходного и конечного текстов.

В данном случае в основе противоречия между требованиями эквивалентности и адекватности лежит конфликт двух коммуникативных ситуаций — первичной и вторичной. Нередко отступление от строгих требований переводческой эквивалентности оказывается связанным с такими культурными детерминантами перевода, как переводческая норма и литературная традиция. Так, например, существуют традиции перевода названий художественных произведений. В этой области традиционно допускается вольный перевод, порой сводящийся к полному переименованию произведения с учетом специфики новой культурной среды.

Так, в опубликованном в США переводе известного романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» название передано как «Diamonds to Sit On». Здесь решение переводчика прагматически мотивировано стремлением сделать название более броским, более интригующим и тем самым более соответствующим литературной традиции воспринимающей среды. Иногда мотивом переименования является желание снять неясные читателю перевода аллюзии. Так, роман Хемингуэя «The Sun Also Rises», название которого навеяно строками из «Екклесиаста» — «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит», появился в раннем русском переводе под названием «Фиеста».

Адекватный перевод с отступлением от требований эквивалентности особенно часто встречается в художественном переводе и, в первую очередь, в переводе поэзии, где он порой создает собственную традицию передачи творческого почерка иноязычного поэта. Такую традицию перевода Р. Бернса создал С. Маршак, который, по словам В. Россельса, существенно изменил наши представления о шотландском барде. «Возможно, — пишет В. Россельс, появившийся в России, благодаря переводам Маршака, Бернс и отличается от подлинного (да это и не может быть иначе — ведь передал нам его все-таки Маршак!), но он, бесспорно, живет в нашем представлении совершенно самостоятельно и, прежде всего, отличается от русского поэта Маршака. Это разные литературные явления. О силе воздействия созданной Маршаком традиции свидетельствует»;

в частности, сопоставление маршаковского перевода стихотворения Бернса «Шел солдат с войны» с переводом на белорусский язык Я. Семяжона¹.

Столь же четко личность поэта Маршака прослеживается и в знаменитых маршаковских переводах сонетов Шекспира. Приведем в качестве примера перевод концовки 74 сонета:

So then thou has but lost the dregs of life, /The prey of worms, my body being dead; / The coward conquest of a wretch's knife, / Too base of thee to be remembered. /The worth of that is that which it contains, /And that is this, and this with thee remains.

С тобою будет лучшее во мне, /А смерть возьмет у жизни быстротечной /Осадок, остающийся на дне, / Все, что похитить мог бродяга встречный. / Ей черепки разбитого ковша, / Тебе мое вино, моя душа.

Принято считать, что выступая в ролях получателя исходного текста и отправителя текста перевода, переводчик как бы перевоплощается в автора и, как говорят в театре, полностью «входит в его образ». Однако такое перевоплощение осуществимо лишь в идеальной схеме перевода. На деле же переводчик (в особенности переводчик поэтического произведения), подобно актеру, перевоплощающемуся в действующее лицо драматургического произведения, не утрачивает и своих личностных характеристик. В приведенном примере мы видим, как Маршак «облагораживает» Шекспира, снимая слишком грубый, с его точки зрения, образ: в переводе отсутствуют слова «добыча для червей» (так называет поэт свое брэнное тело). Показательно, что та же линия прослеживается в маршаковских переводах Бернса, он смягчает резкость и грубость оригинала².

Выбирая стратегию перевода, переводчик может отдать предпочтение текстуально точному, приближающемуся к дословному, переводу или переводу, смело отходящему от формальной и смысловой структуры оригинала, приближающемуся к вольному. Для переводов Маршака характерен второй путь. Он не только снимает авторский образ, но и вводит собственную развернутую метафору: *осадок, остающийся на дне – черепки разбитого ковша – мое вино*. В оригинале мы находим лишь стертую языковую метафору

¹ Россельс Вл. Заботы переводчика классики.//Тетради переводчика. 1967. № 4. С. 25.

² См. Левин Ю.Д. Бернс на русском языке.//Роберт Бернс. Стихотворения.–М., 1982. С. 556.

dregs of life 'бренные останки'. Как отмечает Ю.Д. Левин, в своих переводах Маршак нередко идет на подобные отступления, стремясь при этом, однако, воссоздать поэтическое целое¹.

Обычно считают, что переводчик выражает лишь коммуникативную интенцию автора. Думается, что это часто встречающееся в литературе утверждение нуждается в уточнении. Кроме общей цели — передачи смыслового содержания оригинала, перевод может преследовать и другие, специфические для данной коммуникативной ситуации, цели. Поэтому адекватность перевода определяется не только его соответствием установке автора, но и его установки этим дополнительным целям, вытекающим из самой ситуации перевода. Ярким примером того, как эти дополнительные цели модифицируют переводческое решение, может служить сопоставление двух переводов шекспировского «Отелло» — Б. Пастернака и М. Морозова. Перевод Б. Пастернака адресован широкому читателю и зрителю и призван произвести определенное эмоционально-эстетическое воздействие. Прозаический перевод М. Морозова предназначен актерам и режиссерам. Его главная задача состоит в том, чтобы с максимальной точностью и полнотой передать смысловое содержание шекспировской трагедии, что не всегда возможно в поэтическом переводе, который обычно сопряжен с определенными смысловыми потерями. В таких случаях оценка адекватности перевода должна исходить не только из общих целей всякого перевода, но и из тех конкретных задач, которые поставил перед собой переводчик. Поэтому было бы некорректно считать один из этих переводов лучшим, нежели другой. Перед нами два перевода, отвечающие разным коммуникативным установкам и, соответственно, акцентирующие разные стороны оригинала.

Вместе с тем любые подобные модификации не могут не отражаться на эквивалентных отношениях между исходным и конечным текстами. Ведь понятие эквивалентности ориентировано на первичную коммуникативную ситуацию и связано с воспроизведением тех или иных ее элементов, получивших воплощение в исходном тексте (коммуникативной установки первичного отправителя, смыслового содержания исходного текста, установки на первичного получателя и др.). Что же касается понятия адекватности, то оно, как следует из сказанного выше, ориентировано на вторичную коммуникативную ситуацию, на соответствие конечного текста ее компонентам (установке на другого адресата, на другую культуру

¹ Левин Ю.Д. Там же. С. 554.

и, в частности, на иную норму перевода и иную литературную традицию, специфической коммуникативной цели перевода и др.). Таким образом, адекватность перевода — понятие относительное. Перевод, адекватный в одной коммуникативной ситуации (скажем, в рамках одной переводческой школы), может быть неадекватным в другой.

С точки зрения изложенной выше концепции было бы неточно говорить о том, что понятие эквивалентности шире понятия адекватности. Если бы это было так, то между этими понятиями существовало бы отношение включенности, адекватность была бы родовым понятием, а эквивалентность — видовым. На самом же деле речь идет о пересекающихся понятиях. Наблюдается немало случаев, когда один и тот же перевод отвечает как требованиям эквивалентности, так и требованиям адекватности. Нередко встречаются случаи, когда неэквивалентный перевод отвечает критериям адекватности. Но ведь, с другой стороны, встречаются и другие случаи, когда перевод эквивалентен, но не адекватен.

Приведем следующий пример:

I came to Warley on a wet September morning with the sky the grey of Guiseley sandstone (*J. Braine*).

Если перевести Guiseley sandstone как «песчаник из Гайсли», то такой перевод будет, по-видимому, эквивалентным оригиналу, но едва ли адекватным с точки зрения вторичной коммуникативной ситуации, поскольку русскому читателю едва ли известно, как выглядит этот песчаник. Поэтому предпочтительнее другой вариант: ... «небо казалось высеченным из серого песчаника». Именно этот вариант отвечает признакам адекватности. Дело в том, что «адекватность» и «эквивалентность» — тесно соприкасающиеся друг с другом понятия, отражающие разные стороны одного и того же феномена.

Отметим попутно, что предложенное выше разграничение этих понятий соответствует их изначальному смыслу: перевод эквивалентен тогда, когда исходный и конечный тексты равноценны друг другу; перевод адекватен тогда, когда переводческое решение в достаточной мере соответствует коммуникативной ситуации перевода.

Подведем итоги сказанному. Обе категории носят, на наш взгляд, нормативно-оценочный характер. Объектом эквивалентности является перевод, как результат (конечное состояние); объектом адекватности — перевод как процесс. Содержание первой категории — соотношение текстов; содержание второй — соответствие ситуации перевода.

III. ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

*В.С. Кудряшов
(Москва)*

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ

Перевод как особый тип коммуникации не может не испытывать влияние прагматических категорий языка. Прагматические аспекты перевода охватывают широкий круг проблем, главной из которых является достижение эквивалентности в переводе. Важность прагматики перевода не вызывает сомнений. Об этом пишут большинство теоретиков перевода, «учет прагматического фактора является необходимым условием достижения полной переводческой адекватности¹».

Целью данной статьи является анализ прагматического аспекта перевода советских реалий на английский язык западными средствами массовой информации. Материалом исследования послужили информационно-пропагандистские тексты военно-политического характера. Под советской реалией понимаются реалии-слова и словосочетания как элементы специальной лексики английского языка. Эти языковые знаки используются для номинации и передачи предметов и явлений материальной культуры, характерных для СССР и его Вооруженных Сил, и не имеют общепринятых переводческих эквивалентов, приемлемых в различных видах контекстов.

Прагматический аспект перевода реалий представляет одну из наиболее сложных проблем теории перевода. Учет прагматических факторов необходим потому, что они, по мнению А.Д. Швейцера, могут рассматриваться как «наиболее важные фильтры, определяющие не только способ реализации процесса перевода, но и сам объем передаваемой информации»². Всесторонний учет прагмати-

¹ Бархударов Л.С. Язык и перевод. — М., 1975. С. 125.

² Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. — М., 1973. С. 244.

ческих факторов при переводе позволяет не только установить некоторые закономерности, определяющие выбор того или иного способа перевода, но и значительно глубже изучить диапазон переводческих приемов, которые используются для передачи «безэквивалентных» лексических единиц. Под прагматическими факторами многие лингвисты понимают: а) фоновые знания участников коммуникации и национальную специфику адресата, б) функциональную роль реалии в том или ином сообщении, в) жанрово-стилистические особенности материала. К наиболее общим способам перевода относят добавления, замены, включающие генерализацию и конкретизацию, различные формы описательного и контекстуального переводов.

В информационно-пропагандистском тексте реалии представляют собой с точки зрения теории информации своего рода помехи, так как их появление в том или ином контексте нарушает процесс восприятия информации. Однако только в контексте реализуются значения слов и обнаруживаются различия в их употреблении. Согласно Н.Н. Амосовой, контекст представляет собой «сочетание семантически реализуемого слова (т.е. относительно которого контекст вычленяется) с указательным минимумом «т.е. элементом речевой цепи, несущим требуемое семантическое указание».¹ Указательный минимум, благодаря которому раскрывается семантическая структура и реализуется прагматический потенциал реалии, может создаваться микроконтекстом (одно слово, словосочетание или соответствующие эквиваленты), например:

Long Range(bomber) Aviation Command, Commandant's Service (Military Police)

узким контекстом (высказывание — сверхфразовое единство):

“partisan regions”—large areas behind enemy lines that have been restored to Soviet government even before the Red Army returned.

и макроконтекстом (текст как структурно-композиционная организация материала). Каждый из них, несмотря на структурно-коммуникативные различия, выступает в роли своеобразного индикатора и предназначен для дополнительного осмысления реалии. Присущая контексту детерминирующая функция позволяет решать следующие задачи: а) раскрытие коммуникативного плана (уточнение, дополнение, развитие) и б) экспликация, усиление определенного элемента семантической структуры за счет создания смысловой избыточности (дублирования, повторения определенной семы).

¹ Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии.—Л., 1963. С. 28.

Типы индикаторов советских реалий

В структурно-смысловой организации микроконтекста можно выделить два элемента – базис, который представляет основу обозначения реалии и идентификатор – указательный элемент, обеспечивающий заданную референтную соотношенность реалии с определенным фрагментом действительности, который в той или иной форме уточняет основное содержание реалии, ограничивая, конкретизируя или модифицируя основу высказывания. По выполняемым функциям можно выделить идентификатор-информатор (его главная цель – внесение дополнительной информации уточняющего, конкретизирующего характера), социальный индикатор (также используемый для обеспечения необходимой референтной соотношенности, но, как правило, создающий социально-исторический колорит) и идентификатор – функциональный эквивалент. Каждый тип индикатора обладает определенным дифференцирующим потенциалом и служит для оказания необходимого прагматического воздействия на читателя.

В качестве идентификаторов-информаторов в микроконтексте могут использоваться 1) термин и его производные:

Suvorov(Army) and Nakhimov (Naval) Colleges

2) терминологическое словосочетание и его эквиваленты:

guards mortar (rocket-launcher) division

“... was promoted to the general of the army(four stars)...”

3) топоним: Northern (Poland) and Central (Czechoslovakia) group of forces... .

“... the Volga (Stalingrad) operation netted 22 German divisions...”

4) аббревиатура: the celebrated Katyushas – MLRS

junior commanders of the reserve (NCO)

5) номенклатурные знаки (НЗ) различных типов:

а) аббревиатура-НЗ

“mobile battlefield air defense systems (SA-8, SA-9, improved SA-7”

б) кодированное наименование-НЗ: “Front Commander has in addition medium range missiles (Shaddock and Scaleboard)...”

в) антропоним-НЗ: “... the Katyusha multiple rocket launcher (also christened “Stalin’s organ pipes”) were organized into Guards Mortar regiments...”

Выделяясь чужеродностью на фоне привычного языкового окружения, социальные индикаторы не являются нейтральными языковыми знаками. Помимо указания на реалию, они формируют необходимый социально-исторический колорит, используются для оказания определенного пропагандистского воздействия на чи-

тателя, как правило, эмоционального характера. Их можно рассматривать в качестве текстовых маркеров советских реалий в информационно-пропагандистских текстах. Чаще всего функцию социальных индикаторов выполняют различные виды лексических заимствований, например: а) заимствованный термин: military district (okrug), ground attack (shтурмовой) regiment;

б) сложносокращенное наименование: military representative (войенпред) of the Ministry of Defense, deputy people's Commissar (narkom) for military and naval affairs.

в) заимствованная аббревиатура: Air Defense (PVO) fighter division Military Transport Aviation (VTA) of the Air Forces.

Социальный индикатор особенно важен при передаче понятий и объектов, параллельно существующих в советской и английской терминосистемах. Именно он смещает информационный акцент на советскую реалию, например: Army Commander(komandarm) second rank, Ocean Theater of Operation (OTVD), Senior military leadership (Stavka)

Функцию социального индикатора могут выполнять и другие лексические единицы, например различные определения: Operations (First) Department

аббревиатуры: Commander of Tactical Air Forces (FA)—Frontal Aviation.

В зависимости от занимаемой позиции в линейной цепи социальный индикатор в постпозиции выделяется графически — скобками, например:

“... force could be either an “echelon” (i.e. pre-tasked) or a reserve”, а в препозиции развертывается в том же линейном ряду без специальных маркеров — paramilitary KGB and MVD troops. В структуру социального индикатора могут вводиться и смешанные элементы: “... the weapons of the Strategic Rocket Forces are employed for Strategic (i.e. TVD and National) aims...”

Идентификатор — функциональный эквивалент используется для уточнения семантики военно-технических и научных терминов, например термин “rear”, который в основном используется для передачи понятия *тыл Вооруженных Сил СССР*, часто дополняется синонимом (logistic) из-за расхождений в понимании и объеме семантики термина — “Since the first principle of Soviet rear (logistic) support is to...” Такой способ передачи вынуждает автора прибегнуть к дополнительной семантизации, как правило в виде комментария или сноски, например:

“... it should be noted that the Russian word “Tyl”, meaning rear, refers not only to all the military organizations concerned to supply, maintain and

support the armed forces, but also to the homeland and the economic capacity which can be adapted for war”.

Аналогичный прием используется и для передачи других понятий — Naval Infantry (Marines), intendance (quartermaster).

В некоторых случаях функциональный эквивалент значительно снижает эмоциональный заряд советской реалии, как бы нейтрализуя его в результате добавления нейтральной лексической единицы, например:

the Great Patriotic War (World War II).

Влияние прагматики на структуру микроконтекста

Влияние прагматических факторов ощущается в первую очередь в подборе и концентрации идентификаторов, в результате чего усложняется линейная структура уточняющего микроконтекста. Комбинирование нескольких идентификаторов вокруг «базисной» реалии усиливает функциональную роль реалии в сообщении и наращивает прагматический потенциал текста. В результате возникает структура с двух-, трех- и более сложной ступенчатой референцией, например: “Worker’s and Peasant’s Red Army, commonly referred to as the Red Army or the РККА”. Такая конструкция сохраняет линейный характер, возрастает лишь суммарный семантико-прагматический потенциал при параллельном увеличении объема информации, что обеспечивает более эффективную реализацию прагматических установок автора, например:

“The rocket launchers were so highly classified that they receive a variety of bogus names such as *Kostikov gun*... Eventually they were officially designated *Guards Mortars*, but the name which stuck was the popular nickname, *Katyusha*, after the Isakovskiy tune of the same name... The scream of the rockets let the Germans call them *Stalin’s Organs*”.

Каждый тип идентификатора настраивает читателя на заданное восприятие иноязычного материала, становится ориентиром в структуре текста, и даже при отсутствии референции с конкретным денотатом, помогает достаточно надежно идентифицировать советскую реалию или соотнести ее с определенной тематической группой, например:

“Political officers held rank of Junior Politruk (Lieutenant), Politruk (Senior Lieutenant), Senior Politruk (Captain), Commissar of Battalion (Major), Commissar of Regiment (Lieutenant Colonel)...”

В ряде случаев бывает практически невозможно разграничить прагматически ориентированную реалию и уточняющий микро-

контекст. Это, на наш взгляд, связано с двумя формами реализации прагматических факторов в процессе перевода — создание прагматически ориентированного знака или дополнение языкового знака прагматически ориентированным микроконтекстом. Слиянию способствует и тот факт, что и прагматически ориентированный языковой знак и микроконтекст решают единые задачи — передача необходимой информации и формирование заданной позиции у адресата. Примерами являются дополнительное указание на воинское звание — *four-star equivalent Marshal of Aviation* или экспликация схемы “высший, главный” в структуре воинских званий: *Маршал Советского Союза Chief Marshal of the Soviet Armed Forces*.

Возможным фактором отграничения можно считать смысловую избыточность указательного элемента в структуре прагматически ориентированного знака, например аббревиатура “FROG” расшифровывается следующим образом:

“FROG—the acronym of “Free Rocket Over Ground” refers to a family of unguided spin stabilized artillery rockets in service with the Soviet Army on transporter-launcher...”, однако при переводе наблюдается дублирование ряда семантических компонентов, что позволяет рассматривать их как уточняющий микроконтекст: *tactical missile, short-range rocket FROG*.

Способы перевода реалий в узком контексте

Концентрированный характер микроконтекста не всегда оказывается достаточным для передачи социально-исторического и идеологического компонентов семантической структуры. Эта задача решается посредством более подробного описания реалии с помощью предложения, а иногда и целого абзаца. К наиболее общим способам перевода реалии в узком контексте относятся:

1) предварительная семантизация реалии в контексте, обеспечивающая его восприятие: “Outstanding acts of bravery often won a soldier the title of the ‘Hero of the Soviet Union’, while units displayed particular battle efficiency were named “Guards” units...”

2) привлечение внимания к необычной форме языкового знака с последующим описательным переводом или пояснением различного характера:

“Suvorov academies founded to train military orphans during the war...”, “the famous “Tachanka”—a machine-gun mounted on a horse-drawn cart which was widely used by the Red Army in its early days...”

3) использование функционального аналога или соответствия, которые способны вызвать у адресата необходимую реакцию, или же описательный перевод: “ROTC-type program in civilian

universities...” “Inspection performed separately and routinely by the plant quality control personnel (ОТК) and military customer representatives monitoring contract performance”.

4) создание компаративного фона, под которым понимаются различные формы экспликации социально-идеологического компонента реалии, а также совокупность сведений, ассоциаций, которые возникают в языковом сознании как результат сравнения или сопоставления с определенным языковым знаком. Компаративный фон создается за счет использования различных компаративных конструкций, которые обеспечивают сравнение и сопоставление объектов, явлений внеязыковой действительности для наиболее наглядного и точного определения их функций, признаков, характеристик. Семантика компаративного фона строится на базе аналогий или функциональных соответствий, например:

“...the nearest counterpart to the Soviet military stores in the United States are post exchanges, base exchanges, and ship stores”.

Структура компаративного фона формируется под влиянием прагматических интенций автора. В структурно-логическом отношении компаративная конструкция, как правило, представлена субъектом сравнения (элемент А), объектом сравнения (элемент В) и лексико-грамматической формой сравнения (элемент С):

“The closest equivalent to (C) the Frunze Academy (A) in the United States is probably the Army Command and General Staff School; at Fort Leavenworth, Kansas (B)”.

Этот тип сравнительных отношений выражается формулой — С:А В. Возможно и создание двучленных компаративных конструкций за счет ликвидации элемента С. Такие конструкции характерны для заголовков: “Yak-9: Russia’s Spitfire”, но могут встречаться и в структуре текста — frontal (tactical) aviation, army group (front) commander, motorized rifle (mechanized inf). Создание компаративного фона позволяет добиться прагматического воздействия посредством комбинирования функциональных и формальных способов передачи, так как два из трех элементов компаративной конструкции содержат в той или иной форме информацию о реалии и являются лишь разными формами ее презентации. Такая форма передачи специальной реалии обеспечивает, с одной стороны, шаговую семантизацию, а, с другой стороны, необходимый динамизм и концентрацию:

“The Strategic Missile Forces, which are the Soviet equivalent to the missile forces of the USAF Strategic Air Command, control all units possessing ICBMs, IRBMs, and MRBMs...”

Компаративный фон позволяет достаточно эффективно пере-

дать такие черты референтов как единое функциональное предназначение, сходство, аналогичность конструкции, например: "...the IL-86 is in the general class of the McDonnell Douglas DC-10 and Lockheed Tristar".

Компаративная конструкция может использоваться при передаче наименований, обозначающих единицы военно-административного деления:

"A Soviet TVD would be roughly comparable to... AFCENT and AFNORTH in NATO..." высших органов военно-политического руководства:

"...the Politburo itself is the nearest equivalent to our Cabinet — though its not a state organ".

аналогичных функциональных обязанностей:

"The Soviet Minister of Defense roughly corresponds to the Secretary of Defense and the Chairman of the Joint Chiefs of Staff..."

воинских формирований:

"The regiment is the basic unit in the Soviet Army (equivalent to a western brigade)"

Значительно реже она используется для передачи военных объектов:

"...Plesetsk (the Russian equivalent of Cape Canaveral)..."

военных операций элементов тактики:

"Operational airborne assaults are similar to Operation Market Garden(the Arnheim landing) in World War II..."

Влияние прагматических факторов реализуется в выборе объекта сравнения (референция через специальные реалии США, Великобритании, блока НАТО): "... the Automotive Troops (a branch of service equivalent to the British Royal Corps of Transport or the US Transportation Corps)" использование нейтрального референта без четко выраженной национальной специфики: "In time of war the Main Military Council would be replaced by Stavka (Headquarters of the Supreme High Command), the equivalent of the senior military command during WWII" использование образных языковых средств для достижения прагматически заданного эффекта:

"...the tyl (rear services, equivalent to the Anglo-American administrative tail..."

— уточнение семантики эквивалентных понятий: "The principal manner of gaining information directly related to the tactical requirements of the Soviet Army is reconnaissance, the combat gathering which might be known in the United States as scouting."

— расширение базы компарации, в результате которой в семантической структуре высказывания появляются новые смысловые

элементы уточняющего характера: "...political officers and Party and Komsomol organizations appear to perform functions in the Soviet Armed Forces that are performed in the armed forces of the United States by special service officers, club officers, chaplains, training officers."

Структурно-смысловая организация компаративных конструкций позволяет сочетать на их основе различные виды перевода, например:

"In general appearance "Kipper" (AS-2) resembles the American Hound Dog AGM-28 —, stand-off strategic weapon..."

В этом примере встречаются: замена (использование американского кодового наименования "Kipper"), добавление (кодовое наименование блока НАТО — "AS-2"), компаративная конструкция "resembles the American Hound Dog AGM-28". Возможно сочетание замены, описательного перевода и компаративной конструкции — "The AS-15, a small, air-launched, subsonic, low-altitude cruise missile, similar in design to the US TOMAHAWK..."

Компаративная конструкция позволяет использовать объективную информацию для передачи субъективной оценки или идеологически обусловленной позиции. Идеологическая нагруженность компаративного фона используется для формирования у читателей различных стереотипов.

Исходя из результатов анализа можно сделать вывод о том, что выбор приема перевода реалии находится в определенной зависимости от прагматических факторов. Основной формой реализации становится микроконтекст и узкий контекст. Уточняющий микроконтекст имеет высокую информативность за счет включения и концентрации идентификаторов различного типа. Они позволяют читателю правильно усвоить новую информацию и оказывают необходимое прагматическое воздействие, заставляя поверить в правдивость и точность излагаемого материала. Узкий контекст компенсирует концентрированный характер микроконтекста и представлен следующими моделями перевода: предварительная семантизация реалии в контексте, привлечение внимания к необычной форме реалии с последующим ее описанием, функциональный аналог или описательный перевод, компаративная конструкция. Прагматические факторы реализуются в выборе объекта и субъекта сравнения, идеологической нагруженности компаративного фона, а также его форме и структуре. На базе компаративной конструкции возможно сочетание различных приемов перевода, которые формируют компаративный фон.

К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАТИВНОСТИ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Опыт перевода и анализ переведенных материалов позволили выделить такие тексты и элементы общей текстовой структуры, где возможно широкое варьирование линейного порядка развертывания информации. К ним относятся: краткие газетные сообщения, которые состоят из одного или нескольких предложений и оформлены в виде отдельного абзаца; зачины газетных статей и сообщений; начальные (вводные) предложения абзацев и сверхфразовых единств. Высокая степень вариативности актуального членения (АЧ) в них объясняется разными факторами.

Для текстов, не превышающих по своему размеру абзац, это, прежде всего, отсутствие привычной для полных текстов связи с предыдущим и последующим абзацами, которое не позволяет получателю — и переводчику — совершенно однозначно поставить логическое ударение, или, иными словами, точно определить коммуникативное намерение автора.

Обладая всеми признаками однозначного текста — связностью, цельностью, завершенностью — краткие информационные сообщения вместе с тем резко отличаются своей краткостью и контекстуальной «выхваченностью», отсутствием связи начального предложения с заглавием, а конечного со следующим абзацем. Эти сообщения, обыкновенно помещаемые под рубриками «С телетайпной ленты», «В несколько строк», «Вести с мест», «Вести с полей», «Новости» и т.п., воспринимаются читателем вне сколько-нибудь значимого контекстуального окружения и в силу этого, как показывает их изучение, обладают значительными возможностями тематического варьирования.

В тексте актуальное членение выполняет роль логико-семантического согласования предложений, служит средством внутритекстовой связи. Связываться и согласовываться могут только предшествующие и последующие фрагменты текста, поэтому текст, состоящий из единственного предложения или одного абзаца, не имея связи с предшествующим отрывком, является рассогласованным, т.е. может согласовываться лишь сам с собой. Для читателя такой текст не имеет «точного смысла», ибо «чтобы получился явный смысл, надо найти предикат, а в отдельном предложении его нет,

так как неизвестно, на каком именно слове следует ставить логическое ударение»¹.

Отсюда проистекает и относительная неопределенность коммуникативного намерения автора краткого газетного сообщения, открывающая богатые возможности его тема-рематического варьирования. Варьирование возможно как на межъязыковом, так и на внутриязыковом уровне, а число приемлемых вариантов зависит, в основном, от числа синтагм, на которые распадается текст, и грамматических особенностей языка. В русском языке, с его сравнительно свободным порядком слов, вариантов всегда оказывается значительно больше, чем в английском. Например:²

«В манифестации протеста против проводимого правительством Великобритании сокращения ассигнований на нужды муниципалитетов приняли участие более 2000 государственных служащих английского города Солихалл» («Правда»).

«Более 2000 государственных служащих английского города Солихалл приняли участие в манифестации протеста против проводимого правительством Великобритании сокращения ассигнований на нужды муниципалитетов».

«В английском городе Солихалл более 2000 государственных служащих приняли участие в манифестации протеста против проводимого правительством Великобритании сокращения ассигнований на нужды муниципалитетов».

«В английском городе Солихалл прошла манифестация протеста против проводимого правительством Великобритании сокращения ассигнований на нужды муниципалитетов. В манифестации приняли участие более 2000 государственных служащих.»

«Против проводимого правительством Великобритании сокращения ассигнований на нужды муниципалитетов выступили более 2000 государственных служащих английского города Солихалл. Они приняли участие в манифестации протеста.»

Изменилось ли содержание сообщения от разного актуального членения? По всей видимости, нет, ибо во всех вариантах сохранены те же самые смысловые синтагмы, т.е. компоненты смысла, и логико-смысловые отношения между ними, что и в оригинале. Что же тогда изменилось? Только расстановка логического акцента пу-

¹ Жинкин Н.И. Речь как проводник информации.—М., 1978. С. 94.

² В качестве иллюстраций в статье приводятся внутри- и межъязыковые переводы, выполненные студентами, иностранными стажерами и преподавателями переводческого факультета МГИИЯ им. М. Тореза.

жения (абзаца). Однако это не значит, что изменился смысл высказывания, ибо позиция смысловой синтагмы в данном случае не определяет смысл всего предложения, а лишь логически выделяет один из компонентов смысла. Последний понимается нами как информационно-стилистический инвариант, сохраняющий в процессе переводческих преобразований такие имплицитно или эксплицитно представляемые параметры как имя объекта; его характеристика, обыкновенно передаваемая путем предикации; временная и пространственная привязка к действительности; модальность, признаковость.¹

С этих позиций содержание русских вариантов оригинала не изменилось, ибо в них полностью сохранился набор всех семантических компонентов. То же самое можно сказать и об английских переводах:

“Over 2000 civil servants from the British city of Solihull demonstrated against the government policy of cutting municipal allocations.”

“The policy of the government to cut municipal allocations was defied by 2000 civil servants from the British city of Solihull who staged a protest demonstrations”.

“A 2000-strong manifestation of civil servants from the British city of Solihull demonstrated against the government policy of cutting municipal allocations”.

Рассмотрим теперь возможности варьирования АЧ в текстах, состоящих из нескольких предложений.

«Полностью прекращена работа на трех крупнейших сталелитейных заводах Испании. Заводы охвачены забастовкой, в которой участвуют около 40 тысяч человек. Бастующие требуют повышения заработной платы на 10 процентов». («Правда»).

“Work has stoped at three biggest steel mills in Spain after some 40000 workers went on strike demanding a 10 per cent wage increase”.

“A strike of 40000 workers demanding a 10 per cent wage increase has paralized three biggest steel mills in Spain”.

“Three biggest steel mills of Spain are paralized by a strike of some 40000 workers demanding a 10 per cent wage increase”.

“About 40000 striking workers who demand a 10 per cent wage increase have brought three biggest Spanish steel mills to a standstill”.

Во всех четырех вариантах перевода с разным АЧ сохранено идентичное содержание, а относительное выделение смысловой

¹ Черняховская Л.А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения. АДД.-М., 1983. С. 13.

синтагмы путем постановки ее в рематическое положение в конце предложения никоим образом не позволяет говорить об изменении содержания всего сообщения.

Мы полагаем, что автор может с достаточно высокой степенью точности донести свой замысел до читателя лишь в сравнительно протяженных текстах, где имеется возможность гарантированного, дублированного выражения смысла, в том числе и посредством АЧ, которое в таком случае и может рассматриваться отправителем сообщения как релевантная акценто-выделительная сторона текста. Говорить же о том, что разное АЧ каждый раз изменяет смысл фразы представляется необоснованным.

В обоих текстах ярко проявилась некоторая неопределенность коммуникативного замысла отправителя, ибо несогласованный с предыдущим и последующим абзацами текст не позволяет однозначно поставить логическое ударение. Оба текста также не имеют заголовка, поэтому в принципе они и рассматриваются получателем как изолированные речевые фрагменты, хотя и оформленные как краткие законченные тексты. Их коммуникативная роль — это роль своеобразного зачина, но без корпуса сообщения, где основные информационные положения зачина конкретно бы раскрывались. Функция таких сообщений чисто информативная и в коммуникативном плане она заключается во вводе информации, для которой порядок следования информационных компонентов (до тех пор пока соблюдается логико-семантическое согласование внутри предложений и между ними) не имеет существенного значения и может варьироваться.¹

Смена АЧ в неотрицательных предложениях не ведет к смене смысла, т.е. АЧ не выполняет смысло-различительную функцию в прямом смысле слова, в каком это делает лексика и грамматика, но, являясь средством эмфазы, осуществляет акценторасставляющую функцию, сигнализируя о том, на какие компоненты смысла следует обратить внимание в первую очередь.²

¹ «Известно... что изолированное предложение обладает некоторым количеством возможностей варьирования тема-рематического отношения» *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского языка. — М., 1982. С. 318.

² «... если грамматическое предложение понимать действительно как языковое явление, а не как абстрактно-логическое суждение, то оно, будучи интерпретацией этого последнего, может подчеркивать в нем любые элементы и выдвигать на первый план любые употребленные в нем категории». *Лосев А.Ф.* Знак, символ, миф. — М., 1982. С. 111.

В зачинах газетных статей возможность существенного варьирования АЧ объясняется как отсутствием какой бы то ни было связи с предыдущим абзацем, так и преимущественно задающим, обобщающим характером передаваемой информации, детализация разных аспектов которой осуществляется уже внутри корпуса статьи. Порядок следования смысловых компонентов (синтагм), хотя и имеет традиционно принятые в языке формы, отражающие традиционные способы структурирования описываемой экстралингвистической ситуации, тем не менее допускает разнообразие этих форм, что дает переводчику возможность использовать альтернативные варианты лексико-логико-синтаксического оформления данного сегмента текста. Например:

«Советско-американская встреча в верхах широко освещается средствами массовой информации. Все газеты помещают на видных местах сообщения из Женевы».

“All newspapers give a wide coverage of the Soviet-American summit in Geneva”.

“The Soviet-American summit in Geneva features prominently in all the newspapers”.

“All newspapers give front-page treatment to the Soviet-American summit in Geneva”.

“The Geneva summit dominates to-day’s front-pages”.

“The main headline story of today’s newspapers is the Soviet-American summit in Geneva”.

По характеру логико-смысловой связи с корпусом текста зачины могут быть автосемантически и синсемантически. В случае относительной автономности зачина, как и в выше приведенном примере, его связь с текстом осуществляется по радиальному принципу, т.е. в корпусе статьи последовательно, в соответствии с избранной логикой, раскрываются информационные элементы зачина. Существенной чертой радиального типа связи будет то, что зачин не имеет жесткой логико-смысловой связи с последующим абзацем, поэтому его синтаксическое оформление (в коммуникативном плане — актуальное членение) может быть самым разнообразным. Иными словами, автосемантические зачины с радиальной связью обладают наибольшей степенью синтаксической вариативности, в то время как их лексическая вариативность (что вообще характерно для зачинов газетных сообщений) сравнительно незначительна из-за обилия фактуальной и антропотопонимической информации, содержащейся в них.

Другими типичными местами, где ясно прослеживается наме-

рение автора прервать связность изложения и перейти к другой мысли, будут начала абзацев и сверхфразовых единств. Они являются своеобразными мини-зачинами, так как вводят тему тоже в общем виде, задают тот предметно-тематический круг, который затем с той или иной степенью детализации будет раскрываться в абзаце.

В силу своей ослабленной логико-семантической связи с предыдущим абзацем¹ (новый абзац есть момент перехода к новой мысли, место, где нарушается логическое развертывание одного предметно-тематического ряда и осуществляется его смена другим) первое предложение абзаца, как и зачин, обыкновенно задает лишь самое общее направление мысли, т.е. выполняет роль задающей пропозиции. Последняя, при условии соблюдения грамматической правильности, позволяет оформить свое содержание вариативно, ибо будучи в коммуникативном отношении пропозицией лишь задающей, она не может иметь строго однозначной языковой фиксации.

Начальные предложения нередко содержат в себе часть, которая осуществляет то или иное логическое сцепление абзацев, и в этом качестве такой отрезок текста также обладает максимальной потенцией к лексико-синтаксическому варьированию, ибо в языке нет строго ограниченного набора стандартных лексико-синтаксических средств для передачи логических связей и отношений. Например:

«Не менее остро встал в Брюсселе и вопрос об американских санкциях против западноевропейских предприятий... Министры заявили, что...» («Правда»).

Фраза «не менее остро встал в Брюсселе и вопрос о...» представляет собой не что иное, как развернуто оформленную логическую связь конъюнкции, что дает при переводе возможность устанавливать тождество по логическому параметру, используя обширный арсенал лексико-синтаксических средств, передающих присоединительные отношения, и изменяющих АЧ всего начального предложения, например:

“No less acute was the question about US sanctions against...”

“US sanctions against ... featured prominently on the agenda”.

¹ «В начале нового абзаца должна стоять фраза, в которой главное имя или совсем независимо, или зависит от слова, которое не встречается, по крайней мере, в двух-трех предшествующих фразах, а расположено еще раньше» (Paduceva E.V. On the structure of the paragraph. //Linguistique. 1975. № 131.

“The ministers spent much time debating US sanctions against...”

“US sanctions against ... also were the subject of heated debate among the ministers...”

“Feelings ran high over the issue of US sanctions against...”

Как видим, начальные сегменты абзацев зачастую содержат задающие пропозиции в такой обобщенной и расплывчатой формулировке, что, с одной стороны, позволяет раскрывать их дальше в любом удобном для автора направлении, т.е. обеспечивает определенную свободу изложения, а с другой — позволяет при переводе варьировать их конкретное смысловое наполнение и синтаксическое оформление в очень широких пределах.

Важным фактором обеспечения вариативности АЧ во всех рассмотренных случаях является также нейтрализующая роль контекста. Особенно наглядно она проявляется в кратких газетных сообщениях, главное предназначение которых — информация читателя о событиях. Эту информацию он черпает из множества предшествующих данному сообщению заметок и множества следующих за ним, причем нередко на одной и той же странице. Постоянная смена тем соседних заметок создает для читателя своеобразный информационный контекст, в рамках которого он воспринимает любой конкретный текст, помещенный в газете. Основной характеристикой газеты, а через нее и контекста, с точки зрения получателя, является полный разноречивый (не лучшее слово для научного понятия, но зато точное) по всем структурным, семантическим и стилистическим параметрам, и отсутствие логико-смысловой связи между отдельными сообщениями.

Неудивительно, что в таких условиях восприятия читатель не столь восприимчив и к различию в семантическом словопорядке. Для него особенности актуального синтаксиса сообщения, как бы не называлась его рематическая часть — «прагматический пик» (Р. Ван Валин, У. Фоли. Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1982, с. 398), «фокус контраста» (У. Чейф. Там же, с. 287), «логическое» или «фразовое ударение» — все эти особенности в тексте краткого газетного сообщения, состоящего из одной фразы или единственного абзаца, оказываются как бы «смытыми», нивелированными бесконечной сменой контекстов следующих друг за другом предложений, которые, наслаиваясь друг на друга, последовательно вытесняют предыдущие из памяти¹. Для хранения в долговременной па-

¹ «Новое предложение со своей собственной синтаксической структурой, поступившее в поле восприятия, стирает в непосредственной памяти следы от предшествующего предложения, отработанный результат поступает в долговременную память». (Жинкин Н.И. Указ. соч. С. 79.)

мяти полученная информация перекодируется мозгом в своеобразные семантические «сгустки»¹, лишаясь при этом конкретных подробностей и особенностей отображенной ситуации, только что воспринятой получателем из отдельных предложений текста.

Внимание читателя газеты буквально разрывается между самыми разнотипными и разномерными сообщениями, в силу чего несколько снижается потребность в единственно точном и верном способе выражения мысли, в эмпатии, а, следовательно, снижается нюансоразличительная способность. Это особенно характерно для восприятия кратких газетных сообщений типа «С телетайпной ленты», которые из года в год, сообщая стереотипную информацию о многочисленных, также стереотипных событиях, каждый раз лишь слегка варьируют структурирование подаваемого материала. Это, однако, несколько не меняет ни сути описываемого события, т.е. содержания сообщения, ни стандартного впечатления о таком классе событий, давно сложившегося у читателя. В подавляющем большинстве случаев он как бы пробегает глазами эти информационные сообщения, ища какие-нибудь конкретные, отличные от привычных, детали, и если их не находит, то мгновенно забывает о самом сообщении².

Такую роль контекста, заключающуюся в последовательном стирании в памяти читателя конкретных особенностей предыдущих ситуаций, представленных также и через актуальное членение, мы условно называем нейтрализующей. Особенно ярко эта роль проявляется в газете, характерной чертой которой является обилие разноплановой информации.

Несмотря на выделение определенных рематических компонентов смысла в рамках того или иного АЧ, другие компоненты смысла в коммуникативно тождественных вариантах с разным АЧ не теряются, не исчезают, а обязательно также присутствуют при интерпретации текста. Тот факт, что на них не делается акцент, вовсе не означает их отсутствие или изменение смысла, а лишь показывает иной ход, иное членение той же самой мысли.

Таким образом, если АЧ организовано вариантно, но грамматически правильно, то получатель его обыкновенно не замечает (исключением является художественная литература и публицисти-

¹ Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление.—М., 1968. С. 111.

² «Если воспринимаемая вещь ничем не выделяется на фоне сложившихся привычных представлений, то мы рассматриваем ее как незаслуживающую запоминания». (Shank. The Dynamic Memory. 1984. P. 14).

ка, где АЧ выполняет стилеобразующую функцию), так как его основная функция логико-семантического согласования как раз и заключается в наиболее естественном сцеплении, сочленении смысловых отрезков и их частей.

Если же получатель начинает обращать внимание на форму изложения материала или подсознательно прилагать усилия на ее преодоление, то это есть сигнал явной отмеченности формы, свидетельствующий: 1) о некорректно осуществленном АЧ, или 2) о четко выраженном стиле автора. В обоих случаях это рассматривается получателем как стилистическое явление, ибо манифестируется оно через внешнюю форму сообщения, хотя при данном подходе и может рассматриваться как производное от основной функции логико-семантического согласования.

Спрашивается, можно ли по любым разумным меркам из далекого не всех возможных, а лишь из четырех-шести приведенных вариантов АЧ кратких газетных сообщений, зачинов и начальных предложений абзацев рассматривать только какой-то один вариант АЧ как абсолютно точно передающий авторский замысел, а все остальные считать в той или иной степени отклонениями от авторской интенции? Не разумнее ли рассматривать саму коммуникативную интенцию как явление в целом ряде случаев изначально обладающее некоторой неопределенностью, которая и позволяет автору в ограниченной степени варьировать посредством АЧ ход своей мысли, не опасаясь, что его истолкуют превратно, а читателю, при всех альтернативных способах ее оформления, гарантированно воспринять эту мысль.

Л.А. Петрова
(Москва)

ПЕРЕВОД ИТАЛЬЯНСКИХ НОМИНАТИВНЫХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Данное небольшое исследование перевода итальянских номинативных экзистенциальных предложений¹ (далее ЭП) на русский

¹ Односоставные предложения, главный член которых, являющийся семантико-синтаксическим центром предложения, выражен беспредложной формой имени существительного или каких-л. субстантивированных слов. ЭП выражает существование (бытие) предметов, лиц, явлений и т.п. (Notte. Un quartiere solitario. Nessuno). См. *Петрова Л.А.* Номинативные экзистенциальные предложения в современном итальянском языке. АКД. — М., 1978.

язык проводилось на основе имеющихся переводов из итальянской художественной литературы. Особый интерес при переводе представляют те типы распространенных ЭП, которые влекут за собой лексико-грамматические преобразования речевой структуры, связанные с передачей с одного языка на другой компонентов смыслового членения высказывания.

Проведенный анализ перевода итальянских ЭП на русский язык показал, что итальянские ЭП могут передаваться на русский язык следующим образом:

Соответствующими русскими ЭП:

Ultimi piani. Nesi dorme ancora il sonno giusto. (P, 102) — *Верхние этажи.* Нези еще спит сном праведника. (П, 67).

Возможно сохранение в переводе цепочек ЭП, нередко оформляемых как сложносочиненные предложения:

La camera è ammobiliata del necessario. L'armadio a specchio, le due poltrone rosse, la toelette e le sedie foderate di rosso negli angoli. (P, 41) — Комната обставлена самым необходимым. Зеркальный шкаф, два красных кресла, туалет, по углам обитые красной материей стулья. (П, 26)

Однако, несмотря на наличие соответствующих ЭП в рассматриваемых языках, речь идет все-таки лишь об эквивалентах¹, так как перевод с одного языка на другой неизбежно влечет определенные лексико-грамматические трансформации. Грамматические категории, кажущиеся на первый взгляд идентичными в обоих языках, в действительности никогда не совпадают полностью. Так, например, итальянское имя существительное, являющееся семантико-синтаксическим центром ЭП, имеет показатель определенности-неопределенности, т.е. артикль. В русском же языке, как известно, артикля нет, и наличие указателя определенности или неопределенности существительного необязательно (хотя оно и может быть выражено, но уже лексическим способом). Сравните:

Il suo tavolo. Un libro, riviste. — Его стол. Книга (Какая-то книга), журналы.

¹ Термином «эквивалент» условно характеризуются определенного типа соответствия между лексическими единицами разных языков, так же как и между грамматическими формами и конструкциями, а не их абсолютная равнозначность и равнофункциональность.

Так как выбор того или иного артикля в итальянском языке обусловлен ситуацией, перевод на русский язык соответствующего ЭП необходимо делать с учетом широкого контекста, а порой и экстралингвистических элементов ситуации.

Что касается распространенных ЭП, то при переводе необходимо учитывать возможное несовпадение местоположения относительно существительного итальянских и русских атрибутов (прилагательных, причастий), а также несовпадающий набор примененных дополнений, вызывающих дополнительные трансформации при переводе. Приведем пример:

Un bosco. Al margine una buca profonda di acqua rugginosa.—Лес. На краю глубокая воронка, залитая ржавой водой.

Однако не всегда содержание ЭП в переводе находит выражение в рамках самостоятельного предложения. Нередки случаи, когда ЭП, теряя предикативность, в языке перевода оформляются в виде второстепенного члена предыдущего или последующего предложения (чаще всего в виде обстоятельства):

Mi sentivo tutto indolenzito. Un acuto dolore alla testa, allo stinco della gamba destra, alle spalle. (МВ, 252)—Я чувствовал боль в голове, в правой ноге, в плечах. (Д, 193)

Mi chiese di tutto un po'. Non le solite domande. Si sentiva il compagno buono, pieno di fede. (МВ, 297)—Он спрашивал меня обо всем понемногу. По характеру его вопросов чувствовался настоящий товарищ. (Д, 231)

Здесь наблюдается своего рода «компрессия», т.е. ряд предложений, включающий также ЭП, воспринимается переводчиком как одна информационная структура, вследствие чего общая структура высказывания языка оригинала при переводе меняется. Подобное изменение структуры в большинстве случаев может быть мотивировано, так как для перевода недостаточно ограничиваться членением текста на предложения, механическим членением «от точки до точки». Переводятся смысловые целые, а речевые отрезки, образующие смысловое целое, одну информационную структуру, часто включают и несколько предложений (а иногда и наоборот, только часть предложения¹). Т.е. при передаче смысла в первую очередь необходимо стремиться к сохранению неизменными са-

¹ Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура.—М., 1976. С. 221.

мих компонентов информационной структуры, синтаксическое же их оформление может значительно измениться¹.

Следует отметить, что членение или объединение предложений при переводе не всегда необходимы; здесь должны проявляться профессиональный опыт и интуиция переводчика, т.к. проблема трансформаций синтаксического целого при переводе является особой областью исследования, выходящей за рамки простого предложения, и связана с вопросами стилистики и синтаксиса текста.

Остановимся вкратце на возможных «семантических» трансформациях. При переводе ЭП не исключены добавления, представляющие собой формальную выраженность различных семантических компонентов, присущих описываемой ситуации, а также «подсказываемых» широким контекстом. Например:

Racco vestiario e promesse! (МВ, 44) — И в возмещение всего этого — пакет с гнилой одеждой в руках и пышные обещания буржуазии. (Д, 40)

Поскольку *racco vestiario* является своего рода реалией, введение в ЭП дополнительных конкретизирующих слов в переводе на русский язык можно считать оправданным. Детерминанты *в руках* и *в возмещение всего этого* также служат раскрытию понятия *racco vestiario*.

Что касается словосочетания *пышные обещания буржуазии*, то введение субъектного детерминанта *буржуазные* способствует лучшему пониманию оригинала текста, а определение *пышные*, отсутствующее в итальянском ЭП, можно рассматривать как своего рода семантическую *предопределенность* при русском словосочетании *обещания буржуазии*.

Встречаются случаи, когда переводчик заменяет целую цепочку ЭП, являющихся уже не раз повторявшимися в тексте перечислениями каких-либо деталей, явлений, процедур и т.п., — обобщающим словом:

Piacenza: un'altra tappa. Quattro giorni. Perquisizioni, immatricolazioni, impronte digitali, all'entrata e all'uscita. Manette. Cameronе orribile. (МВ, 37) — Пьяченца. Четыре дня *проходной камеры со всеми прочими прибавлениями*. (Д, 34)

¹ Там же.

Подобные обобщения можно считать оправданными, если они как бы компенсируют многочисленные добавления и разъяснения, с необходимостью вводимые переводчиком и способствующие «разбуханию» текста.

Возможны и семантические «сужения» при переводе исследуемого типа предложения. Остановимся на следующем примере:

Se va bene il colpo: grandi alberghi, belle donne, vita gaudente, se va male: pasta e patate e cellulare. (МВ, 305) — Если все идет хорошо, тогда веселимся: отели, первоклассные рестораны, прекрасные женщины; плохо — хлеб, картошка, тюрьма. (Д, 236)

Как мы видим, в данном примере предложение *vita gaudente* поясняется более «суженным» с семантической точки зрения предложением *первоклассные рестораны*, т.е. в данном примере переводчик «жертвует» передачей референциального значения в пользу более существенной для данного типа текста информации, заключенной в выражаемых в нем прагматических (эмоциональных и пр.) значениях¹. «Дело в том, что, хотя сами описываемые предметы, понятия и ситуации для носителей разных языков в подавляющем большинстве одинаковы, отношение разных человеческих коллективов к данным предметам, понятиям, ситуациям может быть различным, а тем самым будут различаться и прагматические значения соответствующих знаков в разных языках²». Именно поэтому слово *pasta* заменено на *хлеб* в вышеисследованном примере.

* * *

Некоторые семантические группы итальянских ЭП при переводе на русский язык нередко оформляются другими типами простого предложения, а именно: двусоставными глагольными, безличными, неопределенно-личными³.

1. Так, например, ЭП с семантикой, охватывающей стихийные проявления, состояния среды, погоды и т.п., на русский язык передаются двусоставными предложениями с полужнаменательными

¹ Бархударова Л.С. Язык и перевод. — М., 1975. С. 73.

² Там же. С. 71.

³ Во всех этих случаях теоретически возможны переводы соответствующими русскими ЭП.

глаголами «бытия», «становления» в зависимости от семантики существительного, главного члена ЭП (*бывают, стать, становиться, наступить, оказаться* и т.п.):

Un freddo terribile.— Стоят сильные морозы; Il vento del mattino.— Дует утренний ветер; L'alba.— Занимается заря; Mattino.— Наступило утро.

Такого рода ЭП нередко переводятся устойчивыми словосочетаниями:

Settembre.— На дворе сентябрь. Дело было в сентябре и т.п.

2. ЭП, сообщающие о событии, наличии события, представленного как ситуация деятельности или собственно деятельности, осуществляемой неопределенно-мыслимым субъектом, также могут передаваться двусоставными предложениями с полужнаменательным глаголом *быть* (*бывают*), или глаголами *стать, сделаться, случиться, разразиться* и подобными. Приведем примеры:

Sciopero generale.— *Разразилась* всеобщая забастовка; Una coda per i biglietti.— За билетами *была* очередь; Invasione delle nostre sedie, terrore contro gli operai. (МВ, 261) — *Последовал* разгром наших учреждений, бешеный террор. (Д. 258)

3. Вышесказанное относится и к ЭП, сообщающим о наличии конкретного предмета (лица), явления и т.п.:

Attorno al cancello nessun operaio. (МВ, 118) — Ни один рабочий не *показался* у ворот фабрики. (Д, 111).

Исследованный материал дает некоторые основания отметить тенденцию русского языка к большей конкретизации при переводе с итальянского языка. В частности, это проявляется в подчеркивании не столько факта наличия чего-л., сколько способа наступления наличия, появления какого-л. предмета, лица, явления; единичности или многократности пребывания, динамичности пребывания:

A poco a poco i clienti aumentarono. Facce nuove poche. Compagni simpatizzanti ; qualche prete e parecchi ufficiali. (МВ, 7) — Однако мало-помалу у нас образовался свой кружок. Новых лиц было немного: *Ходили товарищи сочувствующие; ходил кто-то из старых посетителей* — попы, офицеры. (Д, 54)

A Leningrado — allora Pietrogrado, — una fiumana di operai. (МВ, 263) — В Ленинграде — тогда еще Петрограде — мощными потоками шествовали рабочие. (Д, 202)

В данных примерах речь идет о лексических добавлениях в тексте перевода, происходящих в результате как бы «восстановления» тех или иных семантических компонентов ситуации. Приведем еще один пример введения своего рода «уместных слов», обусловленных семантикой глубинных структур ЭП:

Ogni giorno *musica, bandiere e bollettini* che annunziavano nuove sconfitte del ... secolare nemico. (МВ, 98) — Но каждый день гремела музыка, вывешивались флаги и печатались бюллетени о победах над «вековым врагом» (Д, 71).

4. ЭП, сообщающие о наличии деятельности или состояния определенного субъекта, могут передаваться двусоставными предложениями со сказуемым, выраженным глаголом действия или состояния, производным от существительного, являющегося главным членом ЭП. В таких предложениях в переводе «восстанавливается» субъект действия или состояния:

Hanno rotto tutti i vetri del camerone. *Protesta generale*. (МВ, 291) — Они выбили все стекла в камере. *Арестованные запротестовали*. (Д, 227)

Mi rifece la domanda. *Risposta affermativa*. (МВ, 315) — Он задал мне тот же самый вопрос. Я ответил утвердительно. (Д, 441)

5. ЭП, сообщающие о наличии у субъекта предмета или представленного как предмет состояния, к которому он имеет отношение (включая обладание), нередко передаются двусоставными предложениями со сказуемым — глаголом обладания. Причем, в такие двусоставные предложения в русском языке может вводиться субъектный детерминант «у + родит. падеж»:

Nel locale nuovo ci si stabilì abbastanza bene. *Una sala: due o tre stanzette*. (МВ, 56) — В новом помещении мы разместились недурно. *У нас был большой зал для заседаний и несколько комнатушек для работы*. (Д, 35)

Scardamazzi era un giovanotto con le lenti cerchiato di nero, *i baffi neri, i capelli a spazzola*. (МВ, 140) — Скардамацци оказался молодым человеком в пенсне с черной оправой, у него были черные усы и стрижка ежиком. (Д, 198)

При переводе описания внешности наблюдаются случаи, когда некоторые предложения в цепочке ЭП, теряя предикативность, становятся предложными словосочетаниями (чаще всего с предлогом «с»):

E'alto, magro, occhi scuri, capelli neri e barba color rame.
(МВ, 194) — Высокого роста, худой, с темными глазами и черными волосами, борода его медного цвета. (Д, 147)

6. Если локальный детерминант ЭП совмещает локальное и субъектное значения, то в переводе он нередко оформляется в качестве подлежащего двусоставного предложения:

A Milano grande apparato di polizia. (МВ, 272) — Милан был запружен полицией. (Д, 169)

* * *

Небольшая семантическая группа итальянских ЭП при переводе на русский язык может находить свое выражение в *безличных* предложениях.

1. Это относится, в частности, к ЭП с семантикой, охватывающей стихийные проявления, состояния среды, погоды:

Freddo, umidità. — Холодно, влажно.

Odore di cavolo per le scale. — На лестнице пахло капустой.

2. ЭП с семантикой, обозначающей действие субъекта, направленное на объект, нередко могут быть распространены формой *da + infinito*, где инфинитив называет направленное на объект действие (*Tanti sacchi da vuotare. I fratelli da badare. Gli esami da fare*). Подобные ЭП на русский язык могут передаваться безличными предложениями типа «надо (необходимо, предстоит и т.п.) что-л. сделать». Например:

E'preoccupato. Ancora tante cose da fare. — Он обеспокоен.
Предстоит еще столько сделать.

Однако возможны и другие варианты перевода распространенных таким образом ЭП. Приведем пример трансформации при переводе детерминанта «*da + infinito*» в согласованное определение при номинативе в соответствующем русском ЭП:

Debiti da pagare. — Неоплаченные долги; *Campi da lavorare.* — Необработанные поля.

* * *

Когда субъект, совершающий действие, направленное на другой субъект, — неопределенный, ЭП могут переводиться *неопределенно-личными* предложениями:

«Ci siamo, dissi ai compagni, — scarcerazione è rinviata». Nella giornata nessuna scarcerazione. (МВ, 396) — Ну, — сказал я товарищам, — теперь подождем с освобождением». *В тот день никого не выпускали.* (Д, 299)

Как показывает исследованный материал, несмотря на наличие в обоих языках соответствующих типов ЭП, далеко не всегда при переводе итальянское ЭП накладывается на соответствующее ЭП русского языка, хотя теоретически это и возможно. Закономерности тех или иных соотношений, соответствий в двух языках не означают необходимости использования одинаковых способов перевода. Тем более, что речь идет о довольно сложном с семантической точки зрения типе предложения, нередко употребляющемся в цепочке безглагольных предложений, а также в составе сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, что еще больше усложняет их семантическую основу. За формальной простотой поверхностной структуры ЭП порой скрывается довольно сложная глубинная структура.

Сокращения и источники:

МВ — G. Germanetto. *Le memorie di un barbiere.* — Paris, 1931.

Д — Дж. Джерманетто. *Записки цирюльника.* — М., 1935.

Р — V. Pratolini. *Cronache di poveri amanti.* — Valecchi, 1953.

П — В. Пратолини. *Повесть о бедных влюбленных.* — М., 1956.

М.А.Таривердиева
(Москва)

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ ПЕРЕВОДА МОДАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Как известно, перевод — это «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом

языке при сохранении неизменного плана содержания»¹. Решение этой задачи требует от переводчика не только безукоризненного знания языка оригинала и языка перевода, но и четкого понимания соответствий между данными языками как функционирующими системами. Современная наука считает лингвистику перевода составной частью языкознания. Главной ее задачей является выявление системы отношений, в которые вступают языки в процессе функционирования².

При всем внимании к лингвистическим аспектам перевода некоторые конкретные вопросы переводческой практики еще требуют как теоретического осмысления, так и практической разработки. К числу таких вопросов, представляющих интерес не только в общелингвистическом плане — как вопрос о средствах передачи в языке определенных смысловых категорий, — но и в практическом — в русле поисков закономерностей адекватного перевода, — относится перевод высказываний с конструкциями эксплицитного модуса (т.е. содержащих предикаты со значением “знать”, “полагать”, “казаться”, “хотеть” и т.п.)³, включающих отрицание.

Материалом исследования послужили письма Цицерона и их переводы на итальянский и русский языки⁴. Сопоставительный анализ выявляет способы описания однотипной ситуации средствами разных языков⁵. А «конечной целью сопоставления текстов перевода и оригинала является построение системы комплексных соответствий, вскрывающих сущность переводческих преобразова-

¹ Бархударов Л.С. Язык и перевод.—М., 1975. С. 11.

² См. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода.—М., 1980. С. 150.

³ Терминология Ш. Балли, выделявшего в каждом предложении диктум—«образование представления», то, о чем говорится в предложении,—и модус—«операцию, производимую мыслящим субъектом», способ представления действительности (*Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.—М., 1955. С. 44*). Эти обязательные составные элементы каждого высказывания называют также пропозицией и модальным компонентом (*Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл.—М., 1976. С. 62*).

⁴ *Marco Tullio Cicerone. Lettere ai familiari.—Verona, 1966* (издание содержит латинский и итальянский перевод); *Письма Марка Туллия Цицерона. М.,—Л., 1949. Т. I—III*. Цифровые обозначения после латинских примеров указывают соответственно на книгу писем, номер письма и параграф в традиционно принятом расположении писем.

⁵ См. об этом: *Гак В.Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ.//Тетради переводчика. —М., Вып. 16, 1979.*

ний»¹.

Изучение отрицания имеет в языкознании давнюю традицию. Не ограничиваясь формальными описаниями, исследователи стремились раскрыть содержательную сторону этой категории: «языковое отрицание... превращает понятие в противоречащее»²; «отрицание выражает модальное понятие — это отказ от подтверждения»³; «по смыслу отрицание должно быть оператором, сферой действия которого является предложение, поскольку отрицается всегда некоторое высказывание»⁴. Исходя из толкования содержательной стороны категории отрицания, можно было бы предположить, что отрицание должно регулярно помещаться при предикате высказывания. Но предложения с конструкцией эксплицитного модуса содержат как минимум два предиката, каждый из которых может присоединять отрицание. Кроме того, постановка отрицания в принципе возможна при любом члене обеих частей предложения. Допустима ли при переводе перестановка отрицания, или необходимо точное копирование структуры предложения оригинала? Представляется, что ответ на этот вопрос можно получить, лишь поняв роль отрицания в названных конструкциях в языках оригинала и переводов.

Рассмотрим различные варианты отрицания в оригинале и их отражение в переводах.

Отрицание при субъекте или каком-либо члене диктума, как правило, получает адекватную передачу в переводе:

Dignitatis autem tuae nemo est quin existimet habitam esse rationem ab senatu (1, 4, 2). — *Ma non c'è alcuno che pensi che il senato non tenga il debito conto di ciò che spetta al tuo grado.* — Что же касается твоего достоинства, то *нет никого*, кто бы думал, что сенат не считался с ним; *Dignitatem quidem illam consularem fortis et constantis senatoris nihil est quod cogitemus* (1, 8, 4). — *E quanto a quella che fu un tempo l'onorata attività politica di un consolare, di un senatore, cioè, coerente e coraggioso, a questa non c'è neppure da pensare.* — О том достоинстве консуляра — мужественного и стойкого сенатора — нам *ничего* и думать.

¹ Комиссаров В.Н. Слово о переводе. — М., 1973. С. 201.

² Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958. С. 377.

³ Балли Ш. Указ. соч. С. 238.

⁴ Определение Б. Рассела. Цит. по: Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. — М., 1974. С. 144.

Если в латинском тексте отрицание сопровождается предикатом модуса, оно также может сохранять свое место и в итальянском, и в русском переводах:

Neque enim verebor, ne sim ei molestus (1,8,5). — ...né avrò da temere di riuscirgli importuno. — Ведь я не буду опасаться быть в тягость тому...

Отмечаются переносы отрицания в рамках модуса. В латинском тексте отрицание часто сопутствует модальному субъекту или другим элементам высказывания при модальном предикате. Итальянский перевод, как правило, сосредоточивает отрицание на предикате. Русский перевод допускает оба варианта постановки отрицания — сохранение латинского варианта и перенос отрицания к предикату:

...quorum utrum minus velim, non facile possum existimare (1,5a,3) — ...e non saprei decidere quale di queste due cose sia la meno desiderabile. — Что из этого менее желательно для меня, не легко могу решить; ...quae ne per populum quidem sine seditione se adsequi arbitrabantur (1,7,10) — ...quei successi che neppur si sognavano di poter ottenere, senza tumulti, per mano del popolo — ...чего они не рассчитывали достигнуть даже при помощи народа, не вызвав волнений.

Такие переносы, как правило, объясняются различными системными и узуальными особенностями языков. В русском языке место отрицательной частицы в общеотрицательном предложении связано с актуальным членением исходного утвердительного¹. Перенос отрицания к предикату в итальянском переводе вызван тенденцией романских языков сосредотачивать в общеотрицательном предложении отрицание на предикате².

В случаях, когда отрицательный предикат модуса сопровождается вторым отрицанием, двойное отрицание может быть передано в переводе утверждением и наоборот:

Hic multum valuit cum vetus amicitia, quam tu non ignoras mihi et Quinto fratri cum Caesare fuisse... (1,9,12) — E in ciò io fui

¹ См. Падучева Е.В. Указ. соч. С. 153.

² Аналогичную тенденцию к нексусному отрицанию (то есть отрицанию при предикатных словах) в английском языке отмечал О. Есперсен (Указ. соч. с. 382).

efficacemente aiutato dall'antica amicizia che, *come ti è noto*, aveva legato a Cesare così me come mio fratello Quinto...—Здесь имела большое значение как давняя дружба, соединявшая с ним, *как ты знаешь*, меня и брата Квинта... ; *Haec profecto vides quanto expressiora quantoque inlustriora futura sint* (1,7,9)—Ога, *non è chi non veda* quanto tutto ciò acquisterà ancora di rilievo e di splendore.—Ты, *конечно, видишь*, насколько все это станет более ярким и прославленным; ...*ut ex eventu homines de tuo consilio existimaturos videremus* (1,7,5).—...*ma non ci nascondiamo* che l'opinione pubblica guidicherà la tua decisione dai suoi risultati.—Однако мы *считали*, что люди будут судить о твоём замысле по его исходу.

Такая комплексная лексико-грамматическая замена, суть которой заключается в трансформации отрицательной конструкции в утвердительную и наоборот, с одновременной заменой одного из слов переводимого предложения в ИЯ на его антоним в ПЯ, широко известна в практике перевода под названием антонимического перевода¹ и поэтому далее рассматриваться не будет.

Довольно часто в переводе отмечаются переносы отрицания из диктума в модус, иногда — из модуса в диктум:

...*cum persuaderi posse diffideret, cogi fas esse non arbitraretur* (I, 9, 18). —... non spero più che si riuscisse a persuaderlo ma *giudicò che non si avesse nemmeno il diritto di costringerlo*. Разуверившись в возможности убеждения, он *счел недозволенным принуждение*; *Ego neque de meo studio neque de non nullorum injuria scribendum mihi esse arbitror* (I,4,3)—*Non credo sia necessario che ti rassicuri* del mio interessamento per te né che ti parli delle offese che ricevo da certuni.—*He* *нахожу* *нужным писать* ни о своём рвении, ни о несправедливости некоторых лиц.

Из практики перевода, однако, известно, что возможность такой трансформации, основанной на разноуровневой синонимии, неодинакова казалось бы, в аналогичных ситуациях. Напр.:

Ego, quid ad te tuorum quisque necessariorum scribat, nescio (I, 9, 25).—*Non so* quello che su tale questione potrà scriverti ciascuno dei tuoi amici.—Что пишет тебе каждый из твоих друзей, *не*

знаю.

¹ См. Бархударов Л.С. Указ. соч. С. 215.

(ср.: знаю, что не пишет; перенос отрицания без искажения смысла здесь невозможен).

Исследователями было установлено, что возможность/невозможность переноса отрицания из главной части предложения в придаточную и наоборот находится в прямой зависимости от семантики предиката главной части. Выделены семантические классы предикатов, допускающие транспортировку отрицания — это глаголы со значением «хотеть» и со значением «предполагать»¹. Замечено также, что подвижность отрицания характерна для сложных предложений с придаточными нефактивными, то есть заключающими сообщаемое (в отличие от фактивных, содержание которых входит в пресуппозицию высказывания)². Это наблюдение согласуется с фактом ограничения числа предикатов модуса, «принимающих» отрицание из пропозиции-диктума, глаголами со значением «хотеть» и «предполагать»: когда предикатом модуса является один из этих глаголов, суть сообщения заключается в пропозиции-диктуме; предикат модуса указывает, что данное положение вещей представляет собой «возможный мир» говорящего³. Поскольку отрицание модуса «рациональной оценки» или «желания» лишает высказывание осмысленности, очевидно, что на глубинном уровне отрицание входит в семантику пропозиции. Поэтому в предложениях с предикатами-глаголами мнения и волеизъявления перенос отрицания, изменяя поверхностную структуру предложения, по существу, не затрагивает его глубинного смысла. Трансформация «подъема отрицания» в модус является факультативной. Возможны оба варианта предложений — когда отрицание стоит при предикате модуса и когда оно находится внутри диктума-придаточного предложения⁴. Когда же модус представлен предикатом знания, сочетающимся с диктумом-фактивным придаточным, отрицание соотносится на глубинном уровне с теми самыми частями предложения-высказывания, при которых оно помещается на поверхностном уровне. Перенос отрицания из презумптивной части в глав-

¹ Кржижкова Е. Заметки о месте негации в языковой структуре. // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М., 1969, С. 197.

² Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. // Изв-я АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1973. Т. 32. № 1. С. 86.

³ О «возможных мирах» как альтернативе реальной действительности см.: Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. Пер. с англ. М., 1980. С. 38.

⁴ Демьянков В.З. Предикаты и концепция семантической интерпретации. // Изв-я АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1980. Т. 39. № 4. С. 344.

ную, содержащую предикат знания (*Он знает, что она не вернется. Он не знает, что она вернется*), создает совершенно новое высказывание, не имеющее ничего общего с предыдущим.

Необходимо заметить, что при одинаковой допустимости переноса отрицания в высказываниях с предикатами «рациональной оценки» и «желания» из диктума в модус данная трансформация, однако, реализуется в сравниваемых языках неодинаковым образом. Обнаруживается явное предпочтение латинским языком транспортированного отрицания при ограниченности такого переноса в итальянском и русском языках:

De successore meo nihil audivi neque quemquam fore arbitror (2,17, 1). *Del mio successore non so nulla e credo che non ne avrò alcuno.* — О своем преемнике я ничего не слыхал и не думаю, что кто-либо будет. *De nobis id existimari posse non arbitror* (2,16,3) — *In quanto non penso che sifatto mio contegno potrà essere attribuito.* — Обо мне же, полагаю я, этого нельзя подумать.

В латинском языке существовали специальные лексемы, содержавшие транспортированное отрицание. Это глагол *negare* *говорить, что не...*, который регулярно использовался в случаях, когда модус «рациональной оценки» сочетался с пропозицией, содержащей отрицание:

Caninius et Cato negarunt se legem ullam ante comitia esse laturus (1,4,1) — *Caninio e Catone, poi, hanno dato assicurazione che non porteranno alcuna proposta di legge davanti ai comizi.* — Каниний и Катон заявили, что до комиций они не предложат никакого закона.

К числу таких лексем относится также глагол *polle* *не хотеть*, обозначавший желание положения вещей, противоположного тому, о котором сообщается. Правда, здесь не только в латинском, но и в итальянском и русском языках прослеживается тенденция к транспортиации отрицания, хотя в последних это и не привело к образованию специальной лексемы:

Sed tamen tris fratres summo loco natos, promptos, non indisertos, te nolo habere iratos, iure praesertim (2,18,2). — *Ma non vorrei che tu avessi da guardarti proprio da quella di quei tre fratelli, di nobile schiatta, risoluti, parlatori efficaci; collera che, per di più, sarebbe giusta.* — Однако не хочу, чтобы трое братьев очень высокого происхождения, деятельных и не лишенных красноречия, были на тебя в гневе, особенно в законном.

Особо следует сказать о глаголе *nescire ne знать*. Диапазон его перевода — от скрупулезного воспроизведения структуры предложения оригинала до вольной передачи смысла высказывания:

Sed haec ipsa nescio rectene sint litteris commissa (2,5,2). — Ma anche queste poche parole *non so* se sia prudente affidarle ad una lettera. — Но *не знаю*, разумно ли доверять это письму; *Nemo est enim, qui nesciat*, quo minus discessio fieret, per adversarios tuos esse factum (1,4,2). — *Non v'è infatti chi ignori* che se non si è venuti alla votazione, sono stati i tuoi avversari ad impedirlo. — *Ведь всякий знает*, что проведению голосования воспрепятствовали твои противники; *Cur enim tibi hoc non gratificer nescio* (1,10,1). — E perchè non dovrei gratificarti di questo titolo...? (средство выражения модуса — вопросительная интонация) — *Не знаю*, отчего бы мне не дать тебе этого звания.

Причину неодинакового перевода следует искать в семантике данного глагола, а также его утвердительного варианта — глагола *scire*. Глагол *scire* в большинстве своих форм обозначает осведомленность субъекта модуса о факте, являющемся содержанием диктума. Этого нельзя сказать, однако, о форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. Если во всех остальных случаях говорящий судит о факте и знании о нем субъекта модуса «со стороны», то здесь говорящий сам является субъектом модуса и судить о содержании пропозиции-диктума может только «изнутри»; утверждая свое знание, он не может, однако, объективно оценить его истинность. Таким образом, в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. глагол «знать» выступает уже не как предикат знания, а как предикат убеждения (вариант мнения). Содержание придаточного предложения в данном случае представляет собой не факт, а некоторое положение вещей, которое может как соответствовать, так и не соответствовать действительности. Предикат знания соотносим с реальной действительностью и поэтому не допускает оттенков значения: это либо знание действительности (*scire*), либо незнание ее (*nescire*). Синонимы этого глагола крайне редки (напр., *ignorare*). Предикат мнения соотносится с положением вещей, составляющим «возможный мир» говорящего, и допускает различное отношение говорящего к этому «возможному миру». Отрицательный вариант - глагол *nescire* - в роли предиката мнения служит для передачи неуверенности, сомнения, то есть более слабой степени уверенности по сравнению с предикатом убеждения *scio* (*считаю, что) знаю*¹. Допустимость градуирования отноше-

¹ Выражение скорее позитивной установки, чем негативной, в результате присо-

ния к «возможному миру» порождает языковую терпимость к различным способам передачи этого отношения. Ср. также:

Ac *nescio*, an tibi gratius opportuniusque acciderit (6, 7, 3). — И это, *пожалуй*, оказалось для тебя наиболее приятным и подходящим (*букв. Не знаю (сомневаюсь), оказалось ли это для тебя приятнее и более подходящим*).

Функциональным антонимом *scire знать* в значении предиката мнения являлся глагол *dubitare сомневаться*. Сочетание последнего с отрицанием передвигает его значение по шкале мнения от сомнения к уверенности:

Quanta vis in re publica temporum sit...*non dubito*, quin cogites (2, 7, 2). — *E senza dubbio* tu hai ben riflettuto quanto le attuali circostanze premano sulla nostra vita politica. — Ты, *без сомнения*, думаешь о том, сколь велика в государстве сила обстоятельств.

Иногда отрицание в переводе заменяет латинские наречия, обозначающие оттенки реакции субъекта модуса:

Minime miramur te tuis ut egregium artificem praeclaris operibus lactari (I, 7, 7). — Ti dirò che *non mi meraviglio* affatto che tu ti rallegri teco stesso, come un grande artista, del tuo capolavoro. — Я отнюдь *не удивляюсь*, что ты радуешься своим успехам, как прекрасный художник радуется превосходным произведениям.

Подобные замены при переводе, как представляется, не искажая общего смысла высказывания, несколько меняют его стилистическую окраску. Вот почему возможность таких замен требует пристального рассмотрения в каждом отдельном случае.

Итак, вариации переноса отрицания в высказываниях-предложениях с конструкцией эксплицитного модуса весьма разнообразны: перенос отрицания может иметь место как внутри модуса, так и в пределах всего высказывания. Перенос отрицания можно отнести к переводческим трансформациям, получившим название перестановок¹. Среди элементов, могущих подвергаться перестановке, отмечают отдельные слова, словосочетания, части сложного предложения и даже самостоятельные предложения в строе текста.

единения отрицательной частицы к предикату суждения отмечает Демьянков В.З. (Указ. соч. С. 343).

¹ Бархударов Л.С. Указ. соч. С. 191.

Как мы убедились выше, перестановке может подвергаться и модальный оператор. Адекватность перевода достигается в этом случае посредством разноуровневой синонимии. Однако во всех случаях переноса отрицания в пределах высказывания необходимо помнить, что этот перенос допустим лишь в пределах синтаксических трансформаций при сохранении семантического инварианта, а именно неизменности содержания модуса и диктума (пропозиции). В противном случае неизбежны потери или даже искажения смысла.

В.И. Шаховский
(Волгоград)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЭМОЦИЙ В ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДА

Проблема эквивалентности воспроизведения эмоциональных (эмотивных) компонентов значения словесного знака при переводе на иностранный язык в общих чертах затрагивалась в первой книге В.Н. Комиссарова¹. Уже там отмечалось, что общий тип эмоциональности знака может быть, как правило, передан при переводе полностью. Что же касается передачи какого-либо определенного типа эмоции или ее оттенка, то эта задача, по наблюдениям В.Н. Комиссарова, является довольно сложной для переводчиков.

Эта сложность усугубляется еще и тем, что в живой речи эмотивные компоненты смысла слова и высказывания могут превалировать над индикативно-дескриптивными или сопровождать их, окрашивая все высказывание эмотивностью. При этом эмотивность (= отражение эмоций человека в семантической системе языка) не является формальным украшением речевого общения: она рематична, т.е. коммуникативно значима².

Хотя эмоции являются общечеловеческой универсалией, их отражение в семантической системе каждого языка национально-специфично. Поэтому эмотивный компонент семантики языка можно рассматривать в составе его культуроведческого аспекта³.

¹ Комиссаров В.Н. Слово о переводе.—М., 1973. С. 107-108.

² См.: Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи. // Вопросы языкознания. 1984. № 6.

³ См.: Osgood C., Way W.H., Miron M.S. Grosscultural Universals of Affective Meaning.—Urbana, Ill. 1975. XIX.

Анализ этого аспекта слова в переводческом плане показывает, что проблема адекватности передачи эмотивно-субъективной оценки с одного языка на другой не может быть успешно решена в пределах параллельных уровней средств: один и тот же тип эмотивности в разных языках выражается не обязательно средствами одного и того же уровня¹. Так, русская разговорная речь богата случаями эмоционально-экспрессивной деривации и номинации, что составляет одну из культурно-языковых особенностей русского языка, и они подчас затрудняют смысловое восприятие иностранным читателем текстов русской художественной литературы как в оригинале, так и в переводе.

Текстологи отмечают, что одно и то же когнитивное содержание может быть передано разными текстами². Это тем более справедливо для эмоционального содержания текстов на различных, например, английском и русском языках. Соотносящиеся в данном случае с одним и тем же эмоциональным содержанием тексты являются, как будет показано ниже, фактически разными текстами.

Рассмотрим подробнее, как эталоны эмоционального отношения к фрагментам одной и той же действительности (ситуации) различаются в русской и английской лингвокультурах.

В.Н. Комиссаров не без основания подчеркивает, что «коммуникативно релевантное содержание текста перевода определяется как содержанием оригинала, так и особенностями акта общения (выделено мной — В.Ш.), в котором помещается текст перевода»³. В качестве объекта для анализа этих особенностей сравним отрывок из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»⁴ и его перевод на английский язык⁵. Художественные тексты, как известно, являются наиболее распространенным средством межкультурной коммуникации.

¹ См.: Шаховский В.И. О передаче эмотивной коннотации слова и предложения на иностранном языке. // Проблемы слова, словосочетания и предложения в современном английском языке — Горький, 1978. Он же: Лингвистическое интервью как метод установления эмотивной адекватности оригинала и перевода. // Средство выражения экспрессивности текста. — Ростов-на-Дону, 1982.

² См., напр.: Комиссаров В.Н. Когнитивное и семантическое содержание текста // Исследования целого текста. — М., 1986. С. 73.

³ Там же.

⁴ Шолохов М.А. Тихий Дон. — Ростов-на Дону, 1971. Кн. 1. С. 349.

⁵ Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. New York, 1974 (transl. from Russian by St. Carry).

Ситуация данного отрывка такова: у героини романа, Аксиньи, умирает малолетняя дочь. Аксинья в отчаянии, она не хочет верить в жестокую неизбежность. «Подавленная страхом за жизнь ребенка она теряет рассудок ...» «Аксинья неистово молилась, просила у бога последнюю милость — сохранить жизнь ребенка». «... Ночи навывлет простаивала Аксинья на коленях у кровати. Булькающий хрип полосовал ее сердце.»

И дальше идет собственно переводимая единица (ПЕ), которую мы анализируем с точки зрения ее эмотивной адекватности тексту перевода (ТП). Многообразная гамма чувств: любовь, нежность, глубокое горе, отчаяние надрывно звучат в словах истстрадавшейся матери:

«Зернышко мое, дочушка! — приглушенно звенела мать. — Цветочек мой, не уходи, Танюшка! Глянь, моя красотушка, открой глазки. Помнись же! Гулюшка моя черноглазая... за что же, господи?»

Ситуационную и денотативную адекватность ПЕ и ТП примем за данное и не будем ее анализировать. Сравним лишь эмотивное содержание ПЕ и ТП:

“My little one, my little daughter, she groaned, — my flower, don't go away, Tanya. Look, my pretty one, open your little eyes, come back, my dark-eyed darling! Why, oh Lord ...?”

Эмотивная функциональная доминанта анализируемого текста создается взаимодействием экстралингвистической ситуации с эмотивными лингвистическими семами, содержащимися в семантике слов матери ингерентно, и усиленными контекстуальными (адгерентными, наводимыми) эмотивными семами. За счет явления иррадиации эмотивных сем на все высказывание, денотативная семантика ПЕ (фактуальная информация — умирает маленькая дочь, а мать не хочет принять эту жестокую правду) оказывается упакованной в эмотивную информационную оболочку.

На уровне нерасчлененной эмотивной семантики — нежность, безысходное горе, отчаяние матери — ПЕ и ТП соответствуют друг другу, т.е. находятся в отношении эмотивной синонимии. На уровне же оттенков чувств, переживаемых матерью, как показывает компонентный анализ, ПЕ и ТП не являются эквивалентными. Ср. наборы сем¹, составляющие совокупную эмотивную семантику ПЕ:

¹ Семы даются в терминах наименования эмоций.

Набор 1. Экстралингвистический, т.е. ситуационный уровень, формирующий архисему—‘большое несчастье, ужас, безысходность, горе’. Компоненты этой архисемы устанавливаются логическими умозаключениями на основе макроконтекстуальной presupпозиции авторских описаний и ремарок.

Набор 2. Лексико-семантический уровень, формирующий дифференцирующие эмосемы, которые устанавливаются компонентным анализом лексики ПЕ: ‘родственность’, ‘ласка’, ‘любовь’, ‘нежность’, ‘привязанность’. Этот набор эмосем реализуется в суффиксах эмотивно-субъективной оценки -ышк, -ушк, -чек, -юшк, -к, в эмотивно-образных лексемах: *зернышко, цветочек, гулюшка* (ласкательное обращение к ребенку).

В последнем случае экспрессивность является результатом ксеноденотативной направленности номинативных знаков, т.е. в семантике данных слов появляются семы экспрессивности за счет смены денотата при неподвижном номинационном знаке, что ведет к подмене архисемы. Например, *зернышко «зерно»*: 1) семя злаков (архисема—‘плод’). 2) ласковое обращение к человеку (архисема—‘человек’).

Набор 3. Потенциальные эмосемы: ‘страдание’, ‘скорбь’, ‘отчаяние’, ‘безысходность’ и др. содержатся в семантике сочетания *приглушенно звенела мать. Не плакала, не причитала, не шептала, а именно звенела*—такое слово избрал М. Шолохов для создания общей образности данного эпизода.

Все семные наборы, предельно составляющие эмотивный аспект смыслового содержания ПЕ, можно представить в следующих терминах чувств и эмоций:

Набор I. Ситуативные эмосемы, раскрывающие нерасчлененный, т.е. общий характер эмотивной доминанты ПЕ: ‘страдание’, ‘ужас’, ‘безысходность’ (выводятся из пред- и постконтекста ПЕ).

Набор II. Лингвистические (парадигматические) эмосемы: ‘заботливость’, ‘привязанность’, ‘нежность’, ‘ласка’, ‘любовь’ (выводятся дефиниционным анализом словарных единиц).

Набор III. Лингвистические (контекстуальные) эмосемы: ‘страх’, ‘отчаяние’, ‘привязанность’ (выводятся как элементы смыслового содержания из всего отрезка текста в целом).

Таким образом, эмотивная функциональная доминанта, которую в терминах логической и потому неполной информации можно сформулировать как: ‘крайнее отчаяние и ужас матери, теряющей своего единственного ребенка, самого дорогого в ее жизни существа’, формируется в ПЕ в результате сложного взаимодействия всех вышеперечисленных эмосем.

Следующий шаг нашего анализа состоит из установления степени посегментной эмотивной адекватности ПЕ и ТП, путем сравнения семного состава следующих соотносительных эквивалентов.

Сегмент 1: «Зернышко мое, дочушка» — “my little one, my little daughter”.

В основе русского обращения лежит конкретный образ (семантический тип мотивации), выражающий эмоцию ‘ласка’. Эта эмоция усиливается эмотивным суффиксом -ышк, через сему ‘нежность’ и местоимением ‘мое’ через сему ‘привязанность’. Таким образом, в русском обращении мы имеем трехэлементное выражение эмотивности: семантическое, морфологическое, лексическое, в совокупности передающее эмоцию ‘нежность’ высокой степени интенсивности и яркости.

Английское соответствие русского обращения *зернышко мое* — my little one при дефиниционном анализе обнаруживает следующие эмосемы: ‘малость’ — ‘ласка’, ‘нежность’. Элемент my реализует потенциальную эмосему ‘нежная привязанность’. Способ выражения эмоций — лексический, двухэлементный.

В семантике русского слова *дочушка* дефиниционный анализ устанавливает эмосему: ‘ласкательность’, стилистическую сему: ‘коллоквиальность’ (уменьш., ласкат., разгов., о ребенке)¹. Эмосема ‘ласкательность’ в русском деривате усилена за счет эмосем двух эмотивных суффиксов -чк, -ушк (ср. *дочка* — уменьш., ласкат. от *дочь*).

Английский вариант этого компонента ПЕ — my little daughter — по сути дела является синонимическим повтором предыдущей части сегмента — my little one. Никаких новых эмосем по сравнению с ним сегмент my little daughter ° не несет, в то время как русский дериват *дочушка* более экспрессивен и стилистически маркирует этот сегмент семей ‘интимность’.

Таким образом, и по количеству элементов выражения эмотивности и по ее качеству, и по степени ее яркости первый сегмент ТП явно проигрывает, уступает прагматике сегмента ПЕ. При передаче данного сегмента на английский язык наблюдаются информационно-эмотивные потери: кроме уже упомянутых выше стилистических сем интенсивности и яркости, в английском переводе не передан семантический компонент ‘образность’, т.е. тот образ, а следовательно и авторская идея, которую М. Шолохов вложил в уста Аксиньи: ее дочь Танюшка (зернышко) — плоть от плоти, кровь от

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1972. С. 164.

крови самой Аксиньи (колос с единственным и потому бесценным зернышком).

Английский вариант менее выразителен, он передает менее интенсивно чувства матери, «максимальная родственная близость» в нем выражена формальным штампом, общим для национально-употребления (по отношению к детям англичан вообще) и потому лишенным индивидуальности.

Сравним оригинал и перевод сегмента 3: *мой цветочек!* — *my flower!* компонентный анализ слова *flower* не дает того набора эмосем, который находим в русском ласкательном деривате *цветочек*. В английском варианте отсутствуют уменьшительные эмосемы ‘ласкательность’, ‘нежность’ суффикса эмотивности *-чек*, эти семы остаются не переданными в ТП (эмотивная потеря).

Национально-культурные эталоны в сопоставляемых языках — образное использование цветка как символа красивой, любимой девочки, дорогой сердцу говорящей, — коммуникативно и прагматически совпадают.

В сегменте 4: не уходи, Танюшка = *don't go away*, Тапуа через форму Тапуа английскому читателю совершенно не передаются те чувства матери, которые мотивируют употребление интимно-ласкательной формы (*Танюшка*). Форма Тапуа никаких эмотивных коннотаций у английского читателя не вызывает, тогда как национально-специфическая форма *Танюшка* для русского читателя сообщает многое (ласка, нежность, любовь матери к своей дочурке и пр.). Эта форма типично русского личного имени иррадирует на весь сегмент и на всю ПЕ целую гамму эмоций в виде эмосем, которые, накладываясь на родственные эмосемы других сегментов, делают эмотивную семантику всей ПЕ более яркой, выразительной, т.е. порождают сему интенсивности. Форма и содержание элемента Тапуа представляет собой для английского читателя эмотивную лакуну, т.е. коммуникативный нуль. Только за счет этого факта невозможно адекватное смысловое восприятие данной части сегмента текста в сопоставляемых лингвокультурных социумах.

Сегмент 5: «глянь, моя красотишка, открой глазки» = “*Look, my pretty one, open your little eyes*”.

Семантика слов *глянь* и *look* отличается тем, что русское слово маркировано стилистически (разг.), а английское слово более соответствует русскому слову *смотреть* — направлять взгляд, чтобы увидеть кого/что-нибудь¹.

¹ См. Ожегов. С. 677.

Слово *красотка* является просторечным эквивалентом понятия 'миловидная девушка'. Словарная дефиниция¹ указывает на ингерентные эмосемы: 'ласкательность', 'нежность' и стилистическую маркированность (просторечие). В анализируемом контексте обращение *красотушка* относится к малолетнему умирающему ребенку, поэтому в ситуативно обусловленной семантике этого слова происходит тесное переплетение ингерентных и адгерентных (наводимых ситуацией и контекстом) эмосем. Его английское соответствие *pretty one* является более формальным атрибутом: во-первых, оно, хотя и разговорное, но не просторечное выражение, а следовательно, оно маркировано иной эмосемой, по сравнению с эмосемой, маркирующей обращение *красотушка*; во-вторых, его оценочная сема носит более логический характер, чем у русского деривата, у которого она ярко эмоциональная. Кроме того, за счет эмотивного суффикса *-ушк* семантика русского обращения более интенсивна и ярка, чем семантика английского соответствия.

Из вышеизложенного следует, что русский дериват *красотушка* более экспрессивен и эмоционален, чем английское словосочетание *pretty one*. К эмотивным потерям при передаче ПЕ в пределах данного сегмента, таким образом, можно отнести: качество стилистических сем, оценочную сему, сему усиления, отсутствие которых в сегменте ТП снижает степень эмоциональной напряженности монолога.

Эмотивный дериват *глазки* в ТП имеет вполне удовлетворительный описательный эквивалент на коннотативном уровне, так как *little* в эмотивном значении эквивалентен эмотивности суффикса *-ик*.

Сегмент б: «Опомнись же! Гулюшка моя черноглазая...» = "come back, my dark-eyed darling!"

Перевод данного сегмента с точки зрения эмотивной информации также не полноценен. Так, например, в ТП не передана разговорная просторечная частица *же*, и в эмотивные потери при переводе сразу можно занести стилистический компонент. Эта частица является одновременно усилителем и, следовательно, сема усиления тоже не передана в ТП. Нарушения динамической эквивалентности данной части сегмента происходит только на уровне этих двух сем. Анализ выявил совпадение денотативных сем у слов *опомнись* (прийти в сознание после обморока)² и *come back* (to

¹ См. Ожегов. С. 278

² См. Ожегов. С. 415.

return to life, to memory, to regain a former condition¹).

Вторая часть сегмента: *Гулюшка моя черноглазая* передана на английский язык фразой *my dark-eyed darling!*

В этой соотносительной паре сегментов налицо неадекватность в следующем плане. Шолохов на протяжении всего романа неоднократно подчеркивает черноту мелеховских глаз, и то, что у дочери Аксииньи — глаза отцовские, т.е. черные. Поэтому перевод *dark-eyed*, по-нашему мнению, не учитывает эту прединформацию. Как показывают толковые и переводные словари эту черноту глаз можно было бы передать описательными словосочетаниями: *deep dark eyes, to be black of eyes*. Анализ ряда переводных и толковых словарей выявил, что *black eye* — как устойчивое словосочетание означает 'discoloured bruise around eye', а сложно-производное слово *black-eyed* значит 'to be black of eyes'. Например: *He was black of eyes and red of cheeks.* — У него были черные глаза и румяные щеки. Таким образом, в ТП не передана сема интенсивности *very*, которую эксплицируют дефиниции слова *black (very, deep dark)*².

Словосочетание *dark-eyed darling* представляется неудачным по соображениям аллитерации звука [d], которая, согласно литературе по звуковому символизму, коннотирует уничтожение, презрение и прочие пейоративные ассоциации, отсутствующие в ПЕ и противоречащие замыслу автора.

В семантической основе образного слова-обращения *гулюшка* лежит зоосема. В данном случае (как и в предыдущих: *зернышко, цветочек*) за счет смены денотативной соотнесенности номинативного знака в его семантике наводятся семы образности и усиления. А суффикс *-юшк* сигнализирует об ингерентных эмосемах 'ласка', 'любовь', 'нежность'. Словарная дефиниция этого слова обнаруживает также и сему 'разг.' Совокупность всех этих сем делает русское обращение эмотивно более насыщенным и ярким, чем его английский контекстуальный вариант. В русском лингво-культурном социуме обращение *гулюшка* употребляется только по отношению к детям, в то время как национально-специфичное для английского социума обращение *darling* имеет значительно большую сочетаемость в силу более обобщенного и формального типа семантики и, в частности, в силу диффузности его эмотивной семантики, в составе которой нет семы образности и экспрессивности, имеющейся у русского обращения *гулюшка*. Таким образом, эмотивный остаток,

¹ Webster's Seventh New Collegiate Dictionary.—Springfield, USA. P. 165.

² Webster's seventh... P. 87.

получаемый при переводе этого сегмента складывается в следующий набор: стилистическая сема, экспрессема (сема образности), а также сема 'усиление семантики ласки и нежности'. Из этого следует, что оригинал является более экспрессивно-эмоциональным, чем перевод этого сегмента, так как часть рематической информации потеряна при переводе.

Сегмент 7: «За что же, господи?» = "Why, oh Lord?"

В этом сегменте не передана сема интенсивности, формальным маркером которой в русской языковой культуре является частица *же*. Семы коннотативной семантики 'боль', 'отчаяние', 'эмоциональное неприятие происходящего', формирующие эмотивную функциональную доминанту сегмента, переданы в ТП благополучно.

Таким образом, в целом ТП менее выразителен, он значительно беднее по лингвистическим средствам, формирующим эмотивную функциональную доминанту данного высказывания. Так, например, в нем три раза употребляется один и тот же знак *little* как эквивалент разнообразных русских суффиксов эмотивности: -к, -ышк, -ушк; в нем употреблено единственное образное средство (*flower*) на фоне трех в ПЕ; в количественном отношении в ТП больше нейтральной лексики.

Основные эмосемы: 'любовь', 'нежность', 'ласка', 'привязанность' в обобщенном виде переданы почти во всех отдельно взятых сегментах ТП в целом, т.е. во всем тексте, но их стилистические нюансы, яркость, интенсивность и образность в большинстве случаев потеряны при переводе. Лингво-культурной особенностью ТП является традиционно-описательный способ передачи эмотивной семантики, что затрудняет, а потому и ухудшает эмоциональное восприятие текста русским читателем.

Искажение коммуникативно-значимой информации за счет эмотивных потерь при переводе обусловлено структурными, лексико-семантическими, национально-культурными различиями сопоставляемых языков и является неизбежным.

Вышеизложенный материал, как нельзя лучше, подтверждает наблюдения В.Н. Комиссарова о том, что «коммуникативная функция свойственна не только языку в целом, но и отдельным элементам его системы»¹. В нашем случае такими отдельными элементами

¹ Комиссаров В.Н. Коммуникативная функция языка и осмысленность слова // Коммуникативные единицы языка. Сб. науч. труд. вып. 252. МГИИЯ им. М. Тореза. -М., 1985. С. 38.

ми русского и английского языков являются эмотивы — морфемы, слова, словосочетания с эмотивным содержанием их семантики.

Полагаем, что в принципе подобное сопоставление эмотивного содержания ПЕ и ТП может выявить как положительные стороны перевода, так и его потери, влияющие в известных пределах на восприятие художественного произведения читателем иного культурного социума. Зная причину эмотивных искажений, легче найти способы их компенсации при повторных переводах. В этом плане применение методики компонентного анализа при переводе и ее дальнейшее совершенствование несомненно перспективно и может привести к качественному улучшению эстетико-прагматических аспектов художественных переводов.

В лингвистическом плане сопоставительные исследования периферийных участков языковых картин мира, к которым относятся и эмотивное картирование, и эмотивная интерпретация мира в конечном счете накапливают информацию, необходимую для адекватного объяснения национально-специфического видения мира. Сюда же входит и объяснение, почему люди, говорящие на разных языках, членят окружающий мир по-разному не только в логическом, но и в эмотивном аспектах. Результаты таких исследований важны также для научно аргументированного доказательства ошибочности позиции многих лингвистов, философов и логиков, которые относят идеоэтническое в языке к маловажному и малосущественному¹.

¹ См. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка.—М., 1983. С. 112.

IV. ВОПРОСЫ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

Э.А. Башкардин
(Свердловск)

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРОЦЕССА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

При рассмотрении вопроса об этапах процесса перевода многие исследователи отмечают, что данный процесс начинается, как минимум, с момента начала восприятия переводчиком речевого произведения на ИЯ¹. Такой подход вполне естествен для чисто лингвистических моделей процесса перевода. Все исследователи, однако, признают большую роль экстралингвистических факторов, особенно в устном последовательном переводе, так как именно последний характеризуется большим разнообразием коммуникативных ситуаций. Экстралингвистические факторы, являющиеся частью деятельностной, коммуникативной и референтной ситуаций, по терминологии К.А. Долинина², являются формантами смысла речевых произведений на этапах их создания на ИЯ, интерпретации переводчиком, создания им речевого произведения на ПЯ и интерпретации этого произведения адресатом.

Как отмечено выше, экстралингвистические факторы играют особенно большую роль в последовательном переводе, так как в устной речи широко используются дейктические средства языка, паралингвистические коммуникативные средства (жесты, мимика и т.д.); в техническом устном переводе приходится учитывать наличие и использование специфических, технических коммуникативных средств, таких, как чертеж, эскиз (часто создаваемый в процессе порождения высказывания), физическая демонстрация, а

¹ См., например, Стрелковский Г.М., Латышев Л.К. Научно-технический перевод.— М., 1980. С. 30; Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода.— М., 1985. С. 158—159; Комиссаров В.Н. Слово о переводе.— М., 1973. С. 162.

² См.: Долинин К.А. Интерпретация текста.— М., 1985. С. 13.

также социальный и ролевой статус участников коммуникативного акта, что заранее с большой степенью вероятности может дать лингвистическую характеристику их речи, фоновых и энциклопедических знаний, компетенции и т.д., большое значение имеет знакомство переводчика с понятийным инвентарем соответствующей области знания.

В последовательном переводе многие форманты смысла начинают действовать, могут и должны быть интериоризированы переводчиком еще до языкового оформления адресантом речевого произведения на ИЯ. Особенно большое значение эти форманты смысла приобретают в связи с быстротечностью этого процесса. Действительно, была бы парадоксальной ситуация, когда переводчик осознавал бы наличие вышеуказанных и других экстралингвистических факторов только с момента начала восприятия языкового произведения. Фактически, интериоризированность формантов смысла высказывания является одним из условий функционирования механизма интерпретации переводчиком речевого произведения на ИЯ.

Этап интерпретации высказывания на ИЯ признается одним из этапов процесса перевода, но интерпретации подвергаются и экстралингвистические форманты смысла, сопряженные с ним, которые начинают действовать еще до появления языкового оформления коммуникативного замысла. Экстралингвистическая ситуация, взаимодействующая с речевым произведением, и частично являющаяся в философском смысле его содержанием, обладает собственной структурой, относительно независимой от структуры вербального сообщения. Структуру этой экстралингвистической ситуации можно назвать предметно-событийной структурой, а ее отражение в мозгу переводчика (и других коммуникантов) понятийно-событийной структурой.

Экстралингвистическая ситуация, безотносительно к переводу, исследуется К.А. Долининым¹. Он выделяет такие ее элементы, как деятельностьная ситуация, коммуникативная ситуация, референтная ситуация, коммуникативный акт. «Порождение, передача и восприятие сообщения, совершающиеся в определенной ситуативной рамке, составляют коммуникативный акт. Коммуникативный акт может быть воплощен не только в речевом сообщении, но и в экспрессивном жесте, в картинке, в том или ином условном сигнале и т.д., которые следует рассматривать как сообщения»². Как

¹ См. Долинин К.А. Указ. соч..

² Долинин К.А. Указ. соч. С. 13.

мы видим, согласно такой точке зрения, содержание (информация), передаваемое в акте коммуникации, не обязательно является речевым. Те или иные аспекты референтной ситуации актуализируются различными коммуникативными средствами. Смысл передачи информации от индивида к индивиду состоит в том, что из всего деятельностно-событийного континуума, под организующим воздействием цели коммуникации, адресантом вычлняются и описываются его отдельные элементы, ранее не известные адресату (либо, по мнению адресанта, знания адресата об этих элементах требуют модификации). Такое вычленение или актуализация смысла (т.е. личностно-обусловленное отражение действительности) может осуществляться, как указывалось выше, визуальными и/или вербальными средствами.

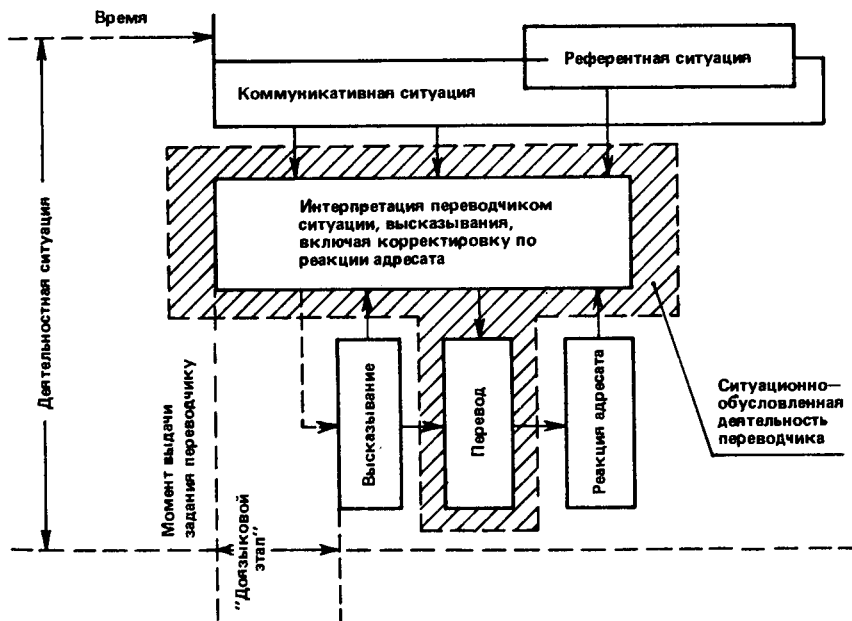
В процессе устной коммуникации в области техники визуальные коммуникативные средства графического характера¹ (чертежи, схемы, фотоснимки и т.д.) используются очень широко параллельно с речью. Исследование этих двух взаимодействующих коммуникативных средств может представлять большой интерес при изучении процесса передачи информации от индивида к индивиду, так как это позволит обнажить те коммуникативные единицы, посредством которых происходит такая передача информации, помочь в прослеживании вариативности формы таких коммуникативных единиц при инвариантном содержании, что является одним из центральных вопросов теории перевода. Выявление коммуникативных единиц, относительно независимых от речи, позволит производить их изучение еще до начала процесса вербальной коммуникации. Дефицит времени на принятие решений в последовательном переводе делает эту возможность особенно актуальной в техническом переводе, где содержательная сторона представляет большую сложность, да и сама устная речь на научные и технические темы отличается своеобразием и исследована еще явно недостаточно².

Переводчик оказывается вовлеченным в коммуникативную ситуацию с момента формальной постановки ему задачи на перевод.

¹ Термин 'графический' используется в значении 'неязыковой'.

² «Разные типы научно-технических текстов функционируют как в письменной, так и в устной форме. К сожалению, последний аспект не обсуждается пока даже в порядке постановки проблемы. Именно обращение к таким ситуациям, как ... конференция, симпозиум... диалог в кругу специалистов, даст в руки исследователей неопценимые свежие материалы по изучению устной научной речи». Герд А.С. Язык науки и техники как объект лингвистического изучения // Филологические науки. 1986. N 2.

С этого момента он должен начать изучение всех релевантных факторов. Переводчик имеет постоянную, «должностную» установку на перевод, тем не менее, на каждый конкретный случай ему выдается задание, которое содержит (или должно содержать) краткое описание той коммуникативной ситуации, в которой будет осуществляться перевод, и его предполагаемой деятельности (письменный, устный перевод, составление аннотации и т.д.). Проблема постановки задачи перед переводчиком — не чисто теоретический вопрос, как это может показаться на первый взгляд, так как «широкое распространение получили новые виды переводов, к которым предъявляется требование функционально-коммуникативной адекватности (корректная реализация коммуникативной установки автора переводимого текста), либо требование дезидеративной адекватности (удовлетворение коммуникативного запроса получателя перевода, не обязательно совпадающего с коммуникативной установкой автора оригинала)»¹.

Место «доязыкового этапа» в структуре деятельности переводчика
(Последовательный перевод)

¹ Ванников Ю.В. Типы научно-технических текстов и их лингвистические особенности. ВЦП.—М., 1985.

С момента выдачи задания начинается формирование коммуникативной ситуации. В этот «доязыковой» период переводчик имеет возможность активно влиять на нее путем изменения таких формантов смысла, как фоновые знания переводчика, его компетенция по обсуждаемому вопросу и др., т.е. производить изучение предметно-событийной структуры и содержания референтной ситуации, отражением которой явится «семантико-смысловая структура»¹ потенциальных сообщений данной коммуникативной ситуации.

Рассмотрим, для примера, одну из наиболее типичных коммуникативных ситуаций с участием переводчика на промышленном предприятии: предстоит работа с иностранными специалистами по ремонту вышедшей из строя автоматической линии. Переводчик может быть совершенно незнаком ни с проблемами данной автоматической линии, ни с терминологией в данной области техники как на ИЯ, так и на ПЯ. Такая ситуация вполне реальна, так как, во-первых, переводчик может быть привлечен с другого предприятия или из другой организации, а во-вторых, не только в пределах одного завода, но и в пределах одного и того же цеха может иметься оборудование, выполняющее совершенно различные операции и основанное на применении различных физических принципов. Так, скажем, на литейном заводе имеются электродуговые печи плавки, формовочные линии для литья заготовок, пескоструйные установки для их очистки, печи отжига, работающие на газе и т.д., поэтому даже переводчики, работающие на данном предприятии постоянно, не могут одинаково хорошо быть готовы к работе на любом оборудовании.

Как построить переводчику свою подготовительную работу за имеющийся в его распоряжении короткий период в несколько дней, а часто и меньше? Переводчик может встретиться с участниками предстоящего коммуникативного акта, ознакомиться с референтной ситуацией физически и по документации или по другим информационным материалам, ознакомиться с соответствующей терминологией на ИЯ и / или ПЯ, но каких-то из вышеперечисленных возможностей он может и не иметь. Какими возможностями должен воспользоваться переводчик в первую очередь, что является существенным, а что факультативным в этой деятельности, где уже начинает действовать дефицит времени?

¹ Чернов Г.В. Психолингвистические основы синхронного перевода. МГИИЯ им. М. Горького—М., 1984

Чтобы быть в состоянии осуществлять качественный последовательный перевод по технической тематике, переводчик должен предварительно интериоризировать содержание и структуру референтной и коммуникативной ситуации, т.е. сформировать свои представления о них и их предметно-событийной структуре, но со степенью детализации не более той, что необходима для решения данной технической проблемы.

Как отмечают А.М. Шахнарович и В.И. Голод, «функционирование текста в коммуникативном акте (в среде «коммуникатор-реципиент») будет иметь место, если произойдет смысловое восприятие текста, которое возможно только при соотношении текста с опытом индивида». И далее: «... специфической особенностью развития средств общения в онтогенезе является переход от целостных, нерасчлененных средств кодирования ситуации ко все более аналитическим»¹, «... между действительностью и отражающим эту действительность текстом находится специальная работа сознания по выделению элементов действительности, по расчленению предметной ситуации с особой целью — с целью выражения этих элементов языковыми средствами»², т.е. объекты или, другими словами, соответствующие им коммуникативные единицы, подвергаются языковой актуализации и номинации по релевантным для данной области техники признакам. Для переводчика важна номинация в обоих контактирующих языках.

Конечно, расчленение предметной ситуации уже произведено существующей номинацией, однако для переводчика будет важным не просто установление формальных соответствий между этими номинациями, а именно их связь с денотатами, что позволит установить и различия между ними. Кроме того, готовая номинация может не охватывать всех возможных коммуникативных ситуаций и переводчику приходится осуществлять свою номинацию в реальных и жестких условиях последовательного перевода. Например, при решении определенной технической проблемы используется невербальное средство коммуникации — чертеж. Ссылка на него сопровождается фразой: “The length of this pin has to be reduced by 5 mm”. Для того, чтобы правильно перевести термин pin, переводчик должен либо 1) иметь сформированное ранее представление о характеристиках данного объекта (напр.: о его функции, форме и т.д.), либо 2) уметь извлечь такие характеристики из чертежа и сравнить

¹ Шахнарович А. М., Голод В.И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // ВЯ, 1986. № 2. С. 53.

² Там же. С. 55.

с имеющимися в его сознании представлениями о соответствующих объектах, таких, как, например, *шпилька, шплинт, штифт, ось*, после чего он производит номинацию данного объекта — 'штифт' (если объект круглый, гладкий, используется для фиксации одной детали относительно другой).

Представления о референтной и коммуникативной ситуации, рассматриваемые в аспекте последовательного перевода, не обязательно являются отражением материальных объектов, они могут отражать и идеальные объекты — от технических характеристик машины до отношений между участниками коммуникативного акта. В когнитивном смысле все они релевантны для переводчика.

Представление может быть создано как через изучение вербальной информации, так и невербальной — чертежей, рисунков, фильмов, через непосредственное визуальное наблюдение, причем невербальный способ создания представлений имеет то преимущество, что он требует меньше времени для передачи равного количества информации, так как дает представление о материальных объектах сразу в двух-трех (на чертеже), трех (на рисунке) или четырех (в фильме) измерениях. Это позволяет производить компрессию текста.

Как представляется, в процессе последовательного перевода действует тот же психолингвистический механизм вероятностного прогнозирования, что и в синхронном переводе¹, хотя условия его функционирования значительно менее напряженные в связи с отсутствием необходимости сочетать аудирование с говорением и с наличием большего количества времени для собственно перевода. Не углубляясь далее в обоснование данного тезиса отметим, что никакой другой механизм не обеспечил бы выдачу готового перевода сразу же после завершения звучания исходного сообщения. Перевод, практически, осуществляется синхронно с аудированием, а созданный текст на ПЯ хранится в оперативной (буферной) памяти переводчика.

По мере повторения типичных коммуникативных ситуаций происходит совершенствование механизма вероятностного прогнозирования. Выделяется типичный, постоянный компонент этой структуры, который, как показывает практика, относится в большей части к социальному, ролевому компоненту коммуникативной ситуации. Референтная (в технике чаще всего материально-предметная) ситуация наиболее вариативна. Некоторые перевод-

¹ Чернов Г.В. Психолингвистические основы синхронного перевода. — М., 1984.

чики эмпирически правильно строят свою работу на «доязыковом» этапе. Такие переводчики легко адаптируются к новым коммуникативным ситуациям (часто этому способствуют индивидуальные характеристики личности переводчика), другие переводчики, напротив, с трудом перестраиваются. Неумение быстро овладеть предметно-событийной структурой и содержанием новой референтной и коммуникативной ситуации ведет к дополнительным психологическим нагрузкам, оказывающим интерферирующее воздействие на протекание процесса перевода.

Интерриоризация переводчиком предметно-событийной структуры референтной ситуации создает основу для воздействия механизма вероятностного прогнозирования. Пробелы в знаниях предметно-событийной структуры референтной ситуации вынуждают переводчика пользоваться исключительно лингвистической моделью перевода, т.е. подыскивать эквиваленты лексическим и синтаксическим единицам на ПЯ без обращения к экстралингвистическим факторам и игнорировать невербальные коммуникативные средства, что может привести к стилистическим и смысловым ошибкам в переводе.

Выделение « доязыкового » этапа процесса перевода, особенно последовательного, представляется методологически необходимым, так как это позволит научно обосновать процесс подготовки переводчика к работе в конкретной коммуникативной ситуации. Теоретическое осмысление содержания и структуры « доязыкового » этапа представляет особый интерес для практической работы устных переводчиков в области техники. Отработка методики быстрого и эффективного прохождения « доязыкового » этапа поможет переводчику быстро переориентироваться с одного вида работы на другой. Решение этой проблемы поможет преодолеть психологические и организационные трудности, поднять качество устного перевода в научно-технической области.

V. ВОПРОСЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Б.Н. Климзо
(Москва)

О ПЕРЕВОДЕ НЕКОТОРЫХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК¹

Наиболее сложная проблема при переводе на «чужой» язык — обеспечение идиоматичности. Однако в переводоведении и практике перевода ей уделяется мало внимания. Существует даже парадоксальное мнение, будто бы научно-технический текст труднее переводить на родной язык, чем на чужой. Объяснение такому парадоксу очень простое. Переводя на родной язык, переводчик мучительно долго отыскивает наилучшее соответствие и учитывает (сознательно или подсознательно) все — синтаксические нормы, лексическую сочетаемость, окружающий контекст, стиль, жанровую принадлежность. Переводя же на чужой язык, он зачастую пишет первое пришедшее в голову соответствие, не очень заботясь о языковых тонкостях. Вот и получается, что переводя на чужой язык, переводчик действительно тратит меньше времени и усилий, однако при этом он забывает, что порождаемый им текст мало напоминает оригинальные тексты на языке перевода.

Переводя, например, на родной русский язык, переводчик «шлифует» текст, добиваясь, чтобы последний выглядел как работа, написанная русским автором. Переводя же на английский, русский переводчик нередко порождает некий Russian English, с трудом понимаемый (или вообще непонимаемый) носителями английского языка. Интересно, что такой Russian English не вызывает обычно сомнения и у русских редакторов, поскольку в его основе лежит хорошо понятный им русский язык.

Если переводчик пытается дать удовлетворительный перевод

¹ Автор благодарит Р.Н. Хейнсворта, советы и пояснения которого оказались очень полезными при работе над статьей.

на английский язык, ему приходится много времени тратить на поиски аналогичных «чисто английских» конструкций. Среди них особое место занимают отрицательные конструкции, так как в логическом отношении они несколько отличаются от аналогичных им русских конструкций. Мы рассмотрим некоторые из отрицательных конструкций и надеемся, что знакомство с ними будет полезным для русских переводчиков на английский язык.

Отрицание при обстоятельстве

Если в русском языке отрицательная частица не может находиться рядом с любым словом, то в английском формальный показатель отрицания тяготеет к сказуемому¹.

Пусть нужно перевести предложение *Термопары регистрируют температуры не на оси трубы*. (Иными словами, спай термопар установлен не по оси трубы, а в других точках сечения.) Пословный перевод на английский (*The thermocouples record the temperatures not at the centre*) будет непонятен английскому читателю. Прочтя начало фразы и дойдя до частицы *not*, англичанин задумается, к чему бы она могла относиться. Частица *not* должна находиться рядом с глаголом, но она *in some strange unusual way* стоит рядом с обстоятельством *at the centre*. Перебрав мысленно все практически возможные ситуации с использованием термопар и так и не поняв, *what the particle is negating*, англичанин приходит к выводу, что либо переводчик ошибся, либо машинистка что-то пропустила (например, слово *but* перед частицей *not*). Правильный вариант перевода выглядит следующим образом:

01. *The thermocouples do not record the temperatures at the centre.*

Еще один пример отрицания при обстоятельстве: *Мы нашли, что эти простые расчеты не всегда дают точные результаты*. Пословный перевод вроде *We found that these simple analyses (calculations, predictions) not always give (provide) accurate results* не годится, так как обстоятельство *not always* предшествует сказуемому. Более «по-английски» выглядит вариант *We found that these analyses do not always give accurate results*. Еще более идиоматичным признается англичанами следующий вариант:

02. *The simple analyses have not been found to consistently provide accurate results.*

¹ См. *Аполлова М.А.* О системном подходе к языку // Тетради переводчика, Вып. 10- М., 1973. С. 19.

Таким образом, в английском языке отрицание вносится в сказуемое, даже если отрицается не действие, а некое обстоятельство (места, времени).

Отрицание при собирательном местоимении

Предложение *Оптические методы надежны не при всех режимах течения* также недопустимо переводить на английский по-словно. Правильный вариант перевода:

03. *Optically-based methods are not reliable in all flow regimes.*

Еще два примера:

04. *Описанный подход пригоден не во всех случаях.* - *This approach is not practical in all cases.*

05. *Это требование по толщине выполнялось не во всех испытаниях образцов Шарпи с предварительно нанесенной трещиной.* - *This specimen size requirement was not met for all precracked Charpy tests.*

Мы снова видим, что отрицательная частица *not* внедряется в группу сказуемого. Если же некий факт относится ко всем без исключения режимам, случаям, опытам и т.п., то в английской речи используется утвердительная конструкция с глаголом-связкой и предикатом, снабженным отрицательной приставкой *un-, in-, ir-, non-*:

06. *... are unreliable in all flow regimes.*

07. *... is unpractical in all cases.*

08. *... was unsatisfied for all ... tests.*

В случаях, когда собирательное местоимение все входит в группу подлежащего, приемлемы несколько вариантов перевода. Покажем это на примере предложения *Не все твердые вещества с высокой проводимостью открыты именно в последнее время:*

09. *The highly conductive solids are not all recent discoveries.*

10. *All highly conductive solids are not recent discoveries.*

11. *Not all the highly conductive solids are recent discoveries.*

Еще три примера:

12. *Показано, что не все электрогальванические золотые покрытия являются одинаково хорошими промоторами капельной конденсации.* - *It has been shown that all gold electrodeposits do not perform equivalently as promoters of dropwise condensation.*

13. *Таким образом, не все лучи падают наклонно к поверхности.* - *Thus all of the rays do not strike the surface at an oblique angle.*

14. Совершенно ясно, что не все эти простои вызваны появлением коррозионного растрескивания под напряжением.— Obviously, all such outages are not due to the occurrence of stress corrosion cracking.

Если же требуется перевести эмфатическое сочетание *все... не*, в английском тексте также используют имеющее эмфатический характер местоимение *none*:

15. Все твердые вещества с высокой проводимостью открыты отнюдь не в последнее время.— None of the highly conductive solids are recent discoveries.

Отрицательные конструкции с указанием степени действия

Рассмотрим русские конструкции со словами *не совсем* (*не полностью*) и *совсем не* (*совершенно не*). Первая из них показывает, что действие (или состояние), выражаемое смысловым глаголом, реализуется не в полной степени. Перевод ее на английский опять-таки сопровождается присоединением частицы *not* к глаголу, например:

16. Это объяснение, однако, не полностью учитывает явное влияние концентрации алюминия на коррозионные характеристики.— However, this does not account entirely for the apparent effect of aluminium level on corrosion behavior.

Вместо наречия *entirely* можно использовать аналогичные наречия *readily* и *completely*.

17. Эта конструкция не совсем пригодна для станочного изготовления.— This design does not readily lend itself to machine production.

18. Такая нечувствительность не совсем неожиданна.— The insensitivity is not completely unexpected.

Из примеров 17 и 18 мы видим, что наречие можно располагать и непосредственно за частицей *not*. Такая подвижность, как и в случае употребления наречия *only*, объясняется соображениями ритмичности английской речи.

Вторая русская конструкция со словами *совсем не* и *совершенно не* указывает на полное отсутствие действия или состояния. При переводе структура соответственной английской конструкции остается прежней — меняется лишь наречие:

19. Это объяснение совершенно не учитывает явного влияния концентрации алюминия на коррозионные характеристики.— This does not account at all for the apparent effect of aluminium level on corrosion behavior.

Близкое к словосочетанию *совсем не* эмфатическое *вообще не* переводится на английский наречиями *whatever* и *whatsoever*:

20. На поверхности излома вообще не было межзеренных трещин.—The fracture surface showed no intergranular cracking whatsoever.

Словосочетание `по-видимому, не'

В литературе по переводу обращается внимание на тот факт, что в английской разговорной речи отрицание нередко выносится в главное предложение, хотя по смыслу оно относится к придаточному. В упоминавшейся уже нами работе М.А. Аполловой приводится пример и дается его перевод: I don't think we've been to a theatre for three or four years. — *Думаю, что мы не были в театре в течение трех-четырех лет.*

Мы хотели бы здесь добавить, что фактически словосочетание I don't think играет в английском языке роль еще одного средства understatement (вроде общеизвестного I'm afraid). Вот несколько убедительных, на наш взгляд, примеров, из художественной литературы.

21. I don't think I have made myself quite clear.— Боюсь, я не совсем ясно изъяснился.
22. I don't think I can hear you very well.— Простите, я не очень хорошо вас слышу.
23. I don't think I expected an ultimatum from him.— Признаться, я не ожидал от него ультиматума.

Подобное средство understatement существует в научно-технической литературе на английском языке. Мы имеем в виду отрицательные конструкции типа does not appear, does not seem, is not expected, соответствующие русскому словосочетанию *по-видимому, не*. Вот несколько примеров:

24. Это, по-видимому, не согласуется с имеющимися экспериментальными данными. - This does not appear to be in agreement with the available experimental data.
25. Примерно 50%-ное увеличение теплоотдачи, по-видимому, совсем не исключено.- A 50 percent improvement in heat transfer does not seem out of the question.
26. Сама по себе шероховатость поверхности, по-видимому, не повлияла на результат. - Surface roughness as such is not expected to have contributed.

Перевод сочетания *по-видимому, не* возможен и без внесения частицы *not* в английскую модальную конструкцию:

27. Удлинение жаровой трубы, по-видимому, не принесет пользы. — Lengthening the liner would appear to offer no benefit.

Отрицательные конструкции с однородными членами

Иногда в предложении имеется несколько однородных членов, при этом об одних что-то утверждается, а по отношению к другим что-то отрицается. При переводе на английский пассивной конструкции можно использовать один глагол-связку, если «утверждаемые» члены предшествуют «отрицаемым»

28. Виден некоторый разброс точек, причем явное влияние нагрузки отсутствует. — There is some scatter and no clear effect of load.

В случаях, когда отрицание относится ко всем однородным членам, показатель отрицания ставится один раз, но перед последним однородным членом используется союз *or*:

29. Кривая опорной площади типична для поверхностей, которые почти не имеют сильно выступающих неровностей, обширных плоских площадок и борозд, прорезающих площадки. — This bearing area curve is representative for surfaces which have almost no prominent peaks, extensive plateau regions, or scratches extending below the plateaux.

Порой англоязычные авторы вместо союза *or* употребляют союз *and*, но последний вносит в высказывание неопределенность. Покажем это на примере из художественной литературы (J. Buchan, *Greenmantle*):

30. "I showed the man our passports, but he did not salute and let us move on."

Рассматривая этот пример изолированно от контекста, англичанин (точно так же, как и русский!) воспринимает его следующим образом: I showed the man our passports, but he (did not salute) and (let us move on). И только описываемая ситуация позволяет сделать вывод, что правильна иная «алгебраическая» запись, а именно: I showed the man our passports, but he did not (salute and let us move on). — Я показал часовому наши паспорта, однако он не козырнул и не разрешил нам пройти. Мысль автора была бы воспринята сразу и однозначно, если бы он воспользовался союзом *or*, а не *and*: "... but he did not salute, or let us move on."

Экзистенциальные наречия в отрицательных предложениях

Английские экзистенциальные наречия места описаны в наших грамматиках очень скупо. Даются лишь значения наречий (*everywhere* — *всюду*; *somewhere, anywhere* — *где-то, где-нибудь, куда-нибудь*, *nowhere* — *нигде, никуда*) и указывается, что *somewhere* употребляется в утвердительных предложениях, *anywhere* — в вопросительных и отрицательных, а *nowhere* — в отрицательных, причем чаще вместо *nowhere* используется *not ... anywhere*.

Однако в научно-технической литературе на английском языке наречие *somewhere* встречается не только в утвердительных предложениях, но и в отрицательных; кроме того, экзистенциальные наречия часто передают иные оттенки смысла, нежели указанные выше, например:

31. From the flow visualization experiments, it was concluded that fully developed turbulent flow did not exist anywhere within the enclosure. - Опыты по визуализации течения позволили сделать вывод, что нигде в полости не было полностью развитого турбулентного потока.

Правильное использование экзистенциальных наречий места в отрицательных предложениях — довольно непростое дело. Чтобы помочь переводчикам избежать хотя бы грубых ошибок в их употреблении, мы ограничимся рассмотрением основных случаев. А для того, чтобы точнее объяснить использование наречий в отрицательных предложениях, мы начнем с анализа их значений в утвердительных предложениях и при этом воспользуемся некоторой аналогией.

Представим себе, что некое целое разделено на ячейки. Тогда *everywhere* означает 'в каждой ячейке', *anywhere* — 'в любой из ячеек', *somewhere* — 'в некоторых ячейках' и *nowhere* — 'ни в одной из ячеек'.

Наречия *everywhere* и *anywhere* — всеохватывающие. Будучи употреблены в утвердительных предложениях, они указывают, что речь идет о всех ячейках целого. Различие между двумя наречиями состоит в следующем. *Everywhere* подчеркивает общность состояния или условия: если некое состояние или условие справедливо для одной ячейки, оно справедливо и для целого. *Anywhere* обычно используется для выражения некой одинаковой способности каждой отдельной ячейки целого. Именно поэтому в утвердительных предложениях с *anywhere* нередко встречаются глаголы *can* и *may*: *Energy can exist anywhere*.

Если утверждение относится не ко всему целому, употребляется наречие *somewhere*. Фраза *Energy exists somewhere* означает, что в одних ячейках энергия присутствует, а в других — отсутствует.

В отрицательных предложениях смысловое различие между *everywhere* и *anywhere* более заметно. Выражение *Energy does not exist anywhere* эквивалентно выражению *Energy exists nowhere*, но первое из них более нейтрально стилистически, так как отрицание в нем стоит на привычном месте, т.е. перед глаголом. Поскольку *anywhere* — всеохватывающее наречие, условие *not possessing energy* справедливо для каждой ячейки целого.

Выражение *Energy does not exist everywhere* — эмпатическое. Оно означает, что хотя в некоторых ячейках энергия имеется, в других ячейках целого она отсутствует. Неэмпатическим эквивалентом этого выражения служит *Energy exists somewhere*. Приведем пример:

32. *Our experiments showed that turbulent flow exists at the bends of the pipe, but it does not exist everywhere.* — Наши эксперименты показали, что в коленах трубопровода течение турбулентное, но на остальных участках оно не обязательно турбулентное.

Таким образом, эквивалентом русского предложения *Кое-где энергия и не существует* служит *Energy does not exist everywhere*, а не (как казалось бы) *Energy does not exist somewhere*. Последнее выражение для англичан лишено смысла. Формально это можно проиллюстрировать следующим образом. Система *somewhere* как бы состоит из положительных и отрицательных элементов: в одних ячейках что-то имеется (плюс), в других — отсутствует (минус). Отрицаемое отрицание в английском языке становится положительным утверждением, но отрицание «смеси положительных и отрицательных элементов» снова дает «смесь отрицательных и положительных элементов».

В заключение рассмотрим двойное отрицание: *Energy does not exist nowhere*. Это выражение несмотря на свою кажущуюся грамматическую неправильность имеет в английском языке вполне определенный смысл. Оно, как и выражение *Energy does not exist everywhere* — эмпатическое. Но если последнее выражение подчеркивает «отсутствие полного присутствия», то *Energy does not exist nowhere* указывает на «отсутствие полного отсутствия».

Приведем пример:

33. *We did not find this form of vegetation in our survey, but it does not exist nowhere because Smith et al. (3) reported finding it in their research area.* — На нашем участке обследования мы

не нашли этой формы растительности, но она все-таки существует, так как Смит с сотр. (3) сообщают об обнаружении ее на своем исследовательском участке.

Наконец, еще одно замечание. Многое из того, что говорилось нами об экзистенциальных наречиях с суффиксом *-where*, справедливо для наречий с суффиксами *-one*, *-body*, *-thing*.

Отрицание действия

Итак, мы убедились, что в английском языке глагол-сказуемое в отрицательной форме служит лишь показателем отрицания, но отрицание совсем не обязательно относится к действию, выраженному глаголом. Если же отрицание относится именно к действию, при переводе можно использовать несколько синтаксических вариантов. Проиллюстрируем эти варианты на примере перевода предложения *Термопары не регистрируют температуры на оси.* (Иными словами, термопары, установленные на оси трубы, не работают.)

34. The thermocouples mounted at the centre do not record the temperatures.

35. The thermocouples do not record any temperature at the centre.

36. The thermocouples record no temperature at the centre.

37. The thermocouples mounted at the centre fail to record the temperatures.

Отметим, что вариант 36 более эмфатичен в сравнении с вариантом 35.

Отрицание самого действия осуществляется в английском языке и с помощью глаголов, стоящих в утвердительной форме, но семантически несущих в себе отрицание. Вот несколько примеров таких глаголов.

38. Четвертая форма собственных колебаний представляет собой кососимметричный изгиб, который в теории балки вообще не рассматривается.—The fourth mode is antisymmetric bending which the beam theory misses completely.

39. Если $n=1$, мы можем этого требования не налагать.—If $n=1$, we may dispense with this condition.

40. Малость этих надрезов не позволяла установить в них тензометрические датчики.—The smallness of the notches prevented (precluded; ruled out) the attachment of strain gauges in these regions.

41. Этот случай не поддается объяснению с помощью общепринятых механизмов высыхания. — This situation defies interpretation by accepted dry out mechanisms.
42. Курение не подпадает под это определение. — Smoking falls far outside the definition.
43. Ресурс роторов может и не достигать расчетного значения. — The useful life of rotors may fall (stop) short of the design life.
44. Турбина не прошла приемочное испытание. — The turbine has failed the acceptance test.
45. Они не содержат некоторых необходимых подробностей. — They lack certain required details.

В заключение мы приводим еще две группы глагольных выражений, типичных для научно-технической литературы. В первую группу входят словосочетания, переводимые на английский антонимически, а во вторую — со смещением показателя отрицания (например, от глагола-связки в русском к предикату в английском).

Антонимические соответствия

Не быть обнаруженным — to escape detection

Не внушать доверия — to be suspect

Не выходить за пределы — to stay within; to be contained within the confines of

Не допускать загрязнения — to keep dirt out; to keep smth free of dirt

Не иметь себе равных — to be second to none

Не находиться в эксплуатации — to be out of comission

Не отставать от — to keep pace with

Не позволять добиться большого улучшения — to leave less room for improvement

Не превышать — to be less than

Не представлять труда — to be straightforward

Не придавать значения — to overlook

Не принимать всерьез — to take lightly

Не соглашаться с — to take issue with

Не содержать — to be free of

Не требовать пояснения — to be self-explanatory

Не требовать разъяснений — to require little comment

Не уступать — to be as good as

Не являться — to be other than

Соответствия со смещением показателя отрицания

Не вызывать изменений чего-л. — to leave smth unaltered

Не иметь себе равных — to be unrivalled; to be unparalleled; to have no equal

Не поддаваться воздействию чего-л. — to be immune to smth's attack

Не позволять сделать вывод — to be inconclusive

Не получать ответа — to be unanswered

Не принимать во внимание — to be discounted; to be disregarded

Не приносить вреда — to do no harm

М.Я. Цвиллинг
(Москва)

КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЭКВИВАЛЕНТА

Обеспечение качества перевода научно-технических текстов является одной из актуальных задач прикладного переводоведения, значимость которой в современных условиях несомненна. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть в широком теоретико-лингвистическом контексте один из решающих аспектов этой проблемы — способы передачи в переводе терминологических единиц исходного текста, с особым вниманием к творческим задачам, которые встают перед переводчиком при преодолении трудностей, связанных с передачей безэквивалентной терминологии. В этой связи выдвигается вопрос о критериях пригодности избранных (или созданных) переводчиком эквивалентов в лингвистическом и прагматическом планах. Не ставя перед собой задачу вооружения переводчика-практика конкретными приемами, готовыми рецептами подбора эквивалентов, автор стремится помочь ему в выработке сознательного, теоретически-обоснованного подхода к решению вопросов, связанных с подбором, а в необходимых случаях — и формированием — оптимального переводного эквивалента.

Вопросы перевода научно-технического текста занимают все более значительное место в общем контексте прикладной проблематики теории перевода. Это является вполне закономерным отражением того развития, которое характерно для человеческой цивили-

зации и культуры в целом, рассматриваемом как в макроисторическом (на протяжении тысячелетий) так и в микроисторическом (на протяжении десятилетий) плане.

Проблема перевода текстов, или шире — межэтнического обмена информацией — в области материальной культуры и сферы материального производства «стара как мир». Уже в древнейших языковых памятниках, да и непосредственно в лексической субстанции древнейших слоев обнаруживаются следы этих процессов — заимствования обозначений предметов и явлений материальной культуры, способов «технологической» деятельности по их созданию и переработке. Подтверждение этому можно найти как в глоссариях к комментированным изданиям текстов на мертвых языках, так и в статьях этимологических словарей.

Межъязыковые контакты первобытных сообществ — протекали ли они с использованием «толмачества» (как мы условно назовем примитивные формы языкового посредничества) или на основе менее стандартизированных форм билингвистического общения — уже на самой ранней стадии репрезентируют ту двойственную сущность процесса перевода, с которой приходится иметь дело на любом сколь угодно высоком уровне развития этой деятельности. Двойственной сущностью перевода является его предназначение, выражаясь несколько парадоксально, заменять исходный текст, ничего в нем не меняя; т.е. порождать высказывание (в некотором отношении) полностью тождественное исходному, и в то же время (в другом отношении) принадлежащее совершенно иной языковой системе, состоящее из качественно иных элементов — знаков, не обладающее (вне условий билингвизма, разумеется) никакими признаками, позволяющими отождествить оба высказывания между собой. Под «объективными» признаками здесь имеется в виду материальная, звуковая оболочка словесного знака, отождествляемая в наивном языковом сознании с обозначаемым (внутри данной языковой системы) и не обладающая никакими признаками, позволяющими соотнести ее с прагматически и семантически эквивалентным элементом иной (в общем случае генетически неродственной) языковой системы. Эта «несоотнесенность» эквивалентов между собой есть не что иное, как прямое следствие принципиальной немотивированности языкового знака, отсутствия причинно-следственной обусловленности между его звуковой оболочкой и смысловым наполнением. Таким образом, собственно межъязыковое общение как таковое, строго говоря, невозможно. Контакты индивидов, не владеющих общим языком, реализуются в процессе совместной деятельности (в силу порождает-

мой ею потребности) и основываются на непосредственном обращении, во-первых, к внеязыковой предметной действительности - вспомним известную сатиру Свифта — и, во-вторых, к общечеловеческим (т.е. обусловленным общими закономерностями развития человеческого общества) представлениям и понятиям — ярким свидетельством успешности коммуникации, построенной именно на этой основе, является первый контакт Миклухо-Маклая с папуасами.

Переход к межъязыковому общению (в лингвистическом плане) осуществим лишь после возникновения хотя бы зачаточных форм билингвизма — овладения отдельными индивидуумами, либо социальными группами или целыми общностями наряду со своей первичной, уникальной системой общения также и второй, обслуживающей нужды иной общности, с которой данная общность установила те или иные формы социально необходимых (или неизбежных) контактов.

Однако, используемый здесь термин «билингвизм», когда речь идет еще только об установлении первоначальных, сугубо прагматических межъязыковых контактов, не следует понимать слишком широко - строго говоря, на первых порах возникает некое переходное от «монолингвизма» к билингвизму состояние совокупности языковых знаний, при котором отдельные элементы чужой языковой системы еще не существуют в сознании как равноправные с цельной системой родного языка, а усваиваются ею в виде отдельных вкраплений, заимствований, соотносимых не столько с уже существующими в тезаурусе носителя языка знаками и значениями, сколько с новыми предметами и ситуациями, встретившимися при контакте с иноязычной общностью. Другими словами — заимствование и есть первый шаг к билингвизму, или иначе — билингвизм оказывается как бы конечным итогом процесса тотального восприятия одной языковой системы носителями другой. Между заимствованием и билингвизмом нет непроходимой грани (если отвлечься от трудно определимого рубежа, за которым «количество переходит в качество»), а потому нет и однозначного ответа на вопрос о том, где, собственно, кончается беспереvodный перенос иноязычных элементов в стихию родного языка и где начинается их перевод на родной язык с помощью ранее заимствованных средств.

Процесс, условно спроецированный нами в эпоху первоначальных межъязыковых контактов, не утратил, однако, своей актуальности и в современных условиях — его противоречивые проявления прослеживаются и в нынешней практике осуществления переводов, и в частности — в переводе научно-технических текстов.

Весь массив подлежащих переводу источников научно-технической информации может с лингвонауковедческих позиций быть разбит на две (конечно, неравные по удельному весу) совокупности текстов: тексты, оперирующие с уже известными понятиями (терминами), и тексты, в которых вводятся новые понятия (и, как правило, отражающие их термины). Суть данного различия в том, что в первом случае перевод сводится к подысканию эквивалентов из билингвистического тезауруса, хранящихся в индивидуальной или коллективной памяти отдельного переводчика или профессиональной корпорации (включая словари, справочники, банки терминологических данных и т.п.), а во втором — этот путь принципиально не может привести к успешному решению задачи ввиду отсутствия реального смыслового (а следовательно и терминологического) эквивалента. Правда, ради простоты изложения мы отвлеклись от способа определения принадлежности текста к тому или иному подмножеству — объективная опознаваемость отличительного признака, к сожалению, не всегда совпадает с субъективной способностью переводчика к его опoznанию, с другой стороны, и сама по себе новизна терминологии — признак не абсолютный, поскольку новое в одном языке, обществе, разделе науки может не быть таковым в другом.

Однако перечисленные здесь трудности, по крайней мере в принципе, преодолимы, и проблема в чистом виде сводится к двум неравноценным задачам собственно переводческого характера: подбор переводческого эквивалента из числа наличных (хотя порой и труднодоступных) средств либо создание эквивалента для новых, а потому не имеющих готового эквивалента единиц¹.

От того, насколько успешно переводчик справляется с этими задачами (и притом — насколько умело он их отличает друг от друга) при прочих равных условиях зависит в конечном счете эффективность его деятельности, или что то же самое — качество выполненного им перевода. Под «прочими условиями» понимается соблюдение тех прагматических требований, без которых невозможна успешная коммуникация в любой области, или проще говоря, языко-

¹ Более конкретно, хотя и под несколько иным углом зрения, этот вопрос рассматривался автором в работе: Цвиллинг М.Я. Переводные эквиваленты неологизмов в словаре и тексте. // Обучение научных работников иностранным языкам. — М., 1984. С. 233-246; ср. тж. Шайкевич А.Я. Лингвистические проблемы перевода новых терминов. // Международная конференция «Теория и практика научно-технического перевода». (Тезисы докладов.) — М., 1985. С.227-230.

вая правильность перевода, эквивалентность его оригиналу по не-терминологическим (неспециальным) параметрам.

Первая из задач, вообще говоря, настолько однозначна, что в принципе поддается алгоритмизации. В областях науки и техники, располагающих устоявшимися понятийно-терминологическими системами, перевод специальных текстов может быть сведен к последовательности подстановочных операций, прагматическая эффективность которых основана на воспроизведении многократно испытанного процесса субституции взаимооднозначных соответствий, нашедшего свое социально-санкционированное закрепление в существующих словарях, справочниках, терминологических стандартах и других терминографических источниках (которые, безусловно, не всегда гарантируют от ошибок, носящих однако не принципиальный, а случайный характер и поддающихся устранению при соответствующем увеличении затрат интеллектуального труда на выверку и обновление используемых пособий¹).

Конечно, терминология в ее реальном бытии не отвечает полностью тем нормативным требованиям², которые вытекают из ее предназначения, однако отклонения от них (по крайней мере, в сфере естественных наук и техники) не столь существенны, чтобы они могли являться серьезной помехой для перевода (в пределах пары языков, обслуживающих социальные общности с близкими уровнями научно-технического развития).

Оценка качества перевода научно-технического текста, не содержащего терминографически неучтенных элементов, таким образом, не связана с какими-либо специфическими сложностями. Текст перевода («транслят» по терминологии переводоведов ГДР) оценивается на основе общепринятых критериев эквивалентности, а его терминологический «костяк» — по критериям предметно-понятийного равенства³. На практике такой перевод может быть вы-

¹ Ср. т.ж. *Котов Р.Г.* Информационный перевод и средства его поддержки. // Международная конференция «Теория и практика научно-технического перевода». (Тезисы докладов.) М., 1985. С. 16-18.

² Отягощенность терминов общеязыковыми свойствами слова, входящими в диалектическое противоречие со строгими требованиями, предъявляемыми к терминологии наукой рассматривается, напр., в работе: *Лейчик В.М.* О языковом субстрате термина. // Вопросы языкознания. № 5, 1986 г. С. 87-97.

³ Ср. *Цвиллинг М.Я.* На пути к объективным критериям оценки перевода. // Лингвистические и методические основы обучения иностранным языкам научных работников. (Тезисы докладов.)—М., 1977; *Рябцева Н.Г.* Информационные процессы и машинный перевод. Лингвистический аспект.—М., 1986. С. 111-120

полнен на удовлетворительном уровне исполнителями, не владеющими профессиональными знаниями в соответствующей области науки или техники, но располагающими достаточно надежными терминографическими пособиями, навыками работы с ними и/или возможностью получения консультации специалиста, владеющего, как минимум, терминологией на языке перевода.

Ощутимой помехой в этом варианте осуществления научно-технического перевода, и соответственно источником «закономерных» ошибок (в отличие от ошибок случайных, вызванных неполнотой или недостаточной достоверностью справочного материала, а также субъективными промахами переводчика) является непреодолимая (и на практике не поддающаяся полному преодолению) неоднозначность терминов. Эта неоднозначность может иметь различные истоки, достаточно назвать, в частности, сосуществование омонимичных терминов в пересекающихся терминосистемах («негатив» в фотохимии — негативное изображение, «негатив» в фотооптике — рассеивающая оптическая система), вероятность замены видовых терминов родовыми без эксплицитного указания на это в переводимом тексте (напр.: телескоп ... — инструмент ..., печень ... — орган ...); несовпадение объема терминологически фиксированных понятий в параллельных терминосистемах контактирующих языков (напр., нем. Tier — рус. животное, зверь; нем. Schraube — рус. винт, шуруп; рус. дорога — нем. Strasse, Weg; рус. ручка — нем. Halter, Griff и т.д.). Однако неоднозначность такого типа все же носит качественно иной характер, чем полисемия в области нетерминологической лексики, она как бы одномерна, так как затрагивает, строго говоря, только предметно-понятийную отнесенность лексической единицы и не нагружена дополнительными факторами стилистического, ассоциативного, коннотативного характера¹. Снятие неоднозначности нетерминологических единиц не представляет собой, следовательно, специфически переводческую проблему и может быть осуществлено либо с помощью процедур контекстного анализа, либо же путем обращения к отображаемой в тексте предметной действительности.

Какими именно языковыми приемами передается термин в тексте перевода, с точки зрения осуществления перевода по существу нерелевантно. Передать ли термин одним словом или слово-

¹ Этому вопросу постоянно уделяется внимание в теоретических и прикладных исследованиях по теории научно-технического перевода; ср. Лексические проблемы научно-технического перевода. Обзорная информация. — М., ВЦП, 1986. С. 23-35.

сочетанием, использовать ли для его передачи заимствование-интернационализм, либо исконное слово переводящего языка, калькируются ли элементы исходного термина в переводе или термин-перевод в своей внутренней форме не обнаруживает сходства с исходным термином, какие приемы словосложения или словопроизводства воплощены в переводном термине - все это зависит не от решения переводчика, не является актом его речевой деятельности, а предопределено системой языка, на который он переводит, закреплено в тезаурусе терминологических средств, из которого он черпает эквиваленты. Качество, успешность перевода определяется здесь отнюдь не формально-лингвистическими свойствами использованных эквивалентов, а исключительно степенью понятийно-содержательного соответствия этих эквивалентов исходным терминам. Русское «странность» не хуже и не лучше немецкого *Strangeness* в качестве эквивалента английского термина из области ядерной физики *strangeness*, точно также, как «железная дорога» не является лучшим эквивалентом немецкому *Eisenbahn*, чем английское *railway*. Внутреннее или внешнее сходство, по которому один из этих эквивалентов оказывается ближе к исходному слову (в первом случае *Strangeness*—*strangeness*, во втором «железная дорога»—*Eisenbahn*), чем другой, ни в коей мере не затрагивает их способности к репрезентации переводимого термина в научно-техническом тексте, (поскольку именно в текстах данного функционального стиля внутриязыковые особенности лексических единиц—звучание, смысловые ассоциации, оценочные и образные компоненты значения и т.п., в отличие от текстов иных функциональных стилей—художественного, публицистического и даже обиходно-разговорного, полностью нейтрализованы, лишены коммуникативной актуальности¹.

Вышесказанное относится к основному массиву научно-технических текстов, поскольку их содержанием является описание свойств и отношений объектов, закономерностей протекания процессов, взаимодействия сил, причинно-следственных связей в природе и т.п. Новое знание предстает в этих текстах в форме неисчерпаемо варьируемых сочетаний, уже освоенных сознанием понятий и фиксированных в языке терминологических обозначений.

Однако процесс познания находится в непрерывном развитии,

¹ Данный комплекс вопросов на конкретном материале рассмотрен в книге *Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г. Терминоведческие проблемы редактирования.*— Львов, 1986. С. 128-137.

знания подвержены постоянному обогащению, и результаты познавательной деятельности, в принципе поддающиеся описанию с помощью наличных языковых средств, при их устойчивом вхождении в практический обиход требуют не просто понятийного и однозначного выражения, но и упрощенного, краткого и потому «операбельного» языкового обозначения. Так, особые свойства, приобретаемые некоторыми сжиженными газами вблизи абсолютного нуля могут быть описаны в терминах (и формулах) традиционной физики, однако полное воспроизведение этого описания во всех тех случаях, когда оно само становится объектом рассмотрения, в роли темы высказывания и т.д. прагматически нецелесообразно, оно лингвистически и психологически тяжеловесно и громоздко. Развернутая дефиниция-вывод свертывается до своей собственной этикетки-названия, и на свет появляется новый термин — в данном случае — «сверхтекучесть».

Терминотворчество само по себе является достаточно интересным лингвистическим процессом, актуальность исследования (и оптимизация) которого в наши дни в эпоху бурного развертывания НТР несомненна¹. Однако это опять-таки не переводоведческая проблема. Переводоведа же интересует вопрос о том, как такой новый, вновь созданный на почве исходного языка и впервые встретившийся в переводимом тексте термин может быть переведен, или точнее, — как он должен быть передан в переводе (ибо, как это ни парадоксально, его ведь можно вставить в перевод не переводя), или, если иначе подойти к формулировке встающей перед переводчиком задачи, каким способом в языке перевода можно создать эквивалент переводимому термину, если такого устоявшегося эквивалента еще нет? Какие методы пригодны для создания этого эквивалента и каковы критерии успешности применения того или иного способа, приемлемости созданного с его помощью эквивалента?

Представляется, что для решения этого вопроса должны быть привлечены разнородные критерии: собственно-лингвистические, практически-прикладные, социально-психологические, и притом таким образом, чтобы окончательный вывод основывался на одновременном учете всех трех указанных факторов.

Под собственно-лингвистическим критерием мы понимаем соответствие эквивалента закономерностям, действующим в языке перевода. Этим критериям, как правило, отвечают термины, со-

¹ Ср. Лейчик В.М. О процессе формирования термина (особенности перевода первоначального наименования специального понятия). // Функционирование терминов в современном русском языке. Горький. 1986. С. 32-39.

зданные путем переосмысления слов общенародного (общелитературного) языка или терминов иных (смежных или отдаленных) областей знания. Таким эквивалентом-неологизмом является, например, «цвет» кварка в субъядерной физике, «мембрана» в молекулярной биологии и др. Другим классом неологизмов, отвечающих данному критерию, являются слова, созданные по продуктивным для данного языка моделям словообразования (словопроизводства, словосложения), подобно уже упомянутой «сверхтекучести».

Словообразовательные эквиваленты по способу своего порождения могут быть разделены на калькирующие и описательные — в первом случае копируется способ создания термина, использованный в языке — источнике (если сходство словообразовательных систем обоих языков этому не препятствует, напр. *Lichtstarke* светосила), во втором — словообразование осуществляется на почве переводящего языка «без оглядки» на форму переводимого термина (*Hornhaut* — *роговица*; *Netzhaut* — *сетчатка*).

И наконец, последним из приемов создания эквивалента, по крайней мере условно отвечающим лингвистическому критерию пригодности, является «беспереводной перевод», т.е. перенос слова из языка-источника в язык перевода, его «заимствование» или «транскрипция» («транслитерация»). На различиях в значении этих широко известных языковедческих терминов здесь нет смысла подробнее останавливаться, напомним лишь, что, как мы уже говорили в начале данной статьи, способность к заимствованию является, по-видимому, одним из фундаментальных свойств естественных языков, проявлением немотивированности звуковой стороны языкового знака и прямым следствием единства человеческого языка.

Соотношение между «беспереводным переводом» и другими способами создания переводных эквивалентов очень сильно варьирует от языка к языку, от специальности к специальности, от эпохи к эпохе, одним словом, испытывает на себе сильнейшее давление как внутриязыковых, так и особенно внеязыковых факторов. Важно при этом также отметить, что «заимствуемость» нередко определяется и индивидуальными особенностями языка-источника и спецификой его типологических, генетических и социолингвистических соотношений с воспринимающим языком.

В электронно-вычислительной технике, в развитии которой немалое место занимал обмен информацией с научными центрами англоязычных стран, широкое распространение получили термины (первоначально «беспереводные эквиваленты») типа *фрейм*,

интерфейс, дисплей, байт, хотя с ними успешно сосуществуют и эквиваленты иной лингвистической природы: *память, быстродействие, графопостроитель, печатающее устройство* и т.п.

Таким образом, с точки зрения собственно лингвистической, создание новых эквивалентов практически не встречает препятствий — в этой области в полной мере проявляется вся продуктивность словотворческих потенций языка.

В практическом плане — с узко переводческой, а не терминологической точки зрения — многообразие потенциальных путей создания нового термина в качестве эквивалента для иноязычного образца оказывается не столько плюсом, сколько минусом: из-за равноправия способов терминообразования не существует, строго говоря, абсолютно объективных критериев предпочтительности того или иного способа передачи иноязычного термина, и переводчик никогда не застрахован от риска избрать эквивалент, который впоследствии окажется отвергнутым практикой¹. Можно сказать, что на данном этапе выбора решения переводчик руководствуется практически-прикладными соображениями, такими как понятность термина (т.е. словообразовательная прозрачность, внутрисистемная мотивированность); достаточная различительная способность (т.е. неподверженность смещению с другими терминами, вероятными в аналогичном окружении, или относительная однозначность); компактность (относительная краткость, обеспечивающая многократную воспроизводимость термина в тексте без возникновения нежелательных стилистических эффектов, создания впечатления тяжеловесности, перегруженности); удобопроизносимость (данное требование относится главным образом к эквивалентам-заимствованиям) и некоторыми другими, исчерпывающий перечень которых потребовал бы специальных исследований.

Выбор переводческого решения, как мы постарались показать, определяется в известной степени критериями практически-прикладного характера. Однако само применение этих критериев в процессе реальной работы переводчика не может принимать сугубо-логические, алгоритмизированные формы, поскольку это не согласуется с интуитивным, полусознательным характером обыден-

¹ При этом следует иметь в виду, что вариативность является постоянным свойством терминологии, а границы между допустимыми и ошибочными вариантами термина весьма зыбки, ср. *Татаринов В.* Терминологическая вариативность и проблемы перевода. // *Fremdsprachen*, 1987. № 1. С. 11-18.

ной языково-мыслительной деятельности, одним из видов которой, несомненно, является и перевод¹.

Строгий критерий как бы подменяется ощущением его значимости, интериоризацией требования его соблюдения, эмоционализованным (и эстетизированным) представлением о соответствии искомого эквивалента ожиданиям обслуживаемого переводчиком языкового коллектива, членом которого (в идеале) он сам является, в виду чего социально-психологические нормы, регулирующие поведение — в том числе и речевое поведение — членов данного коллектива, воспринимаются как обязательные и переводчиком².

Оказавшись перед необходимостью выбора эквивалента или точнее, его создания, переводчик стремится к тому, чтобы его речевой поступок (в частности — словотворческий акт) попал в русло действующих в данном коллективе эталонов, что должно обеспечить эквиваленту наряду с выполнением его прямой функции также и жизнеспособность, пригодность к включению в постоянно действующий лексический тезаурус языка перевода. Однажды возникнув и войдя в постоянный фонд языка такой переводной (или заимствованный) термин затем как бы «обрастает защитной оболочкой» рациональных обоснований его пригодности к употреблению и предпочтительности перед иными альтернативными средствами, причем вторичность этих оправданий, как правило, оказывается вытесненной из языкового сознания, и они всерьез воспринимаются как реально первичные, сознательно примененные в момент решения терминотворческого задания. В то же время условность этих аргументов, их относительная произвольность становится совершенно очевидной, как только меняется социально-психологическая установка языкового коллектива в целом или же данной профессионально-коммуникативной общности. Это, в частности, проявляется в возникающих время от времени на страницах периодики спорах о «ненужном словотворчестве», «засорении языка иностранщиной» и т.п., в которых под абстрактно-научной по форме аргументацией на самом деле скрывается столкновение социально-психологических установок, смена которых вызвана отнюдь не прогрессом лингвистической мысли, а сложными и многогранными общественно-культурными процессами, суть которых, как правило, остается вне пределов дискуссии.

¹ Ср. Цвиллинг М.Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков. // Чтение. Перевод. Устная речь. — М., 1977. С. 172-180.

² См. Садилов А.В. Перевод как вид социального поведения. // Тетради переводчика. Вып. 18—М., 1981. С. 3-12.

VI. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА

А.В. Михеев, И.М. Семенова, Г.В. Чернов
(Москва)

ОПЫТ ДЕЛОВОЙ ИГРЫ В ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКА-СИНХРОНИСТА

На факультете переводческого мастерства Межотраслевого института повышения квалификации при МГИИЯ им. М. Горького несколько лет назад в экспериментальном порядке начал вводиться курс, который был условно назван «Синхронный перевод — деловая игра». Об опыте этого курса мы и хотим рассказать читателям «Тетрадей переводчика».

Деловая игра по синхронному переводу была задумана как ежемесячная миниконференция с участием двух сторон («делегаций»), которые пользуются двумя разными языками (русским и английским), выступают с сообщениями на различные темы на этих языках, ведут дискуссию на заданную тему, и одновременно осуществляют синхронный перевод всей работы конференции на оба языка. Было предусмотрено участие двух преподавателей для руководства подготовкой обеих «команд» (или «делегаций») в течение месяца, а также участие пяти преподавателей непосредственно в работе самой миниконференции: два руководителя «команд» («главы делегаций»), один ведущий («председательствующий на конференции»), и два преподавателя, целиком сосредоточивающих внимание на контроле перевода (один — перевода на русский язык, второй — перевода на английский язык). В последнее время в деловой игре стали принимать участие и преподаватели, ведущие курсы русского языка в группах синхронного перевода.

Наряду с практическими занятиями и лабораторным практикумом по синхронному переводу деловые игры представляют собой составную часть практической подготовки синхронных переводчиков.

Деловая игра — это имитационная игра, позволяющая создать

условия, близкие к условиям практической профессиональной деятельности синхронных переводчиков. В ходе ее проведения, по замыслу авторов, в рамках общей задачи подготовки переводчика-синхрониста решается сразу несколько методических задач.

1. Деловая игра способствует выработке у слушателей психологической устойчивости, навыка преодоления «боязни аудитории», развития публичной речи в условиях, приближающихся к реальным (при наличии аудитории, часть которой может быть для слушателей малознакомой или незнакомой вовсе). Мы считали, что даже если и не удастся помочь слушателям полностью избавиться от страха перед аудиторией, то, по крайней мере, этот опыт поможет им впоследствии при первом «выходе на публику» избавиться от страха на уровне стресса, от психологической паники (что иногда случается с начинающими переводчиками-синхронистами).

2. В силу того, что в ходе ее осуществляется «работа на аудиторию», деловая игра способствует повышению чувства ответственности, во-первых, за безусловную передачу основного смыслового содержания выступлений, и, во-вторых, за качество этой передачи.

3. Деловая игра способствует развитию речевых навыков на двух языках, т.е. развитию профессионализма, столь важного для синхронного переводчика. Деловая игра способствует выработке навыков публичной речи, делает очевидной для слушателей необходимость овладения несколькими функциональными стилями речи как на иностранном, так и на родном языках. Преподаватели кафедры русского языка обратили особое внимание на вопросы повышения общей культуры речи на родном, русском, языке слушателей в группах синхронного перевода.

4. В связи с тем, что как аудиторные занятия, так и лабораторный практикум проходят в условиях либо перевода устного сообщения, подаваемого слушателям с магнитофонной записи, или же с голоса преподавателя, читающего текст выступления в микрофон, здесь на деловых играх появляется возможность осуществления перевода свободной дискуссии, если такую свободную дискуссию удастся организовать в ходе конференции.

5. Именно в ходе деловой игры-конференции становится возможным активизировать и закрепить чисто пассивные знания процедурной терминологии и фразеологии, особенно если в процессе подготовки к игре будет обращено внимание на некоторые вопросы процедуры работы международных конференций.

6. Наконец, подготовка к деловой игре дает возможность развить и еще один навык, имеющий отнюдь не последнее значение. Речь идет о навыке самостоятельной подготовки по темам, кото-

рые не являются специальностью переводчика (в основном филолога), об умении осуществить быстрый поиск необходимых данных по заданному вопросу (теме), нужной литературы, необходимой терминологии. Такой навык весьма существен для будущего переводчика-синхрониста, которому, как правило, редко приходится дважды осуществлять синхронный перевод на конференциях на одну и ту же тему.

* * *

Курс деловых игр по синхронному переводу был задуман также и для того, чтобы развить навык публичной речи на заданную тему, поскольку слушатели выступают в деловой игре не только как переводчики-синхронисты, но и как участники конференции с той и с другой стороны. В плане использования английского языка важное значение в подготовке к деловым играм имеет спецкурс по основам английской публичной речи «Современная английская риторика и перевод», который читается в группах переводчиков-синхронистов в течение двух семестров.

Первоначально деловая игра планировалась только для второго курса (при двухгодичном курсе подготовки, предусмотренном учебным планом Высших курсов переводчиков), однако очень скоро была внесена поправка в организацию деловой игры, к участию в ней был привлечен и первый курс: группа первого курса готовит выступления на русском языке и участвует в миниконференции как делегация, говорящая на русском языке. При этом группа второго курса выступает в двойной роли — делегации, говорящей на английском языке, и группы сменяющих друг друга в кабинете переводчиков-синхронистов.

Пока не удалось привлечь к участию в деловых играх слушателей других языковых отделений. Этому мешает как отсутствие регулярных групп синхронистов на других языковых отделениях (кроме английского) на Высших курсах переводчиков, так и организационные неувязки. Однако в перспективе проведение совместных деловых игр с участием слушателей других отделений может стать весьма полезным, особенно при отработке двухступенчатой модели синхронного перевода, которая получила преимущественное распространение в Советском Союзе. Известно, что работа ведущего переводчика предъявляет особые требования в плане удобства подачи перевода для коллег-переводчиков, работающих параллельно в других языковых комбинациях.

Можно даже утверждать, что мастерство синхронного перевод-

чика оценивается в значительной степени по тому, насколько легко работать с ним его коллегам при использовании двухступенчатой модели.

Возвращаясь к нынешней организации деловых игр, нужно отметить, что первоначально тема дискуссии формулировалась таким образом, чтобы в ней присутствовало полемическое начало. Предполагалось, что каждая из команд будет отстаивать одну из крайних точек зрения по обсуждаемому вопросу, что именно это столкновение взглядов, позиций может вызвать необходимую дискуссию. В противном случае вся конференция свелась бы просто к чтению заранее подготовленных слушателями докладов.

Вот несколько примеров возможных крайних точек зрения по соответствующей тематике. Тема «Последствия ядерной войны». Позиции: Невозможность/возможность выживания в ядерной войне. Тема: «Проблемы окружающей среды». Позиции: Необходимость промышленного развития для обеспечения растущих потребностей общества, даже в ущерб окружающей среде/Первоочередная необходимость природоохранных мероприятий. Тема: «Проблемы демографии». Позиции: Необходимость поддержания высоких темпов роста населения/Отрицательные последствия «демографического взрыва». Тема: «Ускорение промышленного развития». Позиции: Необходимость опоры на собственные силы в создании новых машин, оборудования и т.д./Целесообразность закупки прогрессивных технологий за рубежом.

На практике оказалось, однако, что в такой постановке темы таится мина замедленного действия, которая способна подорвать многие из целей, ради которых проводится деловая игра. Более того, опыт показал, что наличие двух противоположных позиций само по себе отнюдь не гарантирует развертывания дискуссии. Для этого требуется конкретная цель, которую должна ставить перед собой каждая из участвующих сторон.

Именно с постановкой конкретной цели и связано, по мнению авторов, дальнейшее развитие деловых игр по синхронному переводу. Нам представляется, что для конкретизации целей, которых должна достигнуть каждая из участвующих в игре команд, следует ввести процедуру принятия резолюции по данному вопросу.

Принятие резолюции даст возможность осуществить ряд дополнительных задач:

1. Позиция команды получает конкретное воплощение в виде текста краткой резолюции. Отстаивать такую позицию можно уже не абстрактно и многословно, а конкретно в виде явным образом сформулированных положений. Естественно, что противная сторо-

на будет сопротивляться принятию такой резолюции и предложит свой проект, в результате чего обе стороны должны прийти к разумному компромиссу.

2. Введение в игру процедуры принятия резолюции позволяет расширить состав ее участников, например, привлечь к участию в ней также группу перевода с русского языка на иностранный и референтские группы¹, которым можно было бы полностью поручить перевод проектов резолюций и поправок к ним.

3. Наконец, и это, по-видимому, самое важное: переводчики-синхронисты, находящиеся в кабине, получают гораздо более жесткий стимул к точному переводу, ибо во многих случаях цель принятия компромиссной резолюции потребует поправок, отличающихся лишь нюансами смысла. В свою очередь это приведет к тому, что работа синхронных переводчиков будет оцениваться по конечному результату, а именно по тому, какой вклад внесет каждый переводчик в принятие резолюции и успешное завершение работы миниконференции.

Знание текста проектов резолюций и текстов поправок к ним облегчает понимание семантической составляющей каждого выступления, поскольку она дополняется знанием конкретной цели выступающего, а следовательно, способствует вероятностно-прогностическому восприятию семантико-смысловой структуры выступления на полном наборе уровней вероятностного прогноза².

Таким образом, нам представляется, что опыт проведения деловых игр по синхронному переводу уже сейчас позволяет подвести некоторые положительные итоги и выявить недостатки в их проведении. При этом мы согласны с теми, кто утверждает, что в настоящем виде (для двух «делегаций») — это еще не деловая, а лишь ролевая игра, хотя, конечно, это именно деловая игра для переводчиков-синхронистов. Самое главное, однако, то, что имеющийся опыт позволяет нам сейчас наметить новые важные повороты на пути освоения интенсивной методики подготовки переводчика. А такая методика крайне необходима, ибо вполне возможны ситуации, когда народному хозяйству нашей страны может потребоваться срочная подготовка той или иной группы переводчиков-синхронистов, что вынудит нас максимально использовать все возможности обучения.

¹ Специализации, по которым готовятся переводчики на ФПМ.

² См. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. — М., 1987.

VII. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

А.Н. Гиривенко
(Донецк)

ПЕРЕВОД В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ (НОВОЕ О СТИХОТВОРЕНИИ П.А. ВЯЗЕМСКОГО «СЛЕЗА»)

Первый поэтический цикл Томаса Мура “Juvenile poems” (1801) не пользовался популярностью в России ни в период расцвета романтизма, ни позднее. Объясняется это тем, что, с одной стороны, любовная лирика, основанная на искусной переработке тем и образов античных авторов, — за подчеркнутым ученичеством трудно было разглядеть оригинальность — для романтиков не представляла ничего нового; подобное влияние античной литературы русская поэзия в достаточной мере испытала уже в XVIII веке. С другой, в середине 20-х гг. Мур интересовал русских читателей прежде всего как автор «Лалла Рук». Роман на какое-то время заслонил лирику, новые формы ориентальной поэтики заметно обогащали литературу романтизма. Все же ранняя лирика Мура не совсем была забыта, как о том свидетельствует перевод В.Н. Олина¹.

К плачущей Юлии (с английского)

Коль слезы горести струят твои глаза,
Коль не мечтательны души твоей страданья;
Приди на грудь мою, печальная краса!
И постараюсь я прервать твои рыданья.

¹ Олин Валериан Николаевич (1788-1841). О нем см.: Русский биографический словарь — СПб., 1905. Т. 12. С. 229-230; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. — Л., 1975. С. 289-290.

Но если от мечты, прелестная, грустишь,
Когда беда твоя одно лишь сновиденье;
Сквозь слезы ты, клянусь, так сладостно глядишь,
Что жалко прерывать их милое течение!¹

Сегодня известно, что это первый из пяти русских переводов² этого небольшого стихотворения Мура:

To Julia weeping

Oh! if your tears are giv'n to care,
If real woe disturbs your peace,
Come to my bosom, weeping fair!
And I will bid your weeping cease.

But if with Fancy's vision'd fears,
With dreams of woe your bosom thrill;
You look so lovely in your tears,
That I must bid you drop them still³

Уже построчное сличение двух текстов убеждает в вполне корректном отношении переводчика к оригиналу, но маловероятно, чтобы современники Олина догадывались об имени переводимого автора, так как на него не было указано. Перевод скорее воспринимался как свободное переложение или новая интерпретация темы. Хотя выдавать «чужое» за «свое» естественно для эпохи романтизма, но все же остается непонятным, почему Олин не сослался на Мура и через десять лет при повторной перепечатке перевода⁴. Вероятно, здесь сыграло роль авторское тщеславие, ведь в альманахе «Весенние цветы» непримечательная лирическая зарисовка находилась среди произведений Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Вяземского, Тютчева, Ознобишина. Правдоподобнее, однако, то, что, с точки зрения составителя сборника, переводы вряд ли могли его украсить; «Вечерний звон» Козлова также не имел указания на Мура. Как бы то ни было, стихотворение так и осталось

¹ Полярная звезда. Карманная книжка на 1824-й год. Изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым.—СПб., 1824. С. 316.

² См.: *Гиривенко А.Н.* Библиография русских переводов произведений Томаса Мура.// Мур Т. Избранное.—М., 1986. С. 526.

³ *Moore Thomas.* The Poetical Works. Ed. by A.D. Godley. Oxford, U.P., 1915. P. 46.

⁴ Весенние цветы, или Собрание романсов, баллад и песен.—М., 1835. С. 34, без заголовка.

неопознанным, а имя плодovitого переводчика пушкинской поры начали постепенно забывать.

Ко времени появления перевода в «Полярной звезде» Олин был хорошо известен в литературных кругах и как издатель, и в связи со скандальным делом, связанным с публикацией найденного им письма М.В. Ломоносова в обход цензурных разрешений¹. На протяжении долгой литературной деятельности Олин не имел поддержки. Одно время Вяземский сочувствовал ему в связи с грубыми цензурными нападками на «Стансы к Элизе» (перевод из В. Скотта)². Исключить возможность прямого знакомства Вяземского со стихотворением “To Julia weeping” в оригинале нельзя, так как он сам переводил из Мура, но нам представляется, что перевод Олина Вяземский знал и читал непосредственно, и это отразилось в его стихотворении “Слеза” [1829].

Когда печали неотступной
В тебе подымется гроза
И неохота слезою крупной
Твои увлажятся глаза,

Я и в то время с наслажденьем,
Еще внимательней, нежней
Любуюсь милым выраженьем
Пригожей горести твоей.

С лазурью голубого ока
Играет зыбкий блеск слезы,
И мне сдается: перл Востока
Скатился с светлой бирюзы³.

Без опоры на мемуарный материал — а его обследование было безрезультатным — нельзя прийти к выводу, что перед нами амплицированный перевод. Мы также не упрощаем анализа, если учтем, что взгляды Вяземского на перевод противоречат вольному обращению с оригиналом. «Пропагандируя подчинение перевод-

¹ См.: Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению в 2-х томах. — СПб., 1889. Т. 1. С. 459–460.

² См.: Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 412.

³ Вяземский П.А. Сочинения в 2-х томах. Т. I.—М., 1982. С. 188.

чика переводимому автору, Вяземский приходил к утверждению буквализма как основного принципа»¹. С другой стороны, читая «перделку» Олина, Вяземский легко мог поддаться искушению посоревноваться в развитии темы, ведь он обладал более богатыми поэтическими ресурсами и, несомненно, осознавал это.

Две первые строфы, заключенные в одно предложение, фактически последовательно варьируют предполагаемое условие: если слезы возлюбленной не минутный каприз, а вызваны правдивым эмоциональным волнением, они встречают ответное сопереживание. У Олина сопереживание как бы делится на *утешение* и *умиление* в зависимости от характера побуждения. У Вяземского сопереживание синтезировано, оно уже выражается во взгляде и выражает глубокую симпатию. Углубляя детали, Вяземский по-иному нюансирует психологический фон миниатюры, придает ей завершенность и некую образную целостность: «разомкнутое» сравнение параллельных душевных состояний в одном случае уступает место обобщающему и лирически концентрирующему в другом.

Заключительное сравнение *слезы с перлом Востока* (и здесь же напоминание о «восточном» камне бирюзе) придает всему стихотворению характерный ориентальный колорит. Думается, выбор образной параллели неслучаен. Эмблематика «слезы» («слезы искупления») благодаря переводу Жуковского «Пери и ангел» пустила глубокие корни в русском поэтическом сознании. Итак, вновь опосредованно, мы вышли к творчеству Томаса Мура.

В настоящей заметке опускается вопрос о том, как все же квалифицировать стихотворение «Слеза» (свободное переложение, вольная интерпретация, заимствование-переработка, реминисценция на уровне текста и т.д.²). Для нас важным было проследить сложность концептуального перехода от «скрытого» перевода в стихотворение, до сих пор антологизированное как оригинальное, и дополнить ряд примеров, показывающих, как в эпоху романтизма перевод становился источником для создания нового художественного произведения.

¹ Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. — Д., 1985. С. 37.

² См.: Волков А.Р. Переробка як особливий вид міжлітературної взаємодії — Радянське літературознавство, 1984. № 6. С. 13–15.

СИЛЛАБИЧНА ЛИ ИСПАНСКАЯ «СИЛЛАБИКА»?
(К вопросу об адекватной передаче метро-ритмической
структуры при поэтическом переводе)

Для поэтического перевода (за исключением «переложений» песенных текстов) стремление к абсолютной эквиметричности, в принципе, не характерно: как и в других областях поиска переводческих соответствий, в сфере метрики и ритмики эквивалентность устанавливается тоже на основе скорее коммуникативно-функционального, нежели структурного подобия.

Однако стиховые структуры вообще — и метро-ритмические в частности — играют столь важную роль в «специализации» поэтических знаков¹, т.е. в преобразовании единиц «практической» речи (исходного строительного материала поэзии) в пространственно взаимосвязанные элементы поэтического дискурса, что вполне объяснимо то пристальное внимание, которое и теоретики, и практики, и критики стихотворного перевода уделяют проблеме максимальной ритмической близости иноязычной версии стихотворения к ее оригиналу. Действительно: если только функциональные и собственно семантические «ореолы»² метро-ритма подлинника и максимально приближенного к нему в структурном отношении метро-ритмического аналога на ПЯ не контрастно противопоставлены в поэтических традициях ИЯ и ПЯ, то такой аналог, по всей видимости, предпочтительней остальных переводческих решений. Иными словами, рамки структурно-типологических параллелей между метриками переводимой и «переводящей» поэзии ограничивают произвол выбора переводчиком метро-ритмических соответствий.

Если верить подавляющему большинству теоретических и учебно-практических работ по испанской метрике³, то испаноязыч-

¹ *Балашов Н.И.* Структурно-реляционная дифференциация знака языкового и знака поэтического // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. № 2.

² *Гаспаров М.А.* Семантический ореол метра. К семантике русского трехстопного ямба // Лингвистика и поэтика. — М., 1979.

³ *Navarro Tomas.* Métrica Española. — La Habana, 1966. Rafael de Balbin. Sistema de ritmica castellana. — Madrid, 1968; Baehr Rudolfo. Spanischer Verslehre auf historische Grundlages. — Tübingen, 1962, Quilis A. Métrica española. — Barcelona, 1985.

ная поэзия являет собой чуть ли не классический пример подчинения закономерностям силлабической системы стихосложения. Впрочем, в последнее время некоторые давние идеи А. Бельо¹, развитые П. Энрикесом Уреньей², начинают сказываться и на новейших исследованиях, где, наряду с силлабической системой, в испанской поэзии признается наличие так называемых «сюрреалистической» и «просодико-групповой» систем стихосложения³. Особое место в этом смысле занимают фундаментальные работы чешского ученого О. Белича⁴, в которых допускается существование и так называемого «стопного ритма» испанского стиха. Интересные наблюдения над стопной упорядоченностью испанского одиннадцатисложника приведены и в новаторской статье М. Гаспарова «Итальянский стих: силлабика или силлабо-тоника»⁵, посвященной, в основном, метрической природе итальянского сонета.

Однако в представлении большинства романистов — и литературоведов, и лингвистов, и переводчиков — испанский стих по-прежнему относится к «силлабической зоне» европейской поэзии.⁶

Стоит ли при этом удивляться тому, что и в отечественных работах по теории поэтического перевода время от времени выдвигаются рекомендации переводить испаноязычных авторов силлабическим стихом? Призывы эти, вероятно, основаны не только на теоретических умозаключениях, но и на реальных достижениях советской переводческой школы — достаточно вспомнить блистательные переводы А.Эппеля из польской силлабической поэзии⁶.

Любопытную попытку отказаться от традиционной передачи испанского ямбического одиннадцатисложника русским пятистопным ямбом представляют собой и новые переводы сонетов Л. де Гонгоры и М. Эрнандеса, выполненные В. Резниченко⁷.

Однако «силлабична» ли сама испанская поэзия? Данные аудиторского анализа, равно как и итоги статистического «обследова-

¹ Bello A. Principios de la ortología y métrica de la lengua castellana. Bello Andres. Obras completas. T. VI.—Caracas, 1955.

² Ure ña Henríquez, P. La versificación irregular en la poesía castellana.—Madrid, 1920.

³ Alonso Martin. Poesía y ritmo. Gramática del español contemporáneo.—Madrid, 1968.

⁴ Belič O. En busca del verso español. Praha, 1975.

⁵ Проблемы структурной лингвистики. 1978.—М., 1979.

⁶ Европейская поэзия XVII века.—М., 1977. С. 567—594.

⁷ Из испанской поэзии XVII века.—Л., 1983. С. 19-22; Испанские поэты XX века.—М., 1977. С. 600—603.

ния» произведений испаноязычных авторов приводят к парадоксальному для традиционного взгляда на испанский стих выводу: собственно силлабической поэзии на испанском языке вообще не существует.

В данной статье нет возможности уделить должного внимания той распространенной форме испанского стиха, которую мы предложили отнести к особой системе, условно именуя ее акцентно-силлабической¹ и которая может быть коротко охарактеризована как область относительно-изосиллабичного дольника; не будем останавливаться и на бесспорных примерах старого и нового тонического испанского стиха (в основном, тактовика и дольника), которым посвящена упоминавшаяся работа П. Энрикеса Уреньи.

Обратим, однако, внимание на то, что существенную часть корпуса широко известных испаноязычных текстов составляют стихи, можно сказать, безусловно силлабо-тонические. Вопреки, скажем, представлениям Гарсиа Йебры², «чистая» испанская силлабо-тоника — отнюдь не маргинальная и не экспериментальная сфера поэтического творчества, а именно стихи, большей частью вошедшие в золотой фонд испаноязычной лирики. Среди них мы найдем знаменитые произведения Луиса де Леона, Йриарте, Соррильи, Беккера, Рубена Дарио, Унамуно, А. Мачадо, М. Эрнандеса...

«Профиль ударности» слоговых позиций этих поэтических текстов не оставляет сомнений относительно их принадлежности к силлабо-тонике. Приведем несколько вполне красноречивых тому примеров³.

¹ См.: Гончаренко С.Ф. Контрастивная метрика и поэтический перевод. Сб. научных трудов МГИИЯ им. М. Тореза. Вып. 166—М., 1980; Стилистика испанской стихотворной речи. Изд. МГИИЯ им. М. Тореза.—М., 1983. С. 73-78; «Метрика» Андреса Бельо и современная теория испанского стихосложения.// Латинская Америка, 1983 № 6. С. 110; Испанская поэзия в русских переводах—М., 1984. С. 668.

² García Yebra V. Teoría y práctica de la traducción.—Madrid, 1982. T. I. P. 302—303.

³ При подсчете ударений мы руководствовались следующим принципом: ударение безусловно-ударного слова = 1 (кроме позиции перед константным иктом, когда слово, приходящееся на неикт, находится в прямой синтаксической зависимости от «иктового» слова; в таких случаях величина ударения определяется в 0.5); словесное ударение безусловно-неударного слова = 0; ударение метрически «двойственных» слов (неопределенные артикли; вспомогательные глаголы и глаголы-связки; не выделенные паузой междометия; вопросительные, восклицательные и определительные местоимения, синтаксически примыкающие к следующему слову—«метрический ин-

двухстопный хорей

Рубен Дарио, "Rima V" (72 строки):

№ слога	1	2	3	4
% ударности	27	4	100	0

Метрическая схема¹: XU' П
восьмистопный цезурный хорей

Мигель Эрнандес, "Al trabajo" (78 строк)

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
% ударности	18	3	98	2	25	3	100	0	18	1	100	4	24	0	100	0

Мигель Эрнандес, "La procesión huertana" (52 строки)

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
% ударности	46	2	100	5	25	0	100	0	23	1	100	2	36,5	1	100	0

Метрическая схема: XU-U XU' П // XU-U XU' П
«Вольный хорей»

Рубен Дарио "Desde la lampa" (54 строки):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
% ударности	6,6	0	96	2	38,5	0	100	0	38	3,8	100	0	20	0	100	0

Х. Асунсьон Сильва, "Nocturno" (49 строк):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
% ударности	34	2	89	0	51	0	86	0	4,5	2	100	0	6	0	94

декс» этого разряда слов, по нашим наблюдениям, соответственно составил 0,48; 0,56; 0,34; 0,3), принимались за единицу на икте и за ноль на неикте. Дополнительные («ритмические», по Наварро Томасу) ударения на иктах в расчет не принимались, хотя они порой активно участвуют в процессе «стопообразования» — так что реальная упорядоченность в этих стихах, вероятно, еще выше, чем показывают приводимые подсчеты.

¹ Здесь используются принятые в современном стихотворении (см. Гаспаров М. Русский стих. — М. 1974. С. 13)) условные знаки: / — обязательно-ударный слог; П — обязательно-неударный слог; U — доминантно-неударный слог; - — доминантно-ударный слог; X — произвольно-ударный слог.

№ слога	16	17	18	19	20	21	22
% ударности	0	11	0	88	0	100	0

Метрическая схема: XU – UXU – UXU...U – П
трехстопный ямб
 Хосе Соррилья, "Recuerdos y fantasías" (218 строк):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7
% ударности	2	81,5	1,5	25	0	100	0

Метрическая схема: U – UXU – П
шестистопный цезурный ямб
 Г. Валенсия, "Leyendo a Silva" (46 строк):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
% ударности	4	63	11	52	0	100	0	2	48	26	37	0	100	0

А. Нерво, "Canto a Morelos, VII" (37 строк):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
% ударности	0	92	13,5	40,5	0	100	0	2,7	94,5	2,7	38	0	100	0

А. Мачадо, "La mujer manchega" (52 строки)

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
% ударности	13,5	69	0	59,6	0	100	0	7,6	75	0	30,7	0	100	0

Метрическая схема: X – UXU – П // X – UXU – П
четырёхстопный цезурный дактиль
 М. Эрнандес, "Tarde de domingo" (36 строк):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
% ударности	83	5,5	1,3	100	0	75	19	1,3	100	0

Ф. Урбач, "Gemas equívocas" (92 строки):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
% ударности	52	15	0	100	0	48	19,5	0	100	0

Метрическая схема: XUU ∠ Ω // XUU ∠ Ω

четырёхстопный амфибрахий

А. Мачадо, "Fantasía de una noche de abril" (81 строка):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
% ударности	10,7	95	0	0	100	0	1,2	92,6	2,5	0	100	0

Х. Соррилья, "A la luna" (92 строки):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
% ударности	14	91	8,5	2	100	0	0	99	3	0,5	100	0

Метрическая схема: XU ∠ UU ∠ Ω

двухстопный анапест

М. Эрнандес, "Campesino de España" (75 строк):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7
% ударности	9,3	0	100	1,3	1,3	100	0

трехстопный анапест

Х.М. Эредиа, усредненный профиль ударности стихов "Himno del desterrado", "Vuelta al sur", "La estrella de Cuba", "Himno al sol", "Himno patriótico", "Himno en honor del general Victoria", "El de mayo", "A un amigo desterrado"

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
% ударности	23,5	2,3	100	1,35	1,35	100	1,7	1,27	100	0

Леон де Грейфф, "Divagación nocturna" (55 строк):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
% ударности	42	3,7	100	3,7	0	98	1,8	1,8	100	0

Метрическая схема: XUU ∠ UU – UU ∠ Ω

четырёхстопный цезурный анапест

А. Нерво, "La Novia" (20 строк):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
% ударности	15	5	100	0	0	100	0	5	5	100	0	0	100	0

М. Эрнандес, "Insomnio" (42 строки):

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
% ударности	26	2	100	0	0	100	0	16,6	0	100	0	0	100	0

Метрическая схема: XU ∠ UU ∠ П // XU ∠ UU ∠ П

Разумеется, это не вполне и даже вовсе не «русская» силлабо-тоника, и все-таки — именно и только силлабо-тоника. Тем самым по отношению к еще одной части творческого наследия испанских и латиноамериканских поэтов (еще одной — в дополнение к стихам, написанным в тонической и акцентно-силлабической версификационных системах) вопрос о целесообразности использовать в переводе русский силлабический стих снимается сам по себе. Впрочем, одновременно возникает проблема: является ли русская «усредненная», так сказать, «нормальная», силлабо-тоника функциональным метро-ритмическим эквивалентом испанской «стопной» поэзии? Скорее всего, это не так: ведь на фоне превалирующего акцентно-силлабического и кадендно-силлабического (см. ниже) стиха, испанские силлабо-тонические метры воспринимаются как ритмически актуализованная, подчеркнуто-упорядоченная в ритмическом отношении стиховая речь. Видимо, ее следовало бы переводить таким русским силлабо-тоническим стихом, в котором сведены к минимуму отклонения от метрической схемы — прежде всего, тяжелые «спондеи». Так, известный перевод «Сонатины» Рубена Дарио, выполненный А. Старостиным, при всей его формальной метро-ритмической эквивалентности оригиналу, не дает все же присущего подлиннику ощущения ритмического изыска — именно из-за точного воспроизведения имеющихся в источнике сверхсхемных ударений.

* * *

Дискуссионным остается и вопрос о русском метро-ритмическом аналоге испанского ямбического одиннадцатисложника. По нашим наблюдениям, этот размер может быть отнесен к той (пограничной с акцентно-силлабической) области силлабо-тоники, ко-

торуую мы условно назвали кадентно-силлабическим стихом¹. Стопная упорядоченность стихорядов этого размера деформируется в таком количестве начальных слогов, которое вычисляется по формуле: число потенциальных стоп минус единица. Так, испанский «пятистопный ямб» кадентно-силлабической системы допускает неупорядоченное размещение ударений в первых четырех слогах при строгом соблюдении ямбической каденции в семи остальных слогах центральной и финальной «зоны». Обобщенная метрическая схема стиха имеет вид XXXXU-U' (Ω), а усредненный профиль его ударности, по предварительным подсчетам (около 3000 строк — сонеты Х. Боскана, Гарсиласо де ла Веги, Л. де Гонгоры, М. де Унамуно, М. Эрнандеса, Л. де Грейффа и других поэтов) таков:

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
% ударности	21	39	25	51	0,5	74	4	52	0,5	100	0

При этом около 14% стихорядов составляют строки с «дактилическим» зачином типа 1[∨]4²; в данном случае — что очень важно — испанские поэты не связаны принятым в русской силлаботонике ограничением, согласно которому при такой ритмической схеме первое слово строки должно быть непременно односложным. Упомянутые переводы В. Резниченко соответствуют именно этой метрической схеме:

Ныне, пока волос твоих волна
 Блещет, как золото, лелея блики,
 Ныне, пока твой образ ясноликий
 Ярче, чем белых лилий белизна...³

Однако, вопреки мнению, что такое решение приближает перевод к силлабической природе подлинника⁴, вполне очевидно, что данный прием превращает стих перевода не в силлабический (этого, собственно говоря, и нет нужды делать), а в логэдический стих,

¹ См.: Гончаренко С.Ф. Стилистика испанской стихотворной речи. С. 69-72; Метрика Андреса Бельо... С. 109; Испанская поэзия в русских переводах. С. 667.

² В ритмических схемах цифра означает порядковый номер слога; знак как и в схемах метрических, означает неударный слог.

³ Из испанской поэзии XVII века. С. 19.

⁴ Там же. С. 171.

который может трактоваться как стопа хорей + 4 ямбические стопы или стопа дактиля + 4 хорейческие стопы. Но главное даже не в этом — предлагаемое решение спорно уже потому, что означает экстраполяцию свойств, характерных всего лишь для 14% строк ритмически-усредненного оригинала, на весь текст перевода. Между тем, свыше 40% стихорядов испанского «усредненного» кадетно-силлабического сонета (вообще) соответствуют «безупречной» ямбической схеме X-U-U-U-XU-Ω¹. Кроме того, свыше 30 строк имеют «анапестовый» (∪∪3∪) или «хорейческий» (1∪3∪) зачины.

Иными словами, чтобы более или менее «буквально» воспроизвести ритмические «перебои» в первых четырех слогах испанского одиннадцатисложника, следовало бы придать, скажем, сонету Луиса де Гонгоры “Oh claro honor del liquido elemento!” не тот вид, в котором он опубликован:

О влага светоносного ручья,
бегущего текучим блеском в травы!
Там, где в узорчатой тени дубравы
звенит струной серебряной струя,

в ней отразилась ты, любовь моя:
рубины губ твоих в снегу оправы.
Лик исцеленья, лик моей отравы
стремит родник в безвестные края.

Но нет, не медли, ключ! Не расслабляй
тугих поводьев быстрины студенной.
Любимый образ до морских пучин

неси неколебимо—и пускай,
перед ним замрет коленопреклоненный
с трезубцем в длани мрачный властелин.²

а, например, такой:

*Влага хрустально-светлого ручья,
что змеится текучим блеском в травы!
Там, где в узорчатой тени дубравы
серебристой струной поет струя,*

¹ Этой же схеме соответствует и «обычный» испанский пятистопный ямб как самостоятельный метр (см. “Caida de Miscolonghi” Х.Х. Луасес; “A la hermosura” Х.М. Эредия; “Cantar del alma...” Луиса де Леона и др.)

² Гонгора Луис де. Лирика.—М., 1977. С. 121.

отразилась в ней ты, любовь моя:
рубины губ твоих в снегу оправы.
Исцеления лик и лик отравы
зеркало вод уносит от меня.

Но нет, не медли, ключ, не расслабляй
ты поводьев своей струи студеной.
Милый мне образ до морских пучин
донеси неизменным—и пускай
видит его коленопреклоненный
с трезубцем в длани мрачный властелин.

Ритмически второй вариант перевода более соответствует подлиннику: однако степень общей адекватности, необходимым (а в переводной лирической поэзии, пожалуй, и ведущим) ингредиентом которой является адекватность прагматическая, у этого—второго—варианта явно ниже. Ниже—в силу того, что если оригинал читателем-испанцем воспринимается как освященная почти пятивековой традицией каноническая сонетная форма, то перевод подобного впечатления не производит. И не производит именно в силу точной передачи в нем «анапестовых» и «дактилических» (при односложном начальном слове) ритмических зачинов. Вряд ли данный путь сейчас может оказаться перспективным—во всяком случае применительно к испаноязычной классике. Но, как бы то ни было, и здесь мы не имеем дела с силлабической поэзией ни в оригинале, ни в его стихотворном переводе.

М.П. Кизима
(Москва)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ И ПОЭТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ

(К проблеме эквивалентности поэтического перевода)

Необходимость тщательного филологического анализа текста при поэтическом переводе доказывать, думается, нет нужды. Обоснованность этого требования к переводчику поэзии как общее положение не вызывает сомнений. Вместе с тем, обращаясь к переводческой практике последних лет, мы вновь и вновь убеждаемся в том, что во многом именно на этом подготовительном этапе работы встречаются трудности, преодолеть которые не удастся порой

даже маститым и талантливым, профессионально добросовестным переводчикам. На одном таком аспекте мне и хотелось бы остановиться: это переводческие просчеты, связанные с непониманием образной системы того или иного произведения.

Поэтическое произведение, его смысл строится на движении, развитии и противопоставлении образов. Именно образная система произведения является тем планом содержания, сохранение которого неизменным (или с минимальными допустимыми потерями), позволяет говорить об эквивалентности поэтического перевода. Конечно, в поэзии огромное значение имеет и план выражения - словесная форма существования образов, к передаче которой по мере возможности также должен стремиться переводчик. Однако «словесная» эквивалентность отнюдь не обеспечивает ему эквивалентности образной, семантической. Проблема осложняется и тем, что в данном случае переводчик не может просто «скользить» по тексту (даже тогда, когда с чисто лингвистической точки зрения это и возможно). Объем и степень переводческих трансформаций исходного текста при поэтическом переводе несравнимо больше, чем при любом другом виде перевода, а потому переводчику совершенно необходимо четкое представление о внутренней, глубинной структуре текста, одним из важнейших компонентов которой является образная система.

Приступая к анализу текста поэтического произведения, его образов, переводчику нужно иметь в виду ряд моментов.

1. Учитывать национальные особенности образных традиций ИЯ и ПЯ. Они могут быть нейтральны по отношению друг к другу или совпадать, но нередки случаи, когда один и тот же образ имеет в них совершенно разную окраску.

2. Опирается в интерпретации образа и поиске его переводческого эквивалента не только на данное поэтическое произведение, но и на все творчество поэта в целом. Для поэтического творчества характерна внутренняя соотнесенность образов, их развитие внутри сборника или книги, перекличка образов и мотивов, преемственность различных книг.

3. И наконец, пожалуй, главное - сам текст произведения. Тот или иной образ не существует отдельно, в вакууме. Он функционирует, обретает смысл только в тексте данного произведения, являясь его составной частью. Переводчик же, как известно, переводит не отдельные элементы текста, а весь текст в целом как единое речевое произведение¹. Это фундаментальное положение теории пе-

¹ См. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М., 1975. С. 172.

ревода и первое правило переводчика. Внимательное прочтение текста как единого организованного целого является ключом и к правильному пониманию образа.

Недоучет этих аспектов ведет к серьезным переводческим искажениям.

Возьмем, к примеру, переводы на русский язык одного из крупнейших поэтов США XX века Роберта Лоуэлла (1917-1977). Его творчество давно привлекло к себе внимание советских переводчиков. Первые переводы появились в журналах уже в 60-е гг.¹, а в 1982 г. в издательстве «Прогресс» вышла книга «Роберт Лоуэлл. Избранное» — своеобразный итог большой переводческой работы, в которой принимали участие наши ведущие переводчики.

Все анализируемые ниже переводы взяты из этой книги. Все они относятся к зрелому этапу в творчестве Р. Лоуэлла (конец 50—70-е гг.). Такой выбор предопределен одной из характерных особенностей поэзии Лоуэлла данного периода (в отличие от его ранних стихов) — поразительной обнаженностью, внешней прозрачностью текста. Однако эта простота, ясность и «понятность» обманчивы. Контекст как бы уходит вовнутрь слова-образа. Все это предельно повышает его содержательную нагрузку. И характерно, что анализируемые переводческие ошибки проистекают из сложностей не лингвистического, а поэтического порядка, когда в силу вступают особенности поэтического перевода, объясняемые особой смысловой организацией самого поэтического текста как художественного произведения. А в результате ряд узловых образов художественной системы Лоуэлла получил в русском переводе неверное истолкование.

Один из таких образов — образ паучка в стихотворении Лоуэлла «Осень 1961 года» из книги «Павшим за Союз» (1964).

Вот текст стихотворения Лоуэлла:

Fall 1961

Back and forth, back and forth
goes the tock, tock, tock
of the orange, bland, ambassadorial
face of the moon
on the grandfather clock.

¹ См. Иностранная литература, 1967. № 3. С. 114-117; 1970. № 3. С. 161-164.

All autumn, the chafe and jar
of nuclear war;
we have talked our extinction to death.
I swim like a minnow
behind my studio window.

Our end drifts nearer,
the moon lifts,
radiant with terror.
The state
is a diver under a glass bell.

A father's no shield
for his child.
We are like a lot of wild
spiders crying together,
but without tears.

Nature holds up a mirror.
One swallow makes a summer.
It's easy to tick
off the minutes,
but the clockhands stick.

Back and forth!
Back and forth, back and forth—
my one point of rest
is the orange and black
oriole's swinging nest!¹

Как видим, английский текст внешне предельно прост. Образ паучка появляется только в четвертой строфе. Вот какой она предстает в переводе В. Топорова:

Сын без защиты.
Отец не щит, а
паук в той банке,
где от испуга
едят друг друга.²

¹ Lowell R. For the Union Dead.—N.Y., 1964. P. 11-12.

² Лоуэлл Р. Избранное: Сборник. Пер. с англ.—М., 1982. С. 73.

Образ паучка (уменьшительно-ласкательный суффикс не случайность: между «пауком в банке» и «паучками, плачущими вместе, но без слез» дистанция огромного размера) трактуется переводчиком неверно. Здесь мы имеем дело с невниманием ко всем трем указанным выше моментам.

Начнем с национальной образной традиции. Для русского читателя пауки — это, пожалуй, действительно пауки в банке, едящие друг друга. Но в американской традиции положение иное. Да и в творчестве Лоуэлла это отнюдь не первое обращение к образу паучка. Уже в его ранней книге «Замок лорда Уири» (1946) есть стихотворение «М-р Эдвардс и паук» (Mr. Edwards and the Spider"). Это тот самый Эдвардс, которому образ паучка обязан своим особым местом в американской художественной традиции. Дж. Эдварс, пуританский проповедник XVIII века, был известен строгостью своих религиозных взглядов. Еще в детском возрасте он написал трактат «О насекомых» (On Insects"), в котором излагал свою точку зрения на отношения человека и бога. Человека Эдвардс уподобил паучку, который наслаждается свободой полета в прозрачном воздухе, напоенном ароматом скошенного сена. Несомый ветром, он в восторге летит навстречу морю и солнцу, не замечая, что ветер с запада, дающий ему радость полета, неумолимо несет его к морю и смерти. Не таковы ли и люди в руках бога? Есть лишь иллюзия свободы, ничто не спасет от вечного огня, и ничто не поможет перенести его. Вот в каком виде вошел этот образ в американскую национальную традицию.

В своем раннем стихотворении Лоуэлл использовал сочинение Эдвардса и логику его рассуждений. Лоуэлл разделял тогда представления Эдвардса. Все стихотворение от начала и до конца было построено как монолог проповедника. Лоуэлл сохранил особенности речи и мышления Эдвардса, он солидаризовался с представлениями Эдвардса об одиночестве и затерянности человеческого существа, его бессилии перед смертью.

В «Осени 1961 года» Лоуэлл вновь обращается к образу паучка. Через него он фактически полемизирует с эдвардсовской концепцией человека, с самим собой, своим ранним творчеством. Осенью 1961 года авантюристическая политика американского правительства поставила мир на грань атомной катастрофы. Каждой своей строкой Лоуэлл протестует против такого положения, когда миллионы людей оказываются пешками в политической игре. Стихотворение строится как описание душевного состояния человека в один из дней той осени. Лоуэлл не выходит за рамки лирического «я», но

это «я» насыщается конкретно-историческим содержанием. Угроза ядерной смерти ведет лирического героя к размышлению о взаимосвязанности всех людей, о том, что в XX веке и смерть и жизнь человека определяются новыми внешними факторами, от которых не скрыться в скорлупу своего «я», не отгородиться традиционными ценностями («отец больше не защита своему ребенку», — говорит лирический герой). Так тема смерти, одна из самых «вечных» и «универсальных», подчиняется здесь общей конкретно-исторической трактовке взаимоотношений личности и общества, реалистическому освоению конфликтов эпохи.

В строении поэтических образов Лоуэлл использует слова, бывшие в те дни у всех на устах, вошедшие с тех пор в словарь и сознание современного американца. Но Лоуэлл переносит весь этот специфически «ядерный» словарь на несовместимые с ним образы: атомная смерть — порождение современного человека — извращает весь естественный ход жизни:

Our end *drifts* nearer,
the moon lifts,
radiant with terror

(выделено мной — М.К.).

Истинное движение и ритм жизни, настоящий маятник жизни лирический герой находит за окном — в движении гнезда иволги, раскачивающегося на ветвях. Этот маятник жизни противостоит образам изолированности и отчуждения человека. «Стеклянный колпак» отчужденности наглухо запирает личность, лишая ее при этом человечности: “I swim like a minnow / behind my studio window”. Тот же образ «стеклянного колпака» Лоуэлл использовал, чтобы подчеркнуть искусственность, пустую видимость единения, символизированного официальной государственностью: «The state / is a diver under a glass bell».

Но сама историческая ситуация не допускает отчужденности; она затрагивает всех: ядерная смерть угрожает не кому-нибудь одному, но и одному и всем. Лоуэлл — поэт, остро ощущавший трагические стороны бытия: смертность человека, быстротечность жизни. Гуманизм его поэзии выражается и в характерной для него убежденности в высокой ценности отдельной личности, в ее невосполнимости. «Осень 1961 года» соединяет в себе остроту и индивидуальность переживания возможной смерти отдельной личностью с новой реальностью — коллективностью этого переживания. Опорным в этом отношении как раз и является образ паучка.

В своем раннем стихотворении Лоуэлл вслед за Эдвардсом уподоблял человека беспечному паучку в руках потаенного бога: он летит, радуясь жизни, не ведая того, что устремляется к гибели, и в этой гибели каждый паучок абсолютно одинок. Теперь образ паучка получает принципиально иную трактовку. В паучках больше нет неведения и беспечности. Осознание трагической ситуации ведет людей к стремлению объединиться, а не к изоляции. В образе паучков, «плачущих вместе, но без слез» Лоуэлл утверждает общность людей. Как видим, трактовка этого образа в переводе В. Топорова находится в прямом противоречии и с текстом стихотворения, и с контекстом всего творчества Лоуэлла.

В целом, проникновение в образную систему поэтического произведения и ее эквивалентный перевод представляют немалые трудности даже для опытных и безусловно талантливых переводчиков.

В заключение, хотелось бы, с другой стороны, на конкретном примере показать, как понимание особенностей образной системы поэта открывает переводчику возможности для настоящих творческих находок. Таким примером может служить перевод сонета Р. Лоуэлла «Две стены» (“Two Walls”), выполненный А. Ибрагимовым. Вот он:

Две стены

(1968, убийство Мартина Лютера Кинга)

Две белые стены, лицом к лицу,
две белые стены, почти одного оттенка,
друг другу не дают уснуть, и обе
заимствуют сияние друг у друга,
вступая поневоле в разговор.
Безвыборность оттачивает взгляд.
И даже шпага Дон Жуана
ломается о камень. Две стены,
две белые, лицом к лицу, и обе
объединены одним стремленьем к счастью.
В цивилизованные эти времена
единственная у нас опора—смерть.
Я задыхаюсь и хриплю сегодня—
больное сердце тучного Нью-Йорка¹.

¹ Лоуэлл Р. Избранное. С. 129-130.

Этот сонет посвящен памяти выдающегося негритянского общественного деятеля М.Л. Кинга. Лоуэлл создает концентрированный образ-метафору господствующей Америки, против которой боролся Кинг. Сонет строится как «пейзаж» Нью-Йорка: пустынный, вымерший город, полное безлюдье, где лишь белые стены «смотрят в лицо» друг другу, живут, пробуждая одна другую, и разговаривают между собой. Их белизна отталкивает жизнь, они отбирают у человека его «неотъемлемое», согласно Декларации независимости США, право — стремление к счастью, и поэт, душа Нью-Йорка, заперт в этом тупике из двух огромных самодостаточных белых стен.

Образ поэта в последних двух строках перевода звучит как истинно лоуэлловский, и это тем более поразительно, что в оригинале он выражен по-другому:

“... this morning, skin lumping in my throat,
I lie here, heavily breathing, the soul of New York”¹.

В переводе нет «словесной» эквивалентности, и все же перевод А. Ибрагимова эквивалентен. Более того, это подлинная удача. Переводчик выкристаллизовал этот действительно лоуэлловский образ «больного сердца тучного Нью-Йорка» в результате тщательно, вдумчивого прочтения и самого сонета, и всей «Записной книжки», в которой он был впервые опубликован, и, смею утверждать, поэтического наследия Лоуэлла в целом, ибо образное противопоставление худобы и тучности является одним из ключевых в творчестве Лоуэлла.

Мы видим это образное противопоставление и в других сонетах «Записной книжки», и в знаменитом стихотворении «Павшим за Союз» (“For the Union Dead”), посвященном героям Гражданской войны в Америке, сражавшимся за свободу, равенство и братство людей. Они, по мнению Лоуэлла, до сих пор — «игла компаса», указывающая человеку возможность его человеческого выбора. И если в погоне за своей «мечтой» современная «потребительская» Америка обростаёт жиром (“slides by on grease”), то герои Гражданской войны, давно уже неживые, с каждым годом становятся все стройнее и моложе (“grow slimmer and younger each year”)².

Использование данного образа А. Ибрагимовым в переводе сонета «Две стены» находится в полном соответствии с поэтическим смыслом стихотворения, всей образной системой Лоуэлла и является подлинной творческой удачей переводчика.

¹ Lowell R. Notebook 1967-68.—N.Y., 1969. P. 87.

² Lowell R. For the Union Dead. P. 71-72.

СХОДСТВО СТРУКТУРЫ МЕЖФРАЗОВОЙ СВЯЗИ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

За последние 30 лет в языкознании появилось новое направление — лингвистика текста, которое исследует текст как единое целое. Анализ структуры текста на материале немецкого, английского, французского и русского языков¹ показывает, что, несмотря на различия между этими языками, средства связи предложений в тексте имеют в этих языках много общего.

Представляет интерес использование сравнительного анализа межфразовых связей параллельных текстов на разных языках для оценки качества перевода. Можно предположить, что в идеальном переводе распределение показателей межфразовой связи и направления их действия должны совпадать с распределением и направлением действия аналогичных показателей оригинала. Различия языков оригинала и перевода могут сделать невозможным полное воспроизведение структуры межфразовой связи оригинала, но, поскольку структура текста отражает связи между его составляющими, структура перевода должна сохранять существенные черты структуры оригинала. Разумеется, стремление сохранить структуру оригинала не может служить оправданием нарушений лексических и грамматических норм языка перевода. Для проверки гипотезы о влиянии сходства структур межфразовых связей оригинала и перевода на качество перевода был выполнен анализ семи переводов 66-го сонета В. Шекспира. Анализ включает выявление межфразовых связей между строками текста сонета и наглядное представление этих связей в виде таблицы, в которой для каждой строки указаны виды и количество связей с другими строками. Классификация видов межфразовой связи заимствована из работы Н.А. Турмачевой и дополнена связями типа частичный синтаксический параллелизм и межстиховой связью — переносом. При частичном синтаксическом параллелизме, в отличие от полного, сох-

¹ Лосева Л.М. Межфразовая связь в повести А.П. Чехова «Попрыгунья». // Материалы юбилейной конференции. — Черновцы, 1960; Москальская О.И. Грамматика текста. — М., 1981; Поспелов Н.С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. — М., 1960; Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. — Л., 1983; Турмачева Н.А. О типах формальных и логических связей в сверхфразовом единстве. — АКД. — М., 1973.

раняется лишь общая структура фразы или предложения. Например, частичный параллелизм двух причастных оборотов предполагает один и тот же порядок следования их логических подлежащих и сказуемых, состав которых может быть различным. Перенос как средство межстиховой связи рассматривается в указанной книге Н.С. Поспелова.

Рассмотрим подробно структуру межфразовых связей оригинала (табл. 1). 2-я строка связана с 1-й союзом *as*; строки с 3-й по 12-й связаны со 2-й строкой союзом *and*; между собой эти строки связаны тем же союзом, повтором этого союза и частичным синтаксическим параллелизмом; строки с 4-й по 7-й связаны полным синтаксическим параллелизмом; 13-я строка связана с 1-й повтором причастного оборота *tired with all these*, повтором местоимения *I* и частичным синтаксическим параллелизмом *for restful death I cry — from these would I be gone*; со всеми остальными строками 13-я строка связана обобщающим словом *these*; 14-я строка связана с 1-й повтором местоимения *I* и однокорневым словом *die - death* и с 13-й строкой — союзным словосочетанием *save that* и повтором местоимения *I*.

По аналогичной схеме выполнен анализ переводов этого сонета, принадлежащих С. Маршаку, А. Финкелю, Б. Пастернаку, О. Румеру, М. Чайковскому, Ф. Червинскому и Н. Гербелю. Результаты анализа представлены в таблицах 2-8.

Из таблиц следует, что ни один перевод не повторяет полностью структуру межфразовой связи оригинала. Ближе всех к его структуре подходит перевод Б. Пастернака, за ним следуют переводы А. Финкеля и С. Маршака. Структура перевода О. Румера и М. Чайковского напоминает структуру оригинала, но сеть связей в них значительно реже — по одному виду связи на строку основного корпуса сонета вместо трех видов оригинала. В переводе Ф. Червинского воспроизводятся лишь обрывки структуры оригинала, а структура перевода Н. Гербея очень далека от оригинала.

Итак, сравнение структур межфразовой связи позволяет расположить переводы в порядке уменьшения сходства их структур со структурой оригинала.

Для проверки описанной методики сравнения переводов была предпринята попытка неформальной оценки качества перевода методом анкетирования. Анкетируемым предлагалось расположить анонимные тексты переводов в порядке убывания качества и по возможности обосновать свое решение. Анкетирование проводилось на кафедре стилистики МГИИЯ им. Мориса Тореза и семинарах переводчиков поэзии под руководством А.М. Ревича и Е.Г.

Ананишвили при Союзе писателей СССР. Всего заполнено 23 анкеты. Отдельные анкетированные затруднялись определить конкретное место трех-четырёх худших переводов. Некоторые присваивали одно место двум и более переводам. В этом случае худший перевод перемещался с седьмого на шестое или даже пятое место.

Если каждому месту присвоить определенное количество очков, например, первому — 7, второму — 6 и т.д. то можно подсчитать средний балл для каждого перевода. Высший балл (5,7) получил перевод Б. Пастернака, за ним следуют переводы С. Маршака (5,5), Ф. Финкеля (4,9), О. Румера (3,4), Ф. Червинского (3,0), Н. Гербея (2,1) и М. Чайковского (1,35).

Из комментариев в анкете следует, что при оценке перевода анкетированные руководствовались прежде всего наличием или отсутствием грубых нарушений лексической и грамматической сочетаемости слов, благозвучностью (критерий чрезвычайно субъективный) и в меньшей степени семантической и стилистической близостью перевода и оригинала. Именно хорошее звучание и отсутствие грубых языковых ошибок позволили переводу Б. Пастернака занять первое место, а С. Маршака — второе, хотя перевод Б. Пастернака стилистически далек от оригинала, а перевод С. Маршака несколько искажает его смысл¹. В переводе А. Финкеля нет грубых нарушений норм лексической и грамматической сочетаемости слов русского языка, но он менее благозвучен, чем первые два перевода. В остальных много грубых нарушений норм русского языка, например: «топчется доверье чистых душ», (О. Румер), «Раз что добро в плену...» (М. Чайковский), «вкушать благое» (Н. Гербель), и т.д.

Таким образом, неформальная оценка перевода и оценка по структуре межфразовой связи для трех лучших переводов в основном совпадают. Более высокая неформальная оценка перевода С.

¹ Часто говорят, что передача смысла сонета Шекспира при переводе большей частью зависит от передачи смысла заключительного двуступища. В переводе С. Маршака отсутствие повтора «Зову я смерть» делает значение фразы «Но как тебя покинуть милый друг!» более общим. Речь идет уже о простом бегстве, а не о бегстве от жизни. Кроме того, в переводе С. Маршака строки 3-я и 9-я говорят практически об одном и том же, т.е. нет разделения «чистой веры» и «простой истины», как у Шекспира.

В остальных переводах, кроме переводов Б. Пастернака и А. Финкеля, искажение смысла еще больше. У О. Румера, Ф. Червинского и Н. Гербея последнее двуступище обращено к женщине. М. Чайковский тоже обращается к женщине, но говорит, что покончил бы с собой, если бы мог взять любимую на тот свет.

Маршака по сравнению с переводом А. Финкеля объясняется высоким мастерством стихосложения С. Маршака и, следовательно, прекрасным звучанием его перевода, хотя перевод А. Финкеля точнее передает содержание оригинала.

На основе выполненного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Сравнительный анализ структур межфразовой связи оригинала и перевода дает возможность выбрать среди нескольких переводов одного текста перевод, наиболее близкий к нему по структуре.

2. Как при формальной, так и при неформальной оценке из двух переводов с примерно равным количеством и характером нарушений лексических и грамматических норм языка перевода лучшим оказывается тот перевод, который более точно воспроизводит структуру межфразовой связи оригинала.

3. Стремление сохранить структуру текста оригинала при переводе не может служить оправданием грубых нарушений норм языка перевода.

4. Учет структуры межфразовой связи оригинала поможет переводчику повысить качество перевода.

Источники

1. *Гербель Н.* Сонеты Шекспира (переводы). // Вильям Шекспир. Сочинения. — М., 1880.

2. *Финкель А.* Все сонеты Шекспира (переводы). // Шекспировские чтения 76. — М., 1977.

3. *Шекспир Уильям.* Сонеты. — М., 1984.

WILLIAM SHAKESPEARE SONNET 66

№№ строк	№№													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Tired with all these, for restful death I cry,	1													
As, to behold desert a beggar born,	2	c												
And needy nothing trimm'd in jollity,	3		c											
And purest faith unhappily forsworn,	4		c	c, w, x										
And gilded honour shamefully misplaced,	5		c	c, w, x	c, w, s									
And maiden virtue rudely strumpeted,	6		c	c, w, x	c, w, s	c, w, s								
And right perfection wrongfully disgraced,	7		c	c, w, x	c, w, s	c, w, s	c, w, s							
And strength by limping sway disabled,	8		c	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x						
And art made tongue-tied by authority,	9		c	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x					
And folly (doctor-like) controlling skill,	10		c	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x				
And simple truth miscall'd simplicity,	11		c	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x			
And captive good attending captain ill:	12		c	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x	c, w, x		
Tired with all these, from these would I be gone,	13	p, w, x	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g
Save that, to die, I leave my love alone.	14	w, r												c, w

Б. Перевод А. Финкеля

№№ строк														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14

Устал я жить и умереть хочу,

1

Достоинство в отрепье вида рваном,

2

Ничтожество — одетое в парчу,

3

И Веру, оскорбленную обманом,

4

с с

И Девственность, поруганную зло,

5

с с с, w, x

И почестей неправых омерзенье,

6

с с с, w с, w

И Силу, что Коварство оплело,

7

с с с, w с, w с, w

И Совершенство в горьком униженье,

8

с с с, w с, w с, w с, w

И прямоту, что глупой прослыла,

9

с с с, w с, w с, w с, w, x с, w

И Глупость, проверяющую Знание,

10

с с с, w с, w с, w с, w с, w

И робкое Добро в оковах Зла,

11

с с с, w с, w с, w с, w с, w с, w

Искусство, присужденное к молчанью.

12

с с с, w, x с, w, x с, w с, w с, w с, w с, w

Устал я жить и смерть зову скорбя.

13

р, г

Но на кого оставляю я тебя!

14

w

с, w

Г. Перевод Румера	№№ строк														
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Я смерть зову, глядеть не в силах боле,	1														
Как гибнет в нищете достойный муж,	2	c													
А негодяй живет в красе и холе;	3		c												
Как топчется доверье чистых душ,	4	c	w												
Как целомудрию грозят позором,	5	c	w		w										
Как почести мерзавцам воздают,	6	c	w		w	w									
Как сила никнет перед наглым взором,	7	c	w		w	w	w								
Как всюду в жизни торжествует плут,	8	c	w		w	w	w	w							
Как над искусством произвол глумится,	9	c	w		w	w	w	w	w						
Как правит недомыслие умом,	10	c	w		w	w	w	w	w	w					
Как в лапах Зла мучительно томится	11	c	w		w	w	w	w	w	w	w				
Все то, что называем мы Добром.	12												e		
Когда б не ты, любовь моя, давно бы	13														
Искал я отдыха под сенью гроба.	14	w, f													

Д. Перевод М. Чайковского	№№ строк	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Томимый этим, к смерти я взываю;	1														
Раз что живут заслуги в нищете,	2														
Ничтожество ж – в веселы утопая,	3														
Раз верность изменяет правоте,	4		w												
Раз почести бесстыдство награждают,	5		w		w										
Раз девственность вгоняется в разврат,	6		w		w	w									
Раз совершенство злобно унижают,	7		w		w	w	w								
Раз мощь хромые силы тормозят,	8		w		w	w	w	w							
Раз произвол глумится над искусством,	9		w		w	w	w	w	w						
Раз глупость знания принимает вид,	10		w		w	w	w	w	w	w					
Раз здравый смысл считается безумством,	11		w		w	w	w	w	w	w	w				
Раз что добро в плену, а зло царит –	12		w		w	w	w	w	w	w	w	w	w		
Я утомленный, жаждал бы уйти,	13		r, w												
Когда б тебя с собой мог унести	14														c

Е. Перевод Ф. Червинского

	№№														
	строк	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Тебя, о смерть, тебя зову я, утомленный,	1														
Устал я видеть честь поверженной во прах,	2	w, f													
Заслугу – в рубище, невинность – оскверненной,	3														
И верность – преданной, и истину – в цепях.	4		с	с											
Глупцов, гордящихся лавровыми венками,	5														
И обесславленных, опальных мудрецов,	6		с	с	с, w	с									
И дивный дар небес, осмеянный слепцами,	7		с	с	с, w	с	с, w								
И злое торжество пустых клеветников.	8		с	с	с, w	с	с, w	с, w							
Искусство – робкое пред деспотизмом власти,	9														
Безумья жалкого надменное чело,	10														
И силу золота, и гибельные страсти,	11		с	с	с, w	с	с, w	с, w	с, w						
И Благо – пленником у властелина Зло.	12		с	с	с, w	с	с, w	с, w	с, w				с, w		
Усталый, лхнул бы я к блаженному покою,	13	w, f	г												
Когда бы смертный час не разлучал с тобою.	14	г												с	

Ж. Перевод Н. Гербея	№№														
	строк	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
В усталости моей я жажду лишь покоя!	1														
Как видеть тяжело достойных в нищете,	2														
Ничтожество в тиши вкушающим благое,	3														
Измену в всех надежд, обман в святой мечте,	4														
Почет среди толпы, присвоенный неправо,	5														
Девическую честь, растоптанную в прах,	6						p, s								
Клонящуюся честь пред роком величаво,	7														
Искусство, свой огонь влачащее в цепях,	8														
Низвергнутое в грязь прямое совершенство,	9														
Ученость пред судом надменного осла,	10														
Правдивость, простоте, сулимая в блаженство,	11														
И доброту души в служении у зла!	12														
Всем этим утомлен, я бредил бы могилой,	13	f, f, w	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g	g	c
Когда бы не пришлось тогда проститься с милой!	14														c

Где: с – союзы и союзные слова, е – переносы, f – слова одного семантического ряда, g – обобщающее слово, p – повтор словосочетания, r – одиночные слова, x – синтаксический параллелизм, w – повтор слова.

Е.В. Клычков

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОНЕТА И ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКОГО СОНЕТА XVI ВЕКА

В сонетной форме созданы произведения, являющиеся, несомненно, великолепными образцами мировой поэзии. В русской классической традиции сонет хорошо версификационно разработан рядом мастеров (Пушкин, Брюсов) и поэтов меньшего масштаба (Бутурлин). Кроме известных формальных требований, русский сонет отличается рядом содержательных особенностей: интонационно-смысловое единство катренов, эмоциональный перелом в начале первого tercета, синтез содержания стихотворения в последнем стихе. Эти, не столько версификационные, сколько жанровые особенности восходят к первоисточнику формы — итальянскому сонету и поддерживаются переводческой традицией.

Английский сонет широко известен в основном по шекспировским образцам. Сонетная форма была привнесена из Италии в английскую поэзию Уайтом, развилась Сэрри, Сидни, Спенсером и др. Первоначально сонет носит приподнято-торжественный характер, часто представляет собою элегическую жалобу, прощание с возлюбленной или восхваление ее. Иногда в первых образах английского сонета выдерживается требование одной пары рифм в катренах. Шекспировский сонет несколько отличен от итальянского. По содержанию — это свободное поэтическое размышление. Начиная с Уайта меняется форма: свободна рифмовка катренов, сами строфы — катрены и tercеты — не выделяются, последний стих — итог — связан рифмой с предыдущим стихом (завершение обычно осуществляется парой строк). При переводе для читателя, знакомого с традицией русского сонета, может возникнуть нежелательный эффект: теряется своеобразное звучание сонетной формы. Это особенно относится к введению второй рифмы в катрены. Думается, далеким от сонетной формы в переводе оказывается и сонет с рефреном (см. ниже Рэли).

Версификационная разработанность русского языка позволяет достигать непринужденного развития поэтического изложения в первых восьми строках и в том случае, если выдерживается требование одной пары рифм. Это не попытка «улучшить» английский сонет, а необходимость следовать сложившейся русской сонетной традиции. Основное внимание в передаче подлинника следует обращать на новосоздание образов и сохранение их иерархии в исходном и переводном тексте. Внутренняя логика сонетной формы такова, что при использовании одной пары рифм в первых восьми строках автоматически возникает эмоциональный перелом в начале терцетов — восстанавливается «итальянская» строфика.

В английском тексте большинство слов короче, чем в русском, поэтому для сохранения энталпии (энергонасыщенности) стиха, образной емкости строки в переводе необходимо чаще пользоваться шестистопным (а не пятистопным, как требует подлинник) ямбом. Обязательная цезурность этого размера несколько меняет звучание перевода по сравнению с подлинником. Во французской сонетной традиции част восьмисложник, соответствующий четырехсложному ямбу; попытка использовать его в переводе сонета явно меняет интонацию стиха, возникает, скорее, вольная обработка, а не перевод. Высказанные соображения можно проиллюстрировать следующими опытами перевода.

Томас Уайэт (1503-1542)

Отречение от любви

Прощай же, о любовь, мой властелин жестокий,
Ты жертвы не найдешь среди храмовных плит,
Наживка и крючок падут в родник глубокий,
Стрела охотника мне сердце не пронзит.

Платона, Сенеки изысканные строки
Звучат в моей душе, а сластолюбье спит.
Довольно я блуждал, как путник одинокий,
Обманной страсти зов меня не искусит.

Итак, прощай, любовь, иди к младым сердцам,
Кто празден, их влеки, ввергай в сомненья —
Те игры у меня не вызвут сожаленья.

Кто хочет потерять—пускай теряет сам,
Свободы, чистоты и к мудрости стремленья
За побрякушки те я больше не отдам.

Гэнри Говард эрл Сэрри (1517-1547)

Вечерняя жалоба отвергнутого

Спускается на землю сумрак ночи.
Сказала нет: все стало на места.
Утихло все, душа моя пуста.
Блестят созвездий ясных очи.

Спокойна суша. Море не грохочет,
Пернатый не взлетает из куста,
Зверь из берлоги двинуться не хочет,
И знаю я, как истина проста.

Но что мне в грудь с неясною тоскою
Стучит упорно, манит за собою
И не дает забыть мне прежних грез?

Что делать мне в печальном непокое,
Куда бежать пред горестной ордою,
Как мне прожить без этих сладких слез?

Филипп Сидни (1554-1586)

Два сонета

Оставь меня, любовь, коль ты лишь призрак тленный
И обрати мой ум к свершенью высших дел,
Богатым может быть, кто ищет дар бесценный
И радости конец — счастливого удел.

Лучи твоей души царят во всей вселенной,
Мы покоряемся тому, что высший повелел,
Могучий вечный свет — свобода наших тел
И сладостно понять, у чьей ты воли пленный.

Иди за тем лучом, он в краткое мгновенье,
Что отделяет смерть от нашего рожденья
Один лишь приведет к желанному концу.

Прощай же, мир вещей, желаний и сомненья:
Я на пути туда, как блудный сын к отцу,
Где вечность и любовь слилися в единеньи.

* * *

Какой печальный путь, полночное светило,
Скользнувши призраком, давая бледный свет,
В молчаньи горестном, не требуя ответ
От грешников земли, ты в небе совершило.

Уже ли и тебя стрела любви пронзила,
Амур, стрелец слепой, оставил в сердце след
Влюбленных видела ты с высоты планет
Теперь же и тебя болезнь любви сразила.

Так мы сейчас равны, скажи же мне, луна,
Что, вечная любовь и в небе не дана?
И гордость красоты несет в себе коварность?

И так же, как у нас, средь любящих – война,
И любят, чтоб любимым быть всегда сполна,
А добродетель там зовут: неблагодарность?

Эдмунд Спенсер (1552-1599)

Из цикла *Amoretti*

Я перенес страх смерти непрестанный,
Средь изнурительных штормов и бурь
Несла тоска крошечная и дурь,
Мой предводитель самозванный.

Но вот увидел берег долгожданный,
И туч свинцовых поредела хмурь,
Блеснула мне небесная лазурь,
Открылась даль страны моей желанной.

Всего, что сердцу дорого, достиг,
У берега стоит пиратский бриг,
И я живу в раздолии беспечном.

Цену потери и свиданья миг
Мой ум в сравненьи разных чувств постиг:
Теперь найду конец в блаженстве вечном.

Уолтер Рэли (1552-1618)

Прощание с придворной жизнью

Исчезли радости подобно ложным снам,
Умчались дни забав, акрылись дымкой дали,
Ошибся я в любви и пуст мечтаний храм:
Из прошлого несу я груз одной печали!

Вдали от берега я отдан всем ветрам,
Пути средь вод морских мне незнакомы стали,
Корабль в руках судьбы стремится по волнам:
Из прошлого несу я груз одной печали!

В краю чужом—без спутников, друзей,
Не светит солнце мне и птицы замолчали,
Зову я смерть свою среди земных скорбей
Из прошлого несу я груз одной печали!

Мой век уже прошел, мне не найти опоры:
Когда войду в врата, за мной сомкнутся
створы.

В. Шекспир (1564-1616)

I

Есть в быстротечности биенье красоты,
Никак не совместишь прекрасное с покоем:
В единый миг весной раскроются цветы
Как будто навсегда благоуханным строем.

Но краткий час прошел, слетелись пчелы роем—
Наследники-плоды осыпали кусты...

С природой не борись: себя не вкусишь ты,
Смотри не окажись на празднике изгоем.

Хоть ты замкнул в себе сиянье ясных глаз
И буйной радости в душе хранишь запас,
Богатство расточишь, коль не отдашь другому.

Не будь себе врагом и снизойди до нас,
Откройся и взгляни вокруг хотя бы раз,
Ведь жизнь возьмет свое, а смерть придет к любому.

II

Когда на штурм красы пойдут все сорок зим
И гордой юности помнется одеянье,
И лягут борозды - приметы увяданья -
На нежный луг цветов, что был твоим лицом.

Куда отправишься ты временем гоним,
Что скажешь дням любви в последнем расставанье?
И будешь ли ты здесь, где мы сейчас стоим,
И как найдешь слова для горького признанья?

Есть верный путь один, чтоб не был ты забыт.
Улыбкою гордою сменить неловкий стыд,
Коль холода поток наполнит твое тело,

Сказать: «Вот я иной, моя тут плоть и кровь,
Когда уйду, мой сын продолжит мое дело.
В нем сердце горячо, ему теперь - любовь!»

XXII

Усталый от трудов спешу скорей прилечь,
Для отдыха найти в пути приют конечный,
Но путешествие мне не дано пресечь:
Я в мыслях тороплюсь, хоть тело и беспечно.

Рой дум бежит к тебе в стремленье быстротечном,
А взор пронзает мрак среди потухших свеч,
И нежный облик твой стремится уберечь:
Узреть во тьме слепой лицо в тумане млечном.

Но лишь души моей развернутые очи
В обманном сумраке зловецей долгой ночи
Способны увидеть сияющий кристалл.

Я к призраку стремлюсь как путник богомольный
Хватаю пустоту рукою недовольной,
И знаю я сейчас, как много потерял.

LXVI

Все сразу! Лучше умереть!
И отдых обрести, а униженья
И горечь с памяти стереть.
Не видеть подлеца глумленья,
Властей пустую круговерть,
Как правда терпит поражение.
А песню обрывает смерть,
И грозно к гибели движенье...
Тогда никто не победит,
Стоя у смертного порога
Слепой взмолит слепого бога.
Когда расплавится гранит,
Одна любовь лишь устоит:
Я — с ней, куда б ни шла дорога!

IX. РЕЦЕНЗИИ

З.Д. Львовская
(Москва)

ПУШКИН В ИСПАНИИ (ОБ ОДНОМ ПЕРЕВОДЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»)¹

Перевести в конце XX века «энциклопедию русской жизни» начала XIX века, написанную в стихах гениальным пером Пушкина, — титанический труд. В наше время даже русский читатель вынужден пользоваться справочным материалом, чтобы понять многие реалии пушкинской эпохи, не говоря уже о бесконечных реминисценциях и аллюзиях, встречающихся на каждой странице романа. А пушкинский стих, оказывающий на читателя огромное эмоциональное воздействие, которое само по себе является важным элементом смысла? Неудивительно, что «Евгений Онегин» переводился значительно меньше, чем другие произведения поэта².

В Испании и Латинской Америке Пушкина любят и знают. В Мадриде у памятника поэту звучат его стихи на испанском и русском языках. Тем не менее, все предыдущие переводы «Евгения Онегина» были сделаны в прозе³. Основные причины подобной ситуации освещены в статье Марисы Виньярски, указывающей на определенную традицию, своего рода «литературный узус» перево-

¹ «Eugenio Onieguin». Traducción y notas por José María Bravo. En: Las mejores novelas de la literatura universal. Cupsa editorial. T. XVI. P. 1-161.

² М.П. Алексеев утверждал, что «Евгений Онегин» — «одно из труднейших для передачи на любом иностранном языке произведений.» — Алексеев М.П. «Евгений Онегин» на языках мира. // Мастерство перевода. — М., 1965. С. 278.

³ Puschkin A. Obras escogidas. — Madrid, 1967; Puschkin A. Eugenio Onieguin. El desafío. La Hidalga camperina y otros. Bruguera. — Barcelona-Buenos-Aires-Caracas-México-Río de Janeiro, 1969; Eugenio Onieguin. // Maestros rusos. T. 1. — Barcelona, 1973.

да на испанский язык стихотворных произведений, а также на то, что поэзию, в том числе и русскую, по большей части переводили люди, которые сами не были поэтами или, по крайней мере, не владели активно поэтической формой¹. Трудности стихотворного перевода объясняются также различными метрическими традициями русской и испанской поэзии². Наконец, для испанской поэзии вообще характерно более свободное отношение к рифме и широкое распространение верлибра. Поэтому появление перевода «Евгения Онегина», выполненного верлибром, нельзя расценивать как случайность. Конечно, в верлибре нельзя передать магию пушкинских стихов, но переводчику удастся сохранить пушкинскую строфу и добиться немалых успехов в передаче ее внутренней ритмики. Если к этому добавить, что Хосе М. Браво долго жил в нашей стране, обучил не одно поколение советских испанистов и в настоящее время является одним из ведущих переводчиков русской классики в Испании, то его работа над «Евгением Онегиным» не может не привлечь внимания теоретиков и практиков перевода. Наш интерес в данном случае обусловлен в первую очередь тем, что перевод «Евгения Онегина» всегда дает богатый материал для размышлений над теми или иными положениями теоретического порядка.

Достижение оптимального продукта прагматической, семантической и стилистической адекватности при поэтическом переводе, как правило, «невозможно без весьма радикальной перестройки многих аспектов оригинала, одним из которых является и образная система»³. Перестройка семантической структуры текста обычно сопряжена с потерями. Для оценки степени допустимости и оправданности потерь важно определить коммуникативную значимость тех или иных элементов текста оригинала во всей его смысловой структуре. Достаточно иллюстративным в этом отношении является перевод Песни девушек.

Девицы, красавицы,	¡Doncellas tan bellas,
Душеньки, подруженьки,	Angeles de amor,
Разыграйтесь, девицы,	Animaos, ninas
Разгуляйтесь, милые!	Disfrutad sin temor!

¹ См. Виньярски Мариса. О некоторых проблемах поэтического перевода с русского языка на испанский//Тетради переводчика. Вып. 20.–М., 1983. С. 26.

² См. Гончаренко С.Ф. К вопросу о поэтическом переводе//Тетради переводчика. Вып. 9.–М., 1972.

³ Гончаренко С.Ф. О моделировании процесса перевода поэтических образов//Тетради переводчика. Вып. 12.–М., 1975. С. 39.

Затяните песенку,
Песенку *заветную*.
Заманите молодца
К хороводу нашему.
Как заманим *молодца*.
Как завидим *издали*.
Разбежимтесь, *милые*,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.

Entonad un canto.
Una *entrañable* canción.
Atraigamos hacia nuestro coro
A *aquel* mozarrón,
Y cuando *lo logremos*
Y lo veamos *llegar*
Dispersémonos *todas*.
Cubrámosle de guindas,
De guindas y frambuesas,
Frambuesas y *grosellas*.

Песня звучит в переводе так, как если бы она была написана на испанском языке. Ей свойственна музыкальность, народность, лиризм и наивность. Семантическая субструктура текста претерпела некоторые изменения (выделены курсивом), но смысл остался инвариантным, поскольку не коснулись коммуникативно значимых параметров. Ритмика является значимым параметром для перевода песни. Адекватность достигается не «эквиритмичностью» (подобная задача вообще невыполнима, учитывая метрические и другие несовпадения), а выбором песенного ритма, соответствующего испанской народной традиции, гармонией и стилевой обоснованностью лексики, песенным зачином.

Изменения ритма у Пушкина всегда значимы, они соответствуют настроению, описываемому сюжету, т.е. они небезразличны авторскому замыслу. Достаточно сопоставить две сцены из сна Татьяны: статику описания застолья чертей и динамику шабаша:

Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

Aquí, una bruja con barbas de chivo.
Acá, un arrogante y presentuoso esqueleto.
Allí, un enano de larga cola
Y también un animal mitad gato y mitad grulla.

(V, XVI)

Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница вприсядку пляшет
И крыльями трещит и машет;

Ve un cangrejo cabalgando sobre una araña.
Una calavera con cuello de ganso
Y cubierta con una gorra escarlata.
Un molino que danza un baile ruso
Y agita sus crujientes aspas;

(V, XVII)

Одним из показателей коммуникативной значимости/незначимости единиц текста является возможность частичной или полной нейтрализации их значений в тексте перевода, вплоть до их полной элиминации. Необходимость этих и других преобразований

может быть вызвана не только несовпадением ИЯ и ПЯ на уровне системы, нормы и узуса, но и причинами, связанными со структурированием текста, его ритмикой, звучанием, требованием уложиться в sacramентальные четырнадцать строчек. Эти положения хорошо прослеживаются на переводе лирических отступлений, позволяющих проникнуть в авторский замысел даже в большей степени, чем сама фабула романа. В приводимой ниже строфе можно проследить случаи нейтрализации значения времени, лица, модальности, экспликации некоторых значений, частичного изменения значения предложения, полного изменения его коммуникативного типа и др.

Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аришин?
Кто клеветы на нас не сеет?

¿ Quién no nos traicionará en la vida?
Quien juzgará en nuestro favor
¿ Nuestros actos y palabras?

Кто нас заботливо делеет?
Кому порок наш не беда?
Кто не наскучит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,

¿ Quien no nos calumniará?
¿ Quien se ocupará en mimarnos?
¿ Para quien no son nuestros vicios un mal?
¿ Quien no nos cansa jamas?
Inquieto buscador de un fantasma,
Para no mortificarte sin utilidad

Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его.

Amate a ti mismo,
Respetable lector.
¡Objeto mas digno y agradable
Seguro que no has de encontrar!

(IV, XXII)

В смысловой структуре текста могут оказаться коммуникативно значимыми самые разные параметры. Например, для пушкинских стихов часто характерны «перебой» настроения внутри одной строфы, изменение стилевого регистра, ритмики. В следующей строфе «перебой» происходит дважды: после четвертой и в середине двенадцатой строк и оба раза он находит отражение в переводе:

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,

Mas nuesstro nortefño estio,
Caricatura del meridional invierno,
Aparece y se esfuma; cosa sabida es,
Aunque no lo queremos reconocer.
Se respiraba ya en el aire otoño.
El sol brillaba rara vez,
Los días se iban acortando,
La espesura misteriosa del bosque
Se deshojaba con gemido lastimoso,

Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

La niebla comenzaba a cubrir los campos,
Las chillonas caravanas de gansos
Se dirigián hacia el Sur;
Una época bastante aburrida se acercaba.
Noviembre estaba al llegar.

(IV, XL)

Рифмованный перевод, конечно, потребовал бы значительно больших преобразований, но даже в рамках свободного стиха их немало.

Любые преобразования не являются самоцелью, а лишь средством достижения цели. Интересно в этом смысле сравнить два случая достижения образной адекватности: в первом довольно много преобразований, во втором их практически нет, однако прекрасно передана простота, красота и ясность пушкинского образа:

*Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;*

*De entre la fría niebla surge la aurora;
En los campos cede el ruido del trabajo;*

(IV, XLI)

Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.

Diafonos aún, los bosques
Parece que verdean de pelusa.

(VII, I)

Степень переосмысления образа в целях достижения адекватности может быть различной: от простого перераспределения сем до полного изменения семантического компонента смысла. Однако в любом случае адекватность тропа определяется на основе коммуникативно-функциональных критериев (коммуникативная значимость в тексте, соответствие описываемым характеристикам и обстоятельствам, а также всем остальным значимым параметрам):

...Su silenciosa lira

Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла.

Hubiera podido a través de los siglos
Resonar vibrante e ininterrumpida.

(VI, XXXVII)

Простим горячке юных лет
И юный жар и юный бред.

Perdonemos el delirio, los arrebatos
Y el ardor de los años juveniles.

(II, XV)

Все благо: бдения и сна

Todo será bien recibido: el velar

Приходит час определенный;

Y el dormir tienen sus horas profijadas.
(VI, XXI)

Блеснет завтра луч денницы
И заиграет яркий день;

Brillara el lucero matutino
Y el alegre día volverá a resplandecer.
(VI, XXII)

Он охладительное слово
В устах старался удержать.

En sus labios procuraba retener
Las palabras de desaliento.
(II, XV)

А ты, младое вдохновенье,
.....

В мой угол чаще прилетай,

Y tú, juvenil inspiración
.....
Frecuena más a menudo mi vida.
(VI, XLVI)

Смысл любого высказывания или пассажа текста имеет двойную причинную обусловленность: внутреннюю (логика развития текста) и внешнюю (соответствие релевантным чертам речевой ситуации). Оба фактора тесно взаимодействуют в рамках такой замкнутой системы как текст, который всегда содержит эксплицитную или имплицитную информацию, позволяющую осуществить верификацию истинности смысла при условии достаточности фоновых знаний получателя текста.

При сих словах он осушил
Стакан, *соседке* *приношенье*,
Потом разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

Con estas palabras, vació
El vaso que le había traído la vecina.
Después se puso nuevamente
A hablar de Olga. Así es el amor!
(IV, XLIX)

Окончание дательного падежа (*соседке*) может остаться незамеченным в столь архаичной форме (*соседке* *приношенье*). Однако проверка «изнутри» и «извне» позволяет однозначно интерпретировать смысл: Онегин вел в деревне уединенную жизнь и принимал только Ленского, в описываемом случае друзья проводят вечер вдвоем (эксплицитно выраженная логика развертывания текста); нравы описываемой среды исключают предложенное толкование (имплицитная информация, требующая определенных фоновых знаний).

В строфе, посвященной альбому провинциальной барышни, Пушкин употребляет прилагательное «злодейский»:

Тут непременно вы найдете	No podrán faltar allí
Два сердца, факел и цветки;	Dos corazones, la antorcha y las flores,
Тут верно клятвы вы прочтете	Sin duda leerás
В любви до гробовой доски;	Juramentos de amor hasta la tumba,
Какой-нибудь пьет армейский	Y algún versito <i>mordaz</i> ,
Тут подмахнул стишок злодейский.	Obra de un poeta militar.

(IV, XXIX)

Смысл прилагательного *злодейский* можно истолковать как *fatal, infernal, sentimental*, так как в альбомы барышням не принято было писать злые стихи, да и логика исключает такое толкование.

На балу у Лариных Онегин танцует с Ольгой

E inclinándose le suspira tiernamente

И, наклонясь, ей шепчет нежно

Какой-то *пошлый* мадригал...

Un *indocente* madrigal...

(V, XLIII, XLIV)

По тем же соображениям (нравы, социальные роли) *пошлый* означает здесь 'тривиальный', 'заурядный'.

Татьяна в кабинете Онегина видит среди прочих предметов

И столбик с куклою чугунной

...y el pedestal con la figurita

Под шляпой с пасмурным челом,

De hierro, *las manos apretadas sobre la cruz*

С руками, сжатыми крестом.

Y el sombrío rostro cubierto con un sombrero.

(VII, XIX)

Весьма фундаментальные фоновые знания переводчика позволяют ему сделать исторически точный комментарий, который даже в известной степени компенсирует потерю коннотации, связанной со словом *кукла*:

Estatuilla de Napoleón. En los años veinte, semejantes figuras alcanzaron gran difusión, debido a la valoración romántica del papel histórico de Napoleón; su idealización constituyó un signo de protesta contra la política reaccionaria de la Santa Alianza.

Однако в пушкинском тексте оказывается релевантной еще одна, на этот раз бытовая деталь, а именно излюбленная поза Наполеона.

Верификация «истинности» смысла по внутренним и внешним параметрам позволила бы различить весьма непростые для понимания омонимы: *сени* — 'передняя часть дома' — и *сени* — мн. число от *сень* — 'тьень, чаща':

...Adiós.

...Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глуши...

...Adios.
Solitarios rincones, en que transcurrieron Mis
dias...

(VI, XLVI)

И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

Y un enorme y abandonado parque,
Refugio de pensativos driades,
Dada amplitud al *zaguan*.

(II, I)

Второй случай оказался непростым. Актуализацию смысла можно было бы осуществить только по внутренним параметрам (*густые сени*).

Основные оперативные принципы перевода (коммуникативная значимость и функциональная эквивалентность) распространяются и на передачу реалий. Является ли коммуникативно значимым для образа Татьяны и смысла текста в целом название детской игры в следующем случае?

Она в *горелки* не играла...

...no jugaba con ellas al *gorelki*

(II, XXVII)

Название любой подвижной детской игры выполнило бы здесь ту же функцию.

Примером коммуникативно-функционального подхода к передаче реалий может служить:

Он дамам к ручке не подходит;
Все да да нет; не скажет *да-с*
Иль *нет-с*.

A las damas no besa las manos;
En lugar de *si, senora o no, senora*,
Solo si o no sabe decir.

(II, V)

В описании Петербурга от переводчика требуются обширные фоновые знания, которые позволили бы ему элиминировать незначимые для получателя компоненты текста и эксплицировать значимые компоненты смысла:

На биржу тянется извозчик...

Se dirige el cochero a su *parada*...

(I, XXXV)

Действительно, здесь *биржа* — 'уличная стоянка извозчиков'¹. Относительно передачи следующей реалии можно выразить определенные сомнения:

¹ Словарь языка Пушкина. Т. I. С. 114.

Естественно, что такой перевод сопровождается сноской по поводу *Охты*: Barrio humilde de Petersburgo. Коммуникативная значимость пушкинской фразы сегодня заставляет задуматься даже русского читателя, куда и зачем спешит *охтенка*? Внутренняя логика развития текста склоняет нас к мысли, что она спешит что-то продать (Встает купец, идет разносчик, /На биржу тянется извозчик...). Верификация смысла «извне» требует вполне конкретных фоновых знаний: «Охта была заселена финнами, снабжавшими столицу молочными продуктами.»¹ Неинформативное для испаноговорящего получателя слово *охтенка* вполне можно было бы опустить, заменив его коммуникативным синонимом *молочница*.

При передаче реалий, как и в других случаях, возможна частичная или полная нейтрализация значения, как например, это произошло со словами *будки* и *мальчишки* в следующем пассаже:

Мелькают мимо *будки*, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари...

Se vislumbran junto a las *casetas*
Las mujeres, los *chiquillos*, los puestos,
Los faroles...

(VII, XXXVIII)

Определенная неточность в передаче этих двух реалий (*будки* — полосатые деревянные будки для будочников — младших чинов полиции; *мальчишки* — рассыльные из магазинов) оказывается коммуникативно незначимой в данном тексте для иноязычного получателя, так как не нарушают авторского замысла: обрисовать пеструю картину, открывающуюся приезжему на Тверской (*будки* соседствуют с *лачугами* и *дворцами*, а *мальчишки* с *бабами*, таким образом, логика текста не нарушается), частичная нейтрализация значения реалий на смысле не сказывается. То же можно сказать и о частичной нейтрализации в случае *бабы*.

Другое дело коммуникативная значимость ономастической лексики. Гости на балу у Лариных — литературные маски: фонвизинские Скотинин, Простаков, Гвоздин, пушкинский Буянов. Переводческий комментарий не объясняет смысл имен (Nombre extraído de “El ignorante” de Fonvizin. Con ello, Pushkin trata de mostrar que aun no habían desaparecido personajes semejantes a los de Fonvizin).

Нам удалось коснуться вскользь лишь немногих вопросов теории и практики перевода. Любому переводу «Евгения Онегина»

¹ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина
1980. С. 165.

«Евгений Онегин». Комментарий.—Л.,

можно посвятить фундаментальный труд, который превратился бы в «энциклопедию» переводчика. Ограничив себя рамками простых заметок об одном переводе «Евгения Онегина», мы хотели бы подчеркнуть, что Хосе М. Браво внес весомый вклад в вечно живое дело перевода пушкинского романа и популяризацию в Испании творчества великого поэта, расчистив в известной степени путь к созданию в будущем рифмованного перевода «Евгения Онегина».

Л.А. Черняховская
(Москва)

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБРЕТАЕТ СОБСТВЕННЫЙ ТЕЗАУРУС¹

Теория перевода — наука молодая. Она развивается бурными темпами и к тому же, являясь в принципе направлением лингвистическим, вбирает в себя данные многих смежных с лингвистикой наук, изучающих разнообразные аспекты человеческой деятельности. Все это не могло не привести к тому, что на сегодняшний день в теории перевода сложился чрезвычайно сложный и многоаспектный аппарат, требующий богатства и разнообразия терминов. Как известно, новые термины практически почти не придумываются, и теории перевода, как и другим молодым наукам, приходится использовать уже существующую терминологию, вкладывая в общепринятые термины новые значения, создавая новые термины путем комбинирования старых и т.п. Такое положение дел не могло не привести к чрезвычайной пестроте, неупорядоченности, многозначности, а иногда и произвольному употреблению терминов.

Упорядочение терминологии — обязательное условие становления теории. Эта проблема стала тем более актуальной, что развитие теории опережается бурным ростом переводческой деятельности, которая является необходимым условием научного прогресса, поскольку способствует информационному обмену в области науки, техники и культуры. В этой связи как нельзя более своевременным представляется появление двух книг Ю.В. Ванникова, изданных Всесоюзным центром переводов.

¹ См. Ванников Ю.В. Основные терминологические аспекты переводческой деятельности — М., 1984 и Тезаурус по научно-техническому переводу — М., 1986.

В этих двух книгах впервые осуществлена попытка систематизации и нормализации терминов по общей теории перевода и научно-техническому переводу.

В книге «Основные аспекты переводческой деятельности» осуществлена общая характеристика переводческой терминологии, изложены принципы ее отбора, описания, нормализации и систематизации. Упорядоченная в этом пособии терминология представляет собой, фактически, систематический указатель для тезауруса, представленного во второй книге. Этот тезаурус имеет двухкомпонентную структуру — включает лексико-семантический указатель и указатель иерархических отношений. Лексико-семантический указатель — это упорядоченная по алфавиту последовательность словарных статей тезауруса — дескрипторов и аскрипторов. Указатель иерархических отношений — это перечень списков дескрипторов, в котором каждый список начинается с дескриптора, не имеющего вышестоящих.

Тезаурус снабжен техническим аппаратом, который обеспечивает его совместимость с информационно-поисковым тезаурусом по языкознанию, разработанному в ИНИОН АН СССР, и может рассматриваться как дополнение к нему или его составная часть. Этот аппарат обеспечивает также совместимость этого тезауруса с комплексом информационно-поисковых языков, входящих в ИА-ИС ИНИОН.

Эти две книги в совокупности являются первой и весьма удачной попыткой создания терминологического тезауруса по теории и практике научно-технического перевода и общим проблемам переводческой деятельности. В них совмещены функции отраслевого тезауруса и общего терминологического тезауруса по основным аспектам перевода, поэтому появление этих трудов вносит серьезный вклад в упорядочивание терминологии теории и практики не только научно-технического, но и других видов перевода.

Создание единой, упорядоченной и стандартизированной понятийно-терминологической системы должно обеспечить, насколько возможно, единство подхода к основным аспектам переводческой деятельности. Несомненно, создание такой системы будет способствовать повышению квалификации переводчиков, совершенствованию научной организации и нормированию переводческого труда; эти результаты могут использоваться в автоматизированных системах научно-технической информации, для решения целого ряда теоретических и практических задач.

Представляется поэтому, что эти две работы вызовут интерес

как у теоретиков, так и у переводчиков-практиков, а также у всех, кто занимается разнообразными проблемами хранения и передачи информации.

К сожалению, обе эти книги вышли очень небольшим тиражом. Спрос же на них огромен, тем более что пока это единственные работы такого рода. Поэтому было бы хорошо, если бы эти две работы, представляющие собой по сути единое целое, были бы изданы в одной книге, объединяющей все составные части переводческого тезауруса.

С.Я. Шмаков
(Москва)

ЯЗЫК СОВЕТСКИХ ГАЗЕТ ГЛАЗАМИ АНГЛИЧАН (ПО ПОВОДУ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ Р. ГЕНРИ И К. ЯНГ)

В нашей профессиональной деятельности мы сталкиваемся с газетными текстами, пожалуй, наиболее часто. И это вполне оправдано — где еще, как не в газете, найдешь такое разнообразие жанров и индивидуальных стилистических черт, такое обилие экстралингвистической информации! Газета дает нам многое, но многого и требует от нас. Газета — это целый комплекс сложных переводческих проблем, которые необходимо решить и профессиональному переводчику, и преподавателю перевода, и студенту.

В связи с этим интересно узнать, как подходят к проблемам перевода советских газетных текстов на английский язык английские переводчики. В 1983 году издательство «Коллетс» выпустило пособие по переводу русских газетных текстов Р. Генри и К. Янг «Газета»; в 1985 году пособие было переиздано. По форме книга представляет собой краткий лингвострановедческий анализ языка советской газеты. Оно включает небольшой раздел о чисто переводческих проблемах, список литературы, состоящий в основном из советских источников, и сборник текстов, расположенных по возрастающей степени сложности, с отдельными лексическими и стилистическими комментариями. Книга имеет приложение — список русских акронимов и словарь.

Отобранные тексты включают вырезки из самых различных материалов — заявлений ТАСС, призывов ЦК КПСС, очерков, фельетонов, информационных сообщений и некрологов. Таким образом, авторы попытались дать примеры на все возможные стилистические и жанровые вариации в наших газетах.

Наибольший интерес для нас, пожалуй, представляет вступительная теоретическая часть книги, в которой с самых первых строчек авторы весьма решительно заявляют: английские и советские газеты отличаются радикально.

Нет необходимости говорить о причинах этих различий или о справедливости выдвигаемых англичанами отдельных социолингвистических обоснований типичных черт советских газет. Важно обратить внимание на замечания авторов пособия, так как они отражают то, что для носителей языка необычно и чужеродно, то, что является чертой, не имеющей параллели в англоязычной газете, и, следовательно, то, что обязательно следует учитывать, стремясь к адекватному переводу.

«Газета» дает краткую характеристику советской прессы в целом. Как бы полемизируя с устоявшейся на Западе точкой зрения о единообразии и монотонности советских газет и журналов, авторы говорят о множестве выпускаемых в СССР газет—центральных, правительственных, республиканских, областных, местных, профессиональных—и признают существование различных подстилей и жанров газетного языка, что находит свое отражение в использовании различных языковых средств и вариантов расположения материала. Отмечается сравнительно меньший объем советской газеты. Обращается внимание на то, что в советской газете первая полоса обычно отводится событиям внутренней жизни. Что же касается новостей, занимающих первую полосу западной прессы, то, например, в «Правде» или «Известиях» они отнесены на III—IV полосы. Эти внешние неязыковые различия, пожалуй, не представляют особого интереса для переводчика, хотя полностью игнорировать их было бы неправильно—материал в газете расположен по степени важности для читателя, и номер полосы, на которой напечатана та или иная информация, уже является своеобразной оценкой фактов.

Более важными для нас представляются замечания относительно языка советской публицистики и способов перевода наших газетных материалов на английский язык. Вот как попытались авторы пособия выявить типичные черты нашего газетного стиля, подходя к проблеме с социолингвистических позиций.

1. Для советской газеты характерна «концепция жизни» как борьбы, что находит свое языковое выражение в использовании клише «военного» характера. Например, в заголовках: «Встретим весну во всеоружии», «Весеннему посеву—боевую готовность». Аналогичные клише используются в корпусе статьи: «борьба за мир», «фронты» (в сельском хозяйстве, в промышленности, образовании).

По этому поводу нельзя не отметить, что в английском газетном языке тоже зачастую используются похожие стилистические средства, например, “conquest of space”, “battle for survival”, хотя масштабы их употребления несколько меньше.

2. Язык советской публицистики, по мнению англичан, определяется также концепцией «человек — хозяин природы и вселенной», «человек — творец, создатель».

3. «Идея жизни» представлена как динамический поступательный процесс; часто имеет место метафорическое изображение жизни как спортивного соревнования.

4. Поскольку мировоззрение советского народа основано на теории научного коммунизма, в языке советской прессы часто употребляются слова и конструкции типа: «руководящая теория», «объективные данные», «последовательный», «закономерный» и т.п.

Перечисленные социолингвистические причины, по мнению англичан, определяют оценочный и эмоциональный характер языка советской газеты, что представляет — и не только по мнению англичан — значительную трудность для перевода газеты на английский язык. Что же касается авторов пособия, то они не смогли обойтись без критических замечаний в отношении нашей публицистики, отметив среди прочих особенностей частые случаи неоправданного многословия и чрезмерно сложный синтаксис — длинные сложносочиненные предложения с несколькими придаточными или причастными и деепричастными оборотами.

К сожалению, на такие замечания порой трудно возразить...

Перевод заголовков является серьезной проблемой из-за традиционных структурных и стилистических различий в советских и английских газетах. Изучение английских газетных заголовков выявляет такие их характерные черты, как краткость и зачастую малую информативность. Уже вошли в историю такие перлы английской журналистики, как “Gravel Protest Letters Flood Shire Hall”. Однако мы не всегда замечаем, что буквальный перевод некоторых распространенных заголовков из советской прессы оказывается не менее туманным. Взгляд англичан отмечает как весьма неудачные заголовки типа «Большой интерес», «Опубликован декрет» и т.д.

Как типичная черта советских газет отмечается эмоциональность многих заголовков, их своеобразный пафос: «Разжигают психоз», «Нет — НАТО!».

Советские заголовки, в отличие от английских, обычно не построены на аллитерации или каламбуре.

Корпус текста газетной статьи привлекает внимание англичан

подбором лексических средств. Они отмечают использование определенного стандартного газетного лексикона, который включает, например, набор синонимичных глаголов «говорения»: *сообщать, передавать, докладывать, заявлять, объявлять, отмечать, указывать* и т.д.

Часто в советской газете используется такое необычное для английского языка средство, как сочетание глагола с именем существительным в качестве глагольного эквивалента: *оказать помощь, предъявлять обвинение, оказать сопротивление, совершить покушение* и т.д.

Многочисленные отглагольные существительные и словосочетания с ними представляются также не вполне обычным явлением в английском газетном языке и требуют перевода при помощи глагола, особенно в тех случаях, когда в русском исходном тексте авторы злоупотребляют номинализацией, например: «В результате постановки на голосование выдвинутого администрацией компромиссного варианта урегулирования вопроса о заработной плате».

Англичане обращают внимание на типичные для языка советской прессы синтаксис и порядок слов. Стандартный порядок слов прямой: подлежащее — сказуемое — дополнение. (Ср. «Динамовцы одержали победу над спартаковцами»). Обстоятельства места и времени помещаются в начало предложения (Ср. «В столице Индии 8 марта открылась международная встреча».

В качестве приема передачи случаев инверсии для установления соответствующих темо-рематических отношений в английском переводе рекомендуется варьирование артиклями *a/the*.

Необычными для англичан выглядят случаи эмфатической инверсии («Мелодии Москвы — под таким девизом проходили выступления советских музыкантов») и некоторые типичные газетные эмфатические конструкции («Задания — досрочно!» «Норма — не предел!»).

В процессе анализа языка советской газеты так или иначе затрагиваются переводческие проблемы. Но поскольку основная цель пособия — дать элементарные навыки перевода, то этим вопросам посвящен специальный раздел пособия, в котором авторы прежде всего отмечают большую точность и логическую последовательность русского текста. (Здесь, видимо, уместнее говорить об общей тенденции к эксплицитности русского газетно-публицистического стиля).

Ср. «Заявление премьер-министра по проблемам нехватки

энергоресурсов» — “PM’s Energy Message”.

Для передачи русских слов и конструкций на английский язык предлагается набор стандартных переводческих приемов:

1. Рекомендуется активизировать русские предложные сочетания имени существительного.

Например: «В распространенном здесь заявлении указывается» — “The statement published here points out”.

2. Глагольные конструкции *объявлять о чем-л.* переводятся с помощью прямого дополнения или конструкции *make an announcement about*.

3. Рекомендуется опускать при переводе (как недостаточно информативный) английский эквивалент глагола *поставить* или его производные, например, *поставленный*, в сочетаниях *ставить/поставить вопрос; постановка вопроса* и т.д.

Ср.: «конкретные меры, направленные на решение поставленных вопросов» — “specific measures designed to solve these problems”.

4. Также «лишними» считаются эквиваленты русских слов *в дело* и т.п. Ср.: «вклад в дело противодействия проискам империализма» — “role in counteracting imperialist intrigues”.

5. Дословный перевод предложений с использованием фраз *в направлении чего-л., в области чего-л.* и т.п. чрезмерно усложняет фразу на языке перевода.

6. Опускаются причастия и деепричастия в сочетаниях *сложившаяся обстановка* и т.п. При переводе достаточно варьировать артикли. Ср.: *the situation*.

7. Опускаются или упрощаются русские фразы *в связи с этим, в частности, как известно, при этом, со стороны* и т.д. Ср.: «...В торговле между Востоком и Западом должно руководствоваться, в частности, принципами взаимной выгоды». — “In East-West trade the parties should be guided by the principles of mutual advantage”.

8. Английские переводчики обращают внимание на использование в советской прессе названий столиц для обозначения соответствующих стран или правительств этих стран. Видимо, этот прием реже используется в английском газетном стиле, чем в русском.

Ср.: Лондон — Великобритания; Вашингтон, Пентагон — США.

9. Требуется перестановка определений во фразах *новые важные предложения, новая важная акция* и т.п. (ср.: *important new proposals, a major new political event*).

10. Наблюдаются различия в употреблении русских вводных *в общем, вообще, несомненно* и их прямых словарных соответствий.

Ср.: *вообще* — all in all, altogether.

Авторы не обходят стороной встречающиеся в советской газете «ложные друзья переводчика», и интернациональные слова. Например, русское *нормально* рекомендуется переводить, как *well, properly*; *практический, реальный* — *realistic, feasible*; *актуальный* — *topical (and urgent)*.

Но основные трудности перевода советской газеты на английский язык составляют конечно же, советизмы. С таким замечанием английских переводчиков можно только согласиться. Авторы книги весьма образно окрестили буквальные переводы советских реалий «переводческим кошмаром». Например, *ударный труд* — *shock work*; *ударная вахта* — *shock worker's watch*; *эстафета соревнования* — *emulation relay*; *работники в белых халатах* — *workers in white gowns*.

Нет сомнений, что подобные переводы не будут понятны англоязычному читателю без декодирования. Отсюда основной вывод авторов пособия: поскольку советские газеты содержат лексику, не имеющую англо-американских эквивалентов, часто требуется пояснение объемом от слова или словосочетания до целого абзаца.

Такой подход к переводу представляется оптимальным, так как он подразумевает адекватность перевода на уровне прагматической установки, а это для газеты как средства пропаганды, пожалуй, важнее всего.

Следует в то же время отметить, что сами составители пособия не всегда верны собственным выводам. В практической части книги и словаре даются преимущественно буквальные соответствия, не обеспечивающие адекватности перевода. Тем не менее, в целом, замечания английских переводчиков могут дать нам ключи для поиска адекватного варианта при переводе газетного текста, который, возможно, как никакой другой, нуждается в ориентации на языковые нормы, привычные для широкой читательской аудитории.

Литература

1. "Gazeta". An Annotated Collection with an Introduction, Glossaries, and Commentaries. P. Henry. K. Young. The University of Glasgow in Association with Collet's. Wellingborough, 1985. 170 p.
2. Spiegl F. Keep Talking the Tabloids. Pan Books. London, Sydney, 1983. 184 p.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	
<i>В.Н. Комиссаров. Советское переводоведение на новом этапе</i>	3
II. Теория и практика перевода	
<i>Д.И. Ермолович. В поисках критерия эквивалентности</i>	15
<i>М.М. Зинде, С.А. Фридрих. Качество перевода и стилистика текста</i>	23
<i>А.Д. Швейцер. Эквивалентность и адекватность перевода</i>	31
III. Практика перевода	
<i>В.С. Кудряшов. Семантико-прагматический аспект перевода реалий</i>	40
<i>Л.Г. Нечаев. К проблеме вариативности актуального членения при переводе</i>	49
<i>Л.А. Петрова. Перевод итальянских номинативных экзистенциальных предложений на русский язык</i>	57
<i>М.А. Таривердиева. Об одном случае перевода модальных конструкций</i>	65
<i>В.И. Шаховский. Национально-культурная специфика эмоций в языке оригинала и ее отражение в языке перевода</i>	74
IV. Вопросы устного перевода	
<i>Э.А. Башкардин. О начальном этапе процесса последовательного перевода</i>	84
V. Вопросы научно-технического перевода	
<i>Б.Н. Климзо. О переводе некоторых отрицательных конструкций на английский язык</i>	92
<i>М.Я. Цвиллинг. Качество перевода научно-технических текстов и проблема выбора эквивалента</i>	102
VI. Методика преподавания перевода	
<i>А.В. Михеев, И.М. Семенова, Г.В. Чернов. Опыт деловой игры в подготовке переводчика-синхрониста</i>	113
VII. Вопросы художественного перевода	
<i>А.Н. Гиривенко. Перевод в литературном процессе</i>	118
<i>С.Ф. Гончаренко. Силлабична ли испанская «силлабика»?</i>	122
<i>М.П. Кизима. Художественный образ и поэтический смысл</i>	131
<i>А.Ю. Патрикеев. Сходство структуры межфразовой связи как критерий оценки качества перевода</i>	139

VIII. В мастерской переводчика	
<i>Е.В. Клычков. Жанровые особенности сонета и перевод английского сонета XVI века</i>	151

IX. Рецензии

<i>Э.Д. Львовская. Пушкин в Испании</i>	158
<i>Л.А. Черняховская. Переводческая деятельность обретает собственный тезаурус</i>	167
<i>С.А. Шамаков. Язык советских газет глазами англичан</i>	169

Научное издание

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

Научно-теоретический сборник

Вып. 23,

Заведующая редакцией Э.А. Проничева. Редактор В.П. Торпакова. Ст.-корректор-вычитчик В.Н. Круглянская.
Младший редактор Л.В. Демешова.
Художественный редактор М.Г. Мицкевич.
Технический редактор А.А. Акимова
Корректор Т.М. Абрамова

ИБ № 8635

Изд. № Р-533. Сдано в набор 19.10.88. Подп. в печать 05.06.89. Формат 60^x88/16. Бум. офсетная № 2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 10,78 усл. печ. л. усл. кр.-отт. 11,03 уч.-изд. л. 10,38

Тираж 2600 Зак. № 1431 Цена 60 коп.

Издательство "Высшая школа", 101430, Москва,
ГСП-4, Неглинная ул., 29/14

Набрано на участке персональных компьютеров издательства "Высшая школа"

Отпечатано в Московской типографии № 8 "Союзполиграфпрома" при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101898, Москва, центр, Хохловский пер., 7.

